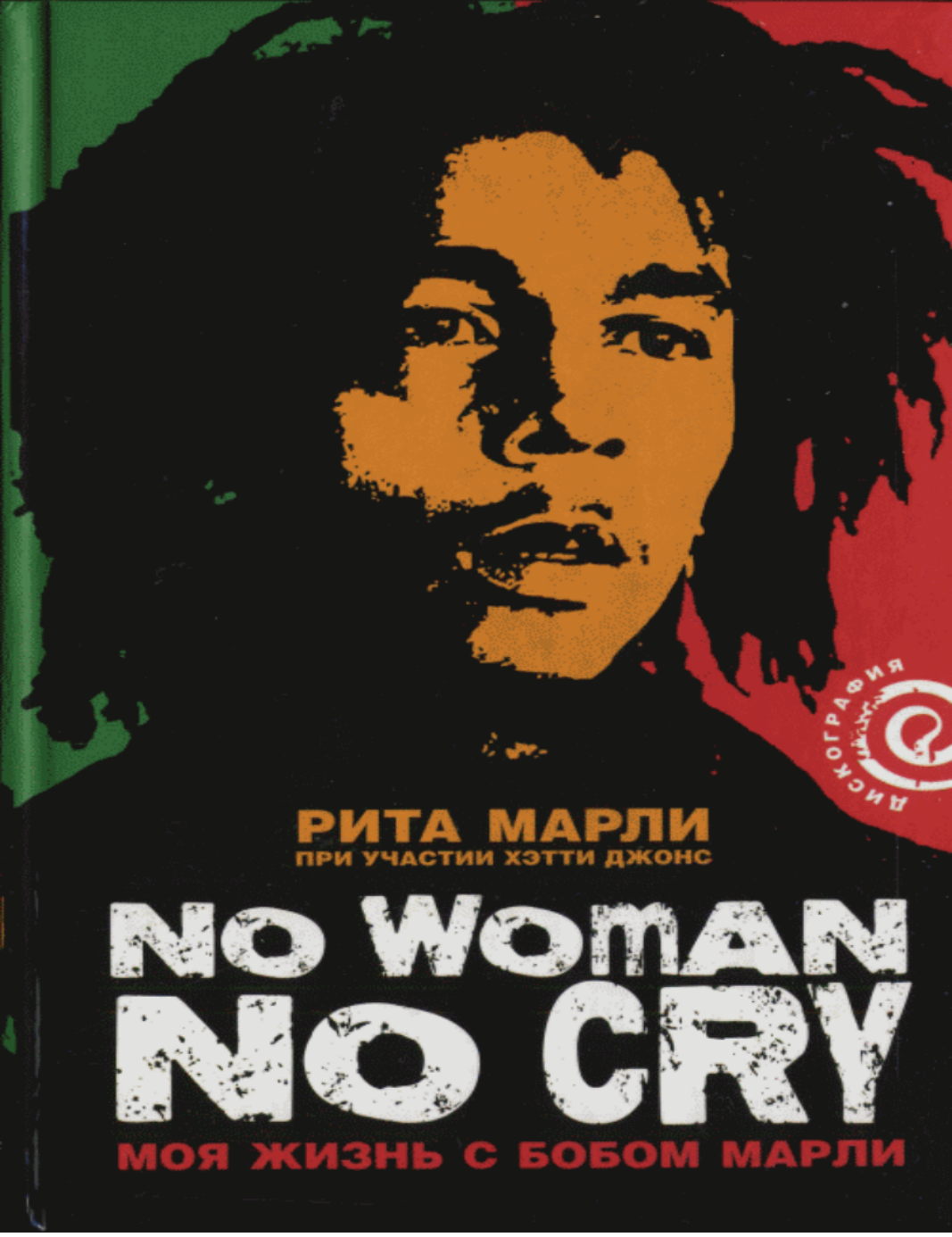


РИТА МАРЛИ

ПРИ УЧАСТИИ ХЭТТИ ДЖОНС

NO WOMAN NO CRY

МОЯ ЖИЗНЬ С БОБОМ МАРЛИ

РИСКОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Боб Марли — безусловный и бессменный король музыки регги, человек-легенда. Рита Марли была не только его женой и матерью четверых его детей, но и единомышленницей и соавтором. Ей исполнилось восемнадцать, а ему — двадцать один, когда они впервые встретились в Тренчтауне, одном из гетто ямайской столицы. Рита прошла рука об руку с Бобом через огонь наемных убийц, воду заморских турне и медные трубы всемирной славы. Они разделили любовь и разлуки, трудности безденежья, счастье совместного творчества и опасности, подстерегающие знаменитостей на каждом шагу. Многие годы Рита выступала на одной сцене с Бобом Марли, ее бэк-вокал звучит на большинстве классических альбомов его группы «The Wailers». Их совместная жизнь не была идеальной, но Рита всегда оставалась той женщиной, к которой Боб возвращался за поддержкой и жизненной силой, за теплом семейного очага; женщиной, чей дом он считал своим домом. На ее руках он умер от рака в возрасте тридцати пяти лет.

В наши дни Рита — хранительница наследия Боба Марли, она не понаслышке знакома с нищетой, расизмом и коррупцией, стоявшими на пути Боба к сердцам людей, и неустанно трудится над тем, чтобы его музыка находила все новых и новых слушателей. «No Woman No Cry: Моя жизнь с Бобом Марли» — подробная и содержательная биография знаменитого музыканта и в то же время человечная и жизнеутверждающая история брака, выдержавшего не один шторм.

- РИТА МАРЛИ
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая

- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Об авторах
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

РИТА МАРЛИ

при участии Хэтти Джонс
NO WOMAN NO CRY
Моя жизнь с Бобом Марли

I remember when we used to sit
In the government yard in Trenchtown…

In this bright future, you can't forget your past…

Oh, little darling… oh my little sister…
Don't shed no tears…
No woman no cry[1].

Боб Марли

Пролог

Люди спрашивают, что я чувствую, когда случайно слышу его голос по радио. Но так уж нас крепко жизнь связала — Боб как будто всегда со мной, мне всегда что-нибудь о нем напоминает. Мне не надо дожидаться, пока он запоет.

Он и в самом деле пообещал мне, прежде чем закрыть глаза в последний раз, что всегда будет рядом. Это было 11 мая 1981 года; доктора сказали, что он умирает от рака, и надежды нет. Но Боб еще держался, он не хотел уходить.

Я подложила руку ему под голову и пела «God Will Take Care of You» — «Бог о тебе позаботится». Но потом я расплакалась и сказала:

— Боб, пожалуйста, не оставляй меня, не уходи.

Тогда он поднял глаза и ответил:

— Не уходи — куда? Зачем ты плачешь? Хватит плакать, Рита! Продолжай петь. Пой. Пой!

И я стала петь дальше, и тогда поняла, что песня как раз об этом: «Я тебя никогда не покину — где бы ты ни была, там буду и я…»

Поэтому, когда я слышу его голос сейчас, это лишь подтверждает, что Боб всегда рядом, везде. Потому что его действительно можно услышать повсюду. В любой части света.

И что интересно, большинство людей слышит только *его*. Но я слышу больше, потому что присутствую почти во всех его песнях. Так что я слышу и свой голос тоже, слышу *себя*.

Глава первая
TRENCH TOWN ROCK
(Тренчтаун-рок)

Я с детства была амбициозной. Я просто знала, что без этого никак в окружении громил, воров, проституток и мошенников — в Тренчтауне такого добра было предостаточно. Но рядом с плохими жили и хорошие люди, сильные, талантливые, старающиеся быть достойными. Парикмахеры. Водители автобусов. Швеи. Боб и сам некоторое время работал сварщиком.

Я росла под опекой моего отца, Лероя Андерсона, музыканта, работавшего столяром и плотником. Иногда он брал меня на свои плотницкие работы или послушать его игру на саксофоне. Он сажал меня на край верстака в своей мастерской возле дома и называл разными ласковыми именами — «солнышко» или уменьшительными от моего полного имени, Алфарита Констанция Андерсон. Оттого, что моя кожа была очень темной, в школе меня прозвали «Чернушкой». Я с детских лет не понаслышке знала о расовом неравенстве и долго недооценивала себя из-за цвета кожи. На Ямайке так исторически сложилось. Как поется в старой американской песне, «if you're black get back, if you're brown, stick around…» («если ты черный, иди подальше, если ты смуглый, можешь остаться…»).

Тренчтаун был, да и сейчас остается гетто в Кингстоне, столице Ямайки. В те времена там царил самострой. Люди захватывали участок земли, получали на него официальное разрешение и потом строили на этой земле все, что могли. Там встречались дома из картона, ржавого железа, бетонных блоков. Будто в Африке, хижина на хижине. На Ямайке по-прежнему предостаточно таких мест.

Когда мне было пять лет, моя мать, Синтия «Вида» Джарретт, оставила папу, меня и моего брата Уэсли, чтобы создать новую семью с другим мужчиной. (С собой она взяла другого моего брата, Донована, у которого была более светлая кожа). Я любила маму, потому что когда люди смотрели на нас и говорили: «А это чьи детишки?», «А вон та чья девочка?», в ответ всегда слышалось: «А, да это дети Биды», «Это Бидина единственная дочка, какая хорошенькая девочка».

Но я все-таки продолжала жить то с мамой, то с ее мамой, моей бабушкой, пока мой отец наконец не решил это прекратить. Может быть, он ревновал Биду к другому мужчине и чувствовал,

что нам нечего там делать. Так или иначе, я чаще бывала у бабушки, потому что лицом была похожа на нее — семья моей матери кубинского происхождения — и мне она нравилась. Я даже терпела дым ее сигар — она курила их задом наперед, горящим концом в рот! Ее двор был полон внуков, отпрысков пяти дочерей, всем нужен был присмотр. Бабушка нас пасла, варила огромный котел кукурузной каши на завтрак, и мы с двоюродными братьями-сестрами четырех, пяти и шести лет ели эту кашу с крекерами и отправлялись в подготовительную школу.

Когда мой отец решил, что лучше нам жить с ним, он призвал на помощь свою сестру Виолу. Детей у Виолы не было, но она была замужем и пыталась построить свою собственную жизнь. Нами она не собиралась заниматься, пока не вмешались наши дедушка с бабушкой, которые нас очень любили, и не попросили ее подумать хорошенько. «Ты должна помочь Рою, — вроде бы сказал наш дедушка, — потому что детки хорошие и им нужна твоя забота». Этот дедушка, портной, умер примерно в то же время, когда тетушка Виола Андерсон Бриттон согласилась взять нас к себе. Так что я не успела с ним познакомиться, но мне есть за что сказать ему спасибо. Вряд ли я хоть что-нибудь потеряла, не оставшись с матерью; напротив — думаю, что я выросла порядочной женщиной благодаря тетке, отцу и брату; каждый из них сыграл свою роль. Мы должны были поддерживать друг друга.

Тетушка шила свадебные платья в партнерстве со своей сестрой Дороти «Титой» Уокер, которую мы, детишки, звали «Толстая Тетушка». Во всем Кингстоне люди знали: если хочешь, чтобы на свадьбе все было идеально, от невесты и жениха до мальчика-пажа, «Две Сестры» — это то, что нужно. И не забудьте про торт — тетушка могла и его сделать — от одного до пяти слоев! А еще некоторое время она содержала закусочный киоск у дороги перед нашим домом, где мы продавали имбирное пиво, пудинг, рыбу, пончики, чай и суп. Все сгодится, чтобы свести концы с концами. Ее муж, Герман Бриттон, был водителем. Он относился ко мне очень хорошо, и я считала его своим отчимом, но с тетушкой у него было не все гладко и они ругались каждую пятницу, когда он вечером приходил домой пьяный. В остальном он был тихий и мирный. Мистер Бриттон имел двоих сыновей вне брака, и впоследствии они с тетушкой разошлись.

Я не знаю, как тетушке это удавалось, но дом 18А по Гринвич-парк-роуд, где мы жили, выглядел лучше всех остальных в округе. Изначально это был «казенный» дом: деревянный каркас с крышей из оцинкованной жести, часть правительственной программы по жилищному строительству. Теперь же в нем было

три спальни, швейная мастерская, открытая кухонная пристройка, туалет — выгребная яма, веранда; вокруг был забор с калиткой, которую можно было запереть — редкость для Тренчтауна, где в те дни все кругом было открыто нараспашку и можно было запросто войти в чей угодно двор. У нас имелось радио, а позже и телевизор, и даже вода приходила по трубам прямо в наш двор, так что не надо было ходить на колонку, как делало большинство живущих по соседству людей.

Несмотря на то, что у нас всегда были обязанности по дому, тетушка нанимала одного или двух помощников, которые занимались хозяйством, пока она шила. Одним из них был Мас Кинг, он помогал тетушке делать пристройки к дому или ремонтировать крышу, пострадавшую от ветра или сильного дождя. Но верховодила всегда она: Мас Кинг подавал ей гвозди, а она их забивала! Тетушка была женщина с характером, маленького роста, но энергичная и напористая. Она могла легко довести кого угодно. Ей было немногим больше тридцати, когда мы переехали жить к ней, и она по-прежнему выглядела симпатичной и по-женски привлекательной. Сколько я ее знала, она всегда следила за своей кожей и фигурой. Но в ней было гораздо больше, чем просто внешность: я называла ее «сельский староста», потому что ей было дело абсолютно до всего. Все к ней приходили жаловаться, советоваться, и если что-то происходило в округе, то ей об этом сообщали в первую очередь. Еще она проводила лотерею: ей сдавали деньги, а в конце недели проводился розыгрыш. Она была и кормилицей, и местным «правительством», например, следила, чтобы все ходили голосовать, — как я уже сказала, она была «за старшего». Я знаю, непросто для такой женщины взвалить на свои плечи еще двух маленьких детей, но я думаю, что она это сделала с открытым сердцем, потому что любила своего брата и уважала родителей. И для нас она стала любимой тетушкой — самой-самой любимой.

Как-то папа делал табуретки в своей мастерской во дворе, и для меня тоже сделал одну. Все знали, что это табуреточка Риты — пусть всего лишь скамеечка на четырех ножках с квадратным сиденьем, но очень аккуратно сделанная и лакированная. Так что сразу было видно: чей-то папочка хороший столяр. Я часто сиживала на своей табуреточке в свободное время или пристраивалась на ней рядом с тетушкиной швейной машиной, чтобы помогать тетушке или просто смотреть и учиться. Впоследствии я стала для нее подшивать юбки и всякое такое.

Тетушкино уменьшительное имя было Вай, а у меня было для нее свое прозвище — Вай-Вай. Стоило мне только назвать ее Вай-

Вай, и все шло отлично. Но когда она шлепала меня, я думала: «За что? Как она может?! Если бы она меня любила, то не шлепала бы! Наверное, это потому, что она всего лишь моя тетя. Как было бы здорово, если бы она была моей мамой!» Много раз, когда меня наказывали, я садилась на свою табуреточку за углом дома и плакала, не забывая оглядываться по сторонам — если бы кто-нибудь увидел, они бы обязательно наябедничали: «Там вон Рита плачет, ма-ам!» Так что я плакала тайком, думая: «Почему, почему она меня ударила? Потому что у меня нет мамы? Потому что у меня нет настоящей мамы?..» И тут я начинала рыдать, громко и безутешно, чтобы тетушка непременно вышла и увидела меня и услышала мои слова. Потому что она считала, что другая мама кроме нее мне не нужна.

Иногда меня все же отводили в дом моей матери. Там мне приходилось спать с полутора десятками других детей, делать то и это, подметать там и тут, и никто особенно не обращал на меня внимания. И постепенно я начала понимать, что это не мой дом — и слава богу. У тетушки, где у меня была собственная комната и где обо мне заботились, — вот где было мое место.

Когда мне было девять лет, моя мать вышла замуж и не позвала меня на свадьбу. Такое непросто выдержать, особенно маленькой девочке. Я не хотела, чтобы тетушка знала, как мне плохо. Я чувствовала, нельзя ей ничего говорить, особенно когда она сказала: «Твоя мать не знает, что ты девочка, она даже трусики тебе не покупает». Конечно, я в очередной раз почувствовала себя брошенной.

Но тетушка была мудрее меня.

— Нечего страдать, — сказала она. — Она не хочет тебя приглашать? Ну и что! Я сошью тебе красивое платье, наряжу тебя, и мы пройдем мимо их дома, и все увидят, какая ты красивая и какая у тебя дешевка-мать.

Вот такая была у меня тетушка: она могла быть очень суровой, если ей это казалось необходимым. Но у нее были принципы, и она всегда держала голову высоко. Настоящая праведница! За это я ее уважала и старалась ее любить и не подводить. Когда мы с Уэсли выросли, мы говорили нашему отцу: «Были времена, когда мы даже не знали, где ты, а тетушка всегда была с нами».

Андерсоны были музыкальной семьей. Помимо моего отца и тетушки (которая пела в церковном хоре), я была хорошо знакома с моим дядей Кливлендом, сильным баритоном, которого неизменно звали на свадьбы и другие праздники. Так что я росла рядом с музыкой. И поскольку очень рано выяснилось, что у меня

есть голос, тетушка учила меня песням, а потом говорила своим заказчикам: «А вот Рита может вам спеть свадебную песню». Я любила петь и в церкви — я истинная христианка с самого детства. Я знаю, что есть Бог, я люблю Его и всегда чувствовала, что Он рядом. (К тому же у пастора был сын Уинстон, который провожал меня до дома после церкви и целовал у калитки.)

По субботним вечерам на «RJR», одной из двух ямайских радиостанций, шла передача под названием «Судьба стучится в дверь». Стоило туда попасть, и о тебе узнавали люди, которые потом могли вытащить тебя из дыры вроде Тренчтауна и пригласить в какую-нибудь полезную организацию наподобие скаутов, или могли дать немного денег и отправить тебя в какую-нибудь поездку. Мне исполнилось десять, когда тетушка спросила:

— Не хочешь ли ты, Рита, попробовать свои силы на радио?

Милая тетушка, она так в меня верила! Я ответила:

— Хорошо, а что я буду петь?

И она сказала:

— Молитву Господню, потому что это очень важная песня, и ты должна ее спеть.

Она усаживала меня на мою табуреточку возле швейной машины и день за днем распевала за шитьем «Отче наш», а я повторяла за ней:

— Отче наш… Иже еси на небесех… Да приидет царствие Твое…

И когда мы доходили до конца, она говорила:

— А теперь мы сложим наши ручки вот так: «Слааа авься»…

В тот день, когда должна была состояться передача, тетушка нарядила меня в кринолин, сногсшибательную голубую юбку и блузу с кружевными оборочками. Я была слишком мала ростом для микрофона, и организаторам пришлось поставить меня на ящик, но я их всех сразила! Сейчас я помню только слова: «Сегодняшний победитель нашего конкурса… Рита Андерсон!» И все кричат:

— Ты победила! Рита, ты победила!

Я поднялась на сцену и впервые сорвала аплодисменты. Я была такая маленькая — но, как я сейчас думаю, очень смелая! И вот с того самого дня я решила стать певицей.

Часто единственным способом держаться на плаву для семьи на Ямайке была и остается эмиграция: один из членов семьи уезжает за границу и посылает домой деньги. Как сейчас люди едут в Нью-Йорк, так раньше нашим спасением была Англия. Добирались пароходом, билеты стоили дешево, семьдесят пять

фунтов. Хотя годы могли уйти на то, чтобы сэкономить эти деньги, в конечном счете схема была всегда одна: если не хочешь сидеть у разбитого корыта, езжай в Англию и найди работу. Когда мне было тринадцать, тетушка заявила моему отцу:

— Ты убиваешь свою жизнь неизвестно на что. Где твое честолюбие? Нельзя же вечно сидеть на Ямайке и пилить доски или играть на саксофоне два раза в неделю. Рита уже подросла — скоро лифчик будет носить!

Тетушка купила отцу билет в Лондон и сказала:

— Давай, стань наконец человеком.

И так он вместе с остальными отправился в Лондон. Он водил такси, да и его столярные умения пригодились, но все же он умудрялся находить работу и как тенор-сак софонист, живя в разных европейских городах.

Мы с Уэсли думали, что со временем, через пару лет, папа возьмет нас к себе. Нам вечно твердили: «Если будете себя хорошо вести, поедете к отцу в Англию. Если будете вести себя как следует…» Я мечтала об этом и представляла, как однажды скажу друзьям: «Я уезжаю в Англию, потому что там мой отец. Папа нас вызвал к себе». Но этой мечте не суждено было сбыться, потому что отцу постоянно не хватало денег. Хотя он поддерживал с нами связь, я не видела его больше десяти лет. Боб встретился с ним раньше меня! Поэтому тетушка значила для меня так много — она давала мне стимул блюсти себя. Она подарила мне надежду на будущее. Она говорила: «Если мать бросила тебя и отец уехал, это не повод махнуть на себя рукой. Я — твоя тетушка, и я говорю, что ты тоже станешь человеком».

Через улицу от нашего дома, на другой стороне Грин вич-парк-роуд, располагалось старое кладбище, где лежало большинство католических покойников Тренчтауна. Хотя мы ничего особенно не боялись, жизнь напротив кладбища отличалась своеобразием. Мы всегда находились лицом к лицу с жизнью и смертью, потому что каждый день привозили три или четыре тела и проходили как минимум одни богатые похороны с красивыми цветами и венками. Наш сосед Тата служил там смотрителем, а его мать, мамаша Роза, была тетушкиной лучшей подругой. Так что мы всегда могли попасть на кладбище — пролезть через колючую проволоку ограды или даже войти через ворота, если нам так хотелось. И поскольку Тата знал, что мне нужны ленточки для школы и что мы с тетушкой любим цветы, то после особенно пышных похорон он посылал кого-нибудь позвать нас. Когда процессия расходилась, я пробиралась туда. Другие дети спрашивали: «Тебе не страшно?» Или говорили: «Ой, ты ходишь в школу через кладбище! Я тебя боюсь!» Но тогда

вступались мои друзья: «Чушь! Вы совсем глупые. Подумаешь, кладбище! Зато у Риты есть голова на плечах, она даже петь умеет!»

У нас была семейная традиция: собираться по вечерам и петь под сливой во дворе — в том самом дворе, про который позже пел Боб в своей знаменитой песне. С самых малых лет двор был для меня особенным местом, где я могла не только поплакать после тетушкиных шлепков, но и побыть наедине с собой. Земля там была плотная, чистенько подметенная (часто моими же усилиями), а на сливовом дереве весной появлялись красивые желтые цветы. Я любила срывать еще зеленые, клейкие внутри сливы, разламывать пополам и прилеплять на уши — получались чудесные сливовые сережки.

Когда мне было четырнадцать, Толстая Тетушка скончалась, и ее сын, мой одиннадцатилетний двоюродный брат Константин «Дрим» Уокер, перебрался жить к нам. Поскольку раньше они с Толстой Тетушкой жили на соседней улице, мы с Константином всегда были дружны и благодаря «Двум Сестрам» росли практически как родные брат и сестра. Тетушка научила нас петь в гармонию, и Дрим стал моим «аккомпаниатором», изображая голосом оркестр. По вечерам, во дворе, мы с ним выступали вместе. Все песни, которые звучали по радио, мы разучивали на голоса. Мы слушали радиостанции Майами, игравшие ритм-энд-блюз, Отиса Реддинга, Сэма Кука, Уилсона Пиккета или Тину Тернер, группы «The Impressions», «The Drifters», «The Supremes», «Patti LaBelle and the Bluebells», «The Temptations» — переслушали буквально весь мотаун. Но в Тренч тауне было не обойтись и без ска и более старой музыки, такой как ньябинги или менто, уходящей корнями в африканские традиции, — ведь и в Штатах на радио крутили не только соул и поп, но и фолк и традиционный блюз.

Иногда мы с Дримом устраивали шоу и собирали зрителей, которые платили нам по полпенни с человека. Люди из округи, соседи, их дети, хорошие, плохие — все ждали наших «особых вечеров». Даже кое-кто из папиных друзей-музыкантов — Роланд Альфонсо или Джа Джерри — приходил послушать нас. С помощью папы мы сделали «гитары» из банок от сардин: папа прибивал к банке вместо грифа кусок доски, а потом мы натягивали струны. Наши «гитары» были маленькие, но звучали!

В школе на Слайп-Пен-роуд мое имя сократили с «Ал фариты» до «Риты», учитель сказал, что иначе не помещается в журнал. Школа была государственная и достаточно престижная; мы носили белые блузки, синие гофрированные юбки и синие

галстуки и считали, что нам повезло. Не знаю, как тетушке удалось меня туда устроить, потому что для этого нужно было как минимум жить в том районе и происходить из хорошей семьи, а также иметь солидные рекомендации. Вряд ли это было про мою честь: я жила в гетто без матери, а папа был простым столяром и музыкантом без постоянного источника доходов. Думаю, тетушке пришлось подергать за кое-какие веревочки — может быть, она раздобыла рекомендательное письмо от какого-нибудь члена своей партии, ведь она была главой районной секции. Я показала себя достойной ее стараний. Я всегда любила школу, была «смышленой девочкой», как говорили мои учителя, — причем не только в науках, но и по части здравого смысла, — и схватывала все на лету. Кроме математики. Но я очень старалась, и во всем остальном была на высоте.

В начальной школе во время обеденного перерыва в классах собирались разные вокальные группы и соревновались между собой. Я была одной из ответственных, и если намечался концерт — часто накануне праздников, — то миссис Джонс, моя любимая учительница, говорила: «Рита, нам нужны какие-нибудь песни». Она предоставляла нам место и время для репетиций. Я говорила всем в моей группе, что делать, какие части петь и когда. А сама тайком мечтала, что когда-нибудь стану второй Дайаной Росс.

На Ямайке образование бесплатное только в начальной школе, а потом надо платить деньги. Я получила половинное пособие для средней школы — это означало, что государство обеспечивало половину, а вторую половину должна была доплачивать семья. А вместо семьи у меня были только тетушка и брат Уэсли. И через некоторое время у нас начались трудности с деньгами на завтрак, на книги, на то и на это. Но потом Уэсли — который в то время ходил в колледж — решил перейти на вечернее обучение, а днем работать. Что за чудо был мой брат! Они с тетушкой всегда меня поддерживали и были уверены, что я выбьюсь в люди, что у меня есть для этого нужные качества (хотя тетушка и впадала иногда в сомнения, когда видела мои оценки по математике).

Уэсли проводил много времени в колледже, но к тому времени, как мне исполнилось семнадцать, я уже мечтала поскорее найти работу, слезть с его шеи и ни от кого не зависеть. Я понимала, что нельзя вечно жить за тетушкин счет. Мыслей стать певицей у меня не было — если хочешь выжить на Ямайке, нужно быть реалистом. Так что по окончании школы я прямиком отправилась учиться на медсестру. И поскольку лучшим вариантом для всякой нуждающейся юной девушки была работа секретарши, то еще я записалась на вечерние курсы стенографии

и машинописи. Тогда у меня уже появился бойфренд, один из двух близнецов, которые тоже любили петь и пробовали создать нечто вроде ямайской версии знаменитого соул дуэта «Sam and Dave». По вечерам после работы мой друг поджидал меня с курсов и мы совершали длинные романтические прогулки.

И вот, как и многие девушки моего возраста, я увлеклась и сбилась с пути. Я дожидалась возможности начать работу в одном из больших госпиталей в Кингстоне (туда брали только с восемнадцати лет), когда забеременела. Подростковый секс был ужасным позором в то время, во всяком случае, с точки зрения тетушки. Я не осмеливалась ей рассказать, но меня выдала утренняя тошнота.

— Что это ты плюешься? — грозно спросила она. И мне пришлось сознаться.

Это был один из самых страшных грехов, которые я могла совершить под тетушкиным бдительным оком. Все были во мне разочарованы. «Давайте отвезем ее к доктору и избавимся от проблемы», — вот что они решили.

— Нет-нет, ты не можешь оставить ребенка, — сказала мама мальчика. — Мой сын слишком молод, и ты слишком молода, вы ни за что не справитесь, вам обоим надо вернуться в школу.

Она отправила парня в Англию — насильно, потому что мы любили друг друга, и он хотел стать отцом. Несмотря на его отъезд я решила все равно родить ребенка, хотя тетушка требовала, чтобы я пряталась под кроватью или за дверью, когда к нам кто-то заходил.

Я очень боялась, но не теряла присутствия духа и вскоре родила в госпитале «Джубили» моего первого ребенка, девочку, которую я назвала Шэрон. Надо ли удивляться, что она тут же стала тетушкиной любимицей и королевой бала. Что же до меняло свой девятнадцатый день рождения я встретила, по-прежнему дожидаясь работы в госпитале и забыв про дальнейшее образование.

Рождение Шэрон не особенно переменило нашу домашнюю жизнь. Мы с Дримом продолжали разучивать песни, которые слышали по радио. По вечерам мы пели во дворе под сливой. Часто к нам присоединялась Марлен Гиффорд по прозвищу Красотка, моя подружка, которая еще училась в средней школе. Она любила приходить поиграть с ребенком и держала меня в курсе последних слухов и происшествий. У нее был хороший голос, и из нас получалось неплохое трио. Однажды, когда мы репетировали перед одним из дворовых концертов, я сказала им:

— Знаете, а ведь мы могли бы создать группу. — Тогда чуть ли не каждый житель Тренчтауна пытался петь, или играть на

каком-нибудь инструменте, или создать вокальную группу.

В то время, в середине шестидесятых, все, кого я знала, были в восторге от нового стиля ямайской музыки, известного как «рокстеди». Нашими любимыми звездами были «Toots and the Maytals», Делрой Уилсон, «The Paragons», Кен Бус, Марсия Гриффитс и особенно группа, называвшаяся «The Wailing Wailers». «The Wailers» записали несколько синглов в стиле рокстеди в студии неподалеку от того района, где мы жили. В Кингстоне тогда существовало какое-то количество маленьких студий, часто они служили побочным бизнесом для своих хозяев. Например, «Beverly's Records» размещалась вместе с мороженицей (помимо этого, владелец торговал еще и канцтоварами), в другом случае студия сосуществовала с магазином крепких напитков. «Studio One» на Брентфорд роуд принадлежала человеку по прозвищу Сэр Коксон. Настоящее имя его было Клемент Додд, он был большим поклонником ямайской музыки и очень многое сделал для ее продвижения.

Когда я узнала, что «The Wailing Wailers» каждый день проходят мимо нашего дома по дороге в студию, я сказала Дриму и Марлен, что мы должны непременно с ними познакомиться и спеть для них. Однажды вечером я увидела, как они идут мимо кладбища, и мы все втроем выбежали помахать им. Глядя на этих ребят — их тоже было трое, — я подумала: «Ну что ж, выглядят они неплохо, я могла бы с ними подружиться». Хотя тетушка не переставала мне говорить: «Не ищи больше мальчиков на свою голову, у тебя уже есть один ребенок, теперь остынь немножко. Или ты идешь работать, или обратно в школу, или мне придется отправить тебя к отцу — ты здесь живешь не затем, чтобы добавлять мне проблем!»

Тем не менее, я начала обращать внимание на «The Wailers» и слушать их по радио. И вот однажды, довольно скоро, они остановились перед нашим домом и помахали мне в ответ. Питер Тош, самый высокий из них, перешел улицу, в то время как двое других парней облокотились на кладбищенскую стену, пощипывая струны гитары. Питер представился — его настоящее имя было Уинстон Хьюберт Макинтош, — поздоровался, спросил, как меня зовут, и назвал меня «милой девушкой».

— Так вы, значит, «The Wailers», — сказала я. — А там кто?

— Это Банни, — ответил он. — А другой — Робби.

— Привет! — крикнула я через улицу, все это время соображая, как бы упомянуть, что мы умеем петь.

После этого я предложила Дриму:

— Давай отрепетируем песню Сэма и Дэйва «What Is Your Name?».

В следующий раз, когда «The Wailers» шли мимо и остановились нас поприветствовать, я сказала Питеру:

— Между прочим, мы тоже поем немного.

И он ответил:

— Ну давайте тогда, ребята, спойте.

Тетушка была со мной очень строга после рождения Шэрон, мне даже не позволялось разговаривать с чужими парнями на улице.

— Не заставляй меня чувствовать себя старухой только потому, что я родила ребенка! Я еще молода и могу найти свое счастье! — кричала я в ответ на ее поучения.

Но правило оставалось правилом: я могла говорить только через забор. Так что когда Питер согласился нас послушать, я открыла ворота и встала одной ногой во дворе, а другой снаружи. И мы запели.

На следующий день не только Питер, но и тот, которого звали Робби, подошел к нашему дому. В этот раз я была одна. Мы поздоровались, но он застеснялся, и я подумала: «Ой, какой милый мальчик». А потом Питер сказал:

— Похоже, ты порядочная девушка, да и петь вроде как умеешь, не хочешь ли как-нибудь сходить с нами на прослушивание к Коксону?

Это было предложение, которое требовалось хорошенько обдумать. Не собираются ли они завести меня подальше и изнасиловать? В конце концов, Тренчтаун был полон опасных хулиганов, и большинство из них умело петь.

К тому времени, правда, несколько знакомых папы были в курсе наших с Дримом вокальных талантов. Энди Андерсон и Дензил Ланг тоже были приятелями Коксона, и они согласились замолвить за нас словечко.

Возбужденные и немного нервные, Марлен, Дрим и я отправились в студию — а там в это время находились «The Wailing Wailers», и они смотрели на нас со смесью удивления и интереса. Все прошло лучше некуда: мы спели несколько песен, потом Коксон попросил Робби поиграть для нас на гитаре, и мы спели еще несколько номеров под его аккомпанемент.

Я заметила, что для всех троих музыкантов было важно видеть, что мы с Дримом выросли в строгости, что мы впитали дисциплину и что за нас Коксону поручились старшие мужчины, знающие толк в музыке. Робби в особенности отнесся ко всему этому одобрительно. Я думаю, он почувствовал интерес ко мне именно тогда. Но в тот первый день я просто осматривалась и не сосредоточивалась ни на одном из них. Просто находиться у Коксона в студии, где бывали артисты, которых обычно слышишь

по радио, — это уже было восхитительно!

Знала ли я, что через несколько коротких месяцев этот Робби Марли, застенчивый гитарист, станет любовью всей моей жизни? Подозревала ли я, что он будет движущей силой музыкальной истории, всемирно признанным ее героем?

Нет и нет! В этот момент я думала только о тетушкином назидании: «Не смей задерживаться, ребенка надо сразу же приложить к груди, когда проснется!»

Глава вторая
«WHO FEELS IT, KNOWS IT»
(Кто чувствовал, тот знает)

«Studio One», вероятно, была жилым домом до того, как Коксон ее купил. Он сломал стены, но было легко представить, что вот тут располагалась спальня, там кухня, здесь холл. Так что люди чувствовали себя там по-домашнему, как будто это был не бизнес, а семейное дело. Когда что-нибудь происходило, все были в это вовлечены — музыканты, певцы, прохожие на улице. Царил всеобщий энтузиазм: «Мы сегодня записываем хит!» «Мы» означало всех без исключения. Музыканты и певцы просиживали там днями и ночами, и никто не жаловался на скуку — было здорово проснуться и сказать: «Ура, сегодня мы пойдем на студию!»

У Коксона записывались многие успешные ямайские группы, в том числе знаменитые «The Skatalites», одна из самых ранних ска-групп. (Слово «ска» происходит от специфического звука, издаваемого электрогитарой.) Марсия Гриффитс, которая позже пела со мной в «I-Three», говорит, что «Studio One» была своего рода ямайским «Motown», «где выросли все звезды… как университет, который все они окончили». Часто разные люди работали там параллельно, в каждом углу сочинялись песни. Если не затыкать уши нарочно, само собой получалось, что ты чему-то учился. У Коксона была гитара, которую он одалживал тем, у кого не было денег купить свою. Боб играл на этой гитаре большую часть времени.

В группу бэк-вокалистов, которую мы создали, по-прежнему входили Дрим, я и Марлен — она уходила из школы по вечерам, чтобы репетировать с нами. Ее родители думали, что это самое худшее увлечение, какое только можно придумать, — сбегать с занятий в Тренчтаун и якшаться с тамошним отребьем, хулиганами, ворами и убийцами!

Дрим был моим главным любимчиком, мой обожаемый двоюродный брат, мой маленький посыльный. Когда он был еще младенцем, у него были нереально красивые и большие глаза, всегда казалось, что он мечтает о чем-то — знаете этот чарующий мечтательный взгляд. Поэтому с малых лет Константина Энтони Уокера прозвали Дрим (Мечтатель). Ему было тринадцать — меньше, чем всем остальным, когда мы познакомились с «The Wailers». Будучи апологетами Черного Прогресса, ребята из

группы учили нас: «Black Is Beautiful» («Черное — прекрасно»), и очень полезно правильно осознать себя. Музыканты прониклись такой симпатией к Дриму, что решили изменить его прозвище. Они заявили, что это у стариков бывают мечты, а у молодого человека должно быть ви́дение. Так Дрим стал называться Вижен. Звучит гораздо круче!

Мы подпевали «The Wailers» и иногда другим группам или певцам, записывавшимся в студии. Коксон предложил, чтобы мы тоже придумали себе название, вроде «The Marvelettes», американской группы, которую мы слушали. Так мы стали называться «The Soulettes». Нашим первым хитом стала песня «I Love You, Baby», вместе с нами на подпевках был еще Делрой Уилсон. Все ужасно волновались. Мы были никому не известны, ни в шоу-бизнесе, ни в народе, и мы по-прежнему оставались всего лишь подростками, наивными любителями.

Коксон также предложил, чтобы Боб с нами занимался и репетировал, — думаю, к тому времени он заметил, что между мной и Бобом что-то происходит.

Я считала, что он довольно симпатичный, этот Роберт Неста Марли, Робби, как все мы его звали. Он был мулатом со сравнительно светлой кожей, хотя американцы сочли бы его темнокожим. Его отец, капитан Норвал Синклер Марли, был белым человеком родом с Ямайки, отставником английской армии. Боб на него заметно походил, у него тоже был высокий круглый лоб, выдающиеся скулы и довольно длинный нос. Его мать, Седелла «Сидди» Малкольм, познакомилась с Норвалом, будучи семнадцати лет от роду. Она была вдвое моложе своего будущего мужа, который служил тогда суперинтендантом британских земель в провинции Сент-Энн, где жила Седелла. К девятнадцати годам Норвал успел ее соблазнить, жениться на ней и бросить. Единственный раз, когда Боб видел своего отца, тот подарил ему редкую коллекционную медную монетку. С тех пор, по словам Боба, они больше не встречались.

Но, как и меня, Робби воспитывала семья, по крайней мере какое-то время. Его дедушка, Омерия Малкольм, был целителем, а также успешным бизнесменом в своем районе Найн-Майлз. Так что для меня было неудивительно, что Боб осознавал себя черным, его черное самосознание пересиливало сравнительно светлую кожу. Смотришь на него, слышишь его — и чувствуешь: настоящий черный. И еще он был очень дисциплинированным, само-дисцип линированным. Очень собранным.

В четырнадцать он переехал из Сент-Энн в Кингстон вместе с матерью и мужчиной по имени Теддиус «Тедди» Ливингстон,

который устроил Седеллу работать в баре. Сидди родила дочь от Тедди, но потом обнаружила, что он женат, да и другие женщины у него тоже имелись. В поисках лучшей участи она взяла свою грудную дочку, Перл, и эмигрировала в Уилмингтон, Делавэр, где жили ее родственники и друзья. Боб оставался под присмотром Тедди, но скорее сам по себе. Он рассказывал мне, что мать собиралась взять его к себе через три месяца, как только устроится на новом месте и получит необходимые бумаги. Но бумаги было непросто раздобыть, и три месяца тянулись уже три с лишним года.

Когда мы познакомились, Боб жил в трудной обстановке: с Тедди Ливингстоном, его гражданской женой и их сыном Невиллом по прозвищу Банни. Банни тоже играл в «The Wailers», впоследствии он стал известен как Банни Уэйлер. В отсутствие матери Боб не получал той поддержки и защиты, которую давала мне тетушка. (Одна из его ранних песен называется «Where Is My Mother» — «Где моя мама»). Жена Тедди терпеть не могла Боба, ведь он был сыном женщины, имевшей роман с ее мужем. Однажды Боб признался мне, как ему надоели и Тедди, и эта «мачеха», пытавшаяся сделать из него прислугу, потому что он не приносил денег в дом. Ненадолго он стал простым посыльным, потом работал учеником в сварочной мастерской, пока не выпустил два своих первых сингла, «Judge Not» и «One Cup of Coffee» на лейбле «Beverly's». То, что Боб пользовался вниманием публики, не означало, что он много зарабатывал. Тогда ни у кого не было денег.

Поначалу — а может быть, и всегда — я переживала за Робби Марли как сестра. Я по натуре такой человек — ответственный. Я смотрела на него и думала: бедняжка. Не «я люблю его», но «бедняжка». Мое сердце стремилось к нему. Я считала его замечательным. Таким замечательным, что я не хотела говорить ему про мою дочку — в то время для юной девушки иметь ребенка и не быть замужем считалось очень постыдным. Я проводила много часов в «Studio One», репетируя и записываясь, и все это время мне удавалось скрыть позорный факт. Но однажды прямо посреди записи у меня потекло молоко, и Боб заметил. Он спросил с легким удивлением, но без осуждения:

— Это что же, значит, у тебя есть ребенок?

Хотя я ужасно смутилась, отрицать очевидное было невозможно, так что я просто кивнула.

Он сказал:

— Я так и понял. Почему ты нам не рассказывала? Мы могли бы отпускать тебя домой пораньше. Это мальчик или девочка?

— Ну, это девочка, — ответила я.

— А где она? Как ее зовут? Где ее отец? А можно на нее посмотреть?

Он буквально засыпал меня вопросами, в которых чувствовалась забота. Я стояла, глядя на него, и не могла вымолвить ни слова. Его реакция показалась мне очень взрослой для такого молодого человека, в сущности, еще подростка — смесь заботы и в то же время волнения. Может быть, он видел меня теперь другими глазами. Его интерес к моему ребенку вызвал у меня в душе гордость, а не стыд. Для меня это было хорошим знаком, хотя и очень неожиданным. Наконец он сказал:

— Иди домой и покорми ребенка, увидимся позже.

Тут и пришла моя любовь. Я смотрела на Боба и думала: какой же он замечательный. Коленки мои начали подгибаться. О боже, подумала я, о господи.

В тот же вечер Боб зашел в гости. Шэрон тогда было около пяти месяцев. Когда я ее принесла, он ее сразу полюбил. И она его сразу полюбила. Когда она научилась немножко говорить, но еще не могла выговорить «Робби», она называла его «Баху».

И с этого дня, где бы ни находился Боб, я всегда была рядом с ним. Он держал меня под руку, вел меня. Когда все это началось, я еще переписывалась с отцом Шэрон. Бобу это не нравилось, и он прямо так и сказал. Он настаивал на том, чтобы я прекратила эти отношения, — почему я вообще переписываюсь с мужчиной, который не помогает ни мне, ни ребенку? Наконец однажды он поймал Дрима с моим письмом к отцу Шэрон и забрал конверт. На этом переписка закончилась.

Тогда я воочию убедилась в его щедрости, такой уж он был, этот Робби, — едва у него появлялось немного денег, он приносил нам детское питание или бутылочку вина для тетушки. Даже она начала потихоньку поддаваться его чарам. «Ну, — говорила она, — я вижу, здесь что-то намечается».

И вот, сама того не ожидая, я вдруг стала считаться его девушкой. В смысле, «ну ладно, ребята, вы тут посидите, а мы пойдем». Даже Питер Тош это уважал и меня не трогал, потому что Питер был вообще-то шустрый парень: едва увидит девушку, и тут же — опа! — уже обнимает и пытается прижать.

Но Боб говорил: нет-нет-нет… это моя девушка.

И вот вскорости Коксон выпустил альбом «The Wailers» с нами на подпевках. Вышел он в 1965 году и назывался просто «The Wailing Wailers». Дрим был намного младше нас с Марлен и у него был мягкий, нежный голосок, поэтому наши женские голоса забивали его, и «The Soulettes» производили впечатление женской группы. Я была солисткой, и впоследствии, когда мы

начали планировать концерты, к нам присоединились другие девушки — Сесиль Кэмпбелл и Хортенз Льюис, — потому что Дрим не всегда мог выступать из-за школы или из-за ограничения по возрасту в некоторых местах, где мы должны были петь.

Мне нравилось выступать перед публикой, под яркими огнями, внутри музыки, на сцене. И было здорово, что нам за это еще и платили. Но я все еще не была готова мысленно расстаться с относительно надежной карьерой медсестры, хоть я и любила музыку, и казалось, что к ней-то я и стремлюсь. Мы с Бобом все время проводили вместе, репетировали, разговаривали, давали друг другу советы. Одной из важных сторон наших отношений было то, что мы стали друзьями прежде, чем любовниками, мы естественным образом относились друг к другу как брат и сестра. Он учил меня разбирать ноты и другим музыкальным премудростям. Он за меня беспокоился. «Ты хорошая девушка, — предостерегал он меня, — так что не делай глупостей. Мужчины тебя еще не в те дебри могут завести, ты можешь запросто запутаться, у тебя будет много детей и никакой жизни. Так что не связывайся с ними, думай о работе. Реши для себя, действительно ли ты настолько любишь музыку или хочешь вернуться к работе медсестры, но прими решение серьезно».

Кто-то однажды сказал, что ямайские танцы это «ночной клуб, средство массовой информации, место для собраний, церковь, театр и школа одновременно». Современная ямайская поп-музыка просто называется «дэнс-холл». На самом деле этот танцевальный «холл» мог случиться где угодно, в помещении или на улице. Иногда народ собирался в каком-нибудь здании, но точно так же это могли быть двор, поле или автостоянка. Музыка была или живая, или приходил диджей с пластинками и огромными колонками. Диджей мог что-нибудь говорить поверх музыки, как американские диск-жокеи, чтобы придать толпе энергии и всех расшевелить. Иногда две звуковые установки играли друг против друга, соревновались, кто привлечет большую аудиторию, — так в Штатах, в Новом Орлеане, джаз-бэнды, встретившись на улице, пытаются заглушить и переиграть друг друга.

Хотя я всегда слушала радио и пластинки, на деле я не очень много видела, потому что меня растили в строгости, и все это было для меня внове. Я никогда не бывала на танцах, пока Боб меня не взял с собой. К тому времени «The Wailers» были одной из ведущих ямайских групп, их записи крутили на танцах и по радио. И поскольку их присутствие всегда производило впечатление и помогало продажам пластинок, им посоветовали

по пятницам и субботам ходить в тот или иной танцзал. Сначала Боб даже не хотел меня брать, он говорил:

— Знаешь, завтра будут танцы, но я думаю, мне не стоит тебя брать, потому что может случиться драка.

А я смеялась:

— Так я и на драку хочу посмотреть!

Но бог с ними, с драками, — первые впечатления были для меня просто потрясающими! Смотреть, как все толкутся и обжимаются, мне было в новинку. И конечно, как Боб и предсказывал, время от времени вспыхивали конфликты — это в те дни было типично. Перестрелок тогда не было, но какой-нибудь парень вдруг разбивал бутылку или вытаскивал зазубренный нож, приставлял к горлу другого парня и говорил: «Если ты полезешь танцевать с моей девушкой еще раз, я тебя убью!»

Бывали случаи, когда Бобу приходилось брать меня за руку и спешно выводить из толпы, чтобы уберечь от летящих бутылок. Так что под конец вечера он часто ворчал: «Я же тебе говорил!» Но подобные сцены не пугали меня, потому что весь этот мир казался мне таким заманчивым — это была «настоящая жизнь», с которой я до сих пор не сталкивалась.

Еще с тех самых пор люди иногда спрашивали, приходилось ли мне выбирать между Шэрон и Бобом, как часто случается, когда строишь новые отношения, но уже имеешь ребенка, за которого отвечаешь. Но мне не приходилось делать этот выбор. Мы оба стали родителями для Шэрон, и я редко оставляла ее надолго, потому что Боб был не того сорта отец, чтобы это допустить. Он непременно напоминал мне: «Что бы ты ни делала, поторопись, потому что пора домой к ребенку», или «Думаешь, тетушка справится, пока мы заканчиваем запись?» Он был очень ответственный, и это меня бесконечно в нем впечатляло — его забота о моем ребенке, которая позволяла мне, в свою очередь, проявлять большую ответственность. Я для него была не просто девушкой, с которой можно просто забавляться и хорошо проводить время. Он даже воспитывал меня: «У тебя ребенок, не задерживайся здесь!» Или, если запись затягивалась, он говорил: «Рита, ты уверена, что еще можешь тут оставаться? Точно ребенка еще не пора кормить? Может, лучше сходишь домой и потом вернешься?» Так что он всегда внимательно за мной следил и напоминал о ребенке.

Я постепенно превращалась в то, что тогда именовали приятной юной леди. У Робби были и другие девушки в жизни, с которыми у него случались близкие отношения, я знала, что он не

святой, но он проявлял ко мне уважение и держал их на расстоянии.

Когда мы в первый раз поцеловались, у нас было настоящее свидание. Он повел меня в «Амбассадор», местный театр, где проходили концерты и представления, а иногда и показывали фильмы. Туда все ходили: родители водили туда детей, мальчики встречались там с девочками, молодые люди — с девушками. Но свидания не входили в тетушкин список дозволенного времяпровождения, так что я не могла просто сказать Бобу: «Конечно, я хочу пойти с тобой в кино». Мне пришлось придумать историю о специальной репетиции — против репетиций тетушка не возражала, она уважала мою одержимость и попытки делать что-то свое. Конечно, она согласилась, но не преминула добавить:

— Дольше восьми или девяти не задерживайся!

— Конечно-конечно, — соврала я и убежала в кино.

Не могу вспомнить, как назывался фильм, потому что после первых нескольких минут мы уже забыли о нем. Большую часть времени мы смотрели друг другу в глаза, просто смотрели в глаза очень долго — у нас уже была такая привычка, возможно потому, что во время записи или выступления нужно постоянно переглядываться, чтобы не ошибиться. Но глаза так многое могут сказать! Я привыкла следить за тетушкиными глазами в поисках сигналов. То же самое было и с Бобом, взгляды всегда были нашим способом общения, и вместо того, чтобы смотреть на экран, мы смотрели долго-предолго друг другу в глаза и вдруг в следующий момент мы уже целовались, и — я не могла в это поверить — я просто улетела! И я видела, что он тоже! Но я лучше держала себя в руках и поняла, что это может зайти так далеко, как я и не предполагала, поэтому лучше и не думать об этом, лучше смотреть кино!

В те дни ухаживаний мы практически нигде не бывали кроме «Studio One». Мы встречались там в девять или десять на утренней записи и просиживали до перерыва, после чего обедали — котлета с кокосовым хлебом и бутылка содовой, вот типичный обед, который мы могли себе позволить, хотя иногда друзья Боба варили кашу или суп (Банни был в особенности хорошим поваром и любил экспериментировать с супами). Еще иногда мы вместе выступали. «The Soulettes» уже набирали некоторую популярность на Ямайке как женская группа, а «The Wailing Wailers» были мужской группой номер один, девушки по ним с ума сходили. Я чувствовала себя в их среде принцессой, потому что все трое ко мне относились очень хорошо, но в то же время я была так уверена в Робби, что все понимали: этот — мой. Мне даже не надо было ничего никому говорить, потому что он все равно не

оставлял меня ни на минуту.

К числу моих любимых воспоминаний этого периода относится случай, в котором фигурировал Ли «Скрэтч» Перри, один из самых занятных персонажей, вышедших из глубин «Studio One». Изначально Скрэтч был уборщиком у Коксона. Но, как и все обитатели студии, он частенько давал советы, если ему приходила в голову какая-нибудь идея. Коксон был всегда открыт для советов. И примерно в то время, когда «The Soulettes» стали считаться лучшими студийными бэк-вокалистами, Коксон позвал нас и попросил поработать с Ли Перри.

Я удивилась:

— С Ли Перри? Со Скрэтчем?! Но он же дворник! Или ты шутишь?

Коксон возразил:

— Нет, в последнее время он много занимался прослушиваниями для меня, а теперь сочинил хит под названием «Roast Duck», и ему нужен бэк-вокал.

Я спросила Боба, что он думает по этому поводу, и он ответил:

— Ну, если не хочешь, то и не надо, но если ты не против, то вполне можно попробовать.

И я согласилась выполнить эту просьбу — из благодарности к Скрэтчу, потому что он всегда помогал нам на концертах таскать аппаратуру и все такое. Мы пошли и записались с ним, отдали дань уважения. Все получилось замечательно, все были в восторге. А когда запись издали, она в момент разлетелась и стала звучать из всех динамиков, произведя фурор. Ай да Перри!

Вскоре должен был состояться большой концерт в Уард-театре, и Скрэтч должен был в нем участвовать. Он буквально летал, всё не мог поверить, что это с ним действительно происходит, что мечта, которую он таил глубоко в душе, сбывается! «The Wailers», «The Soulettes», Дел рой Уилсон, «The Paragons» — все лучшие артисты «Studio One» выступали вместе, и он открывал это шоу!

И вот он вышел на сцену первым, а мы — бэк-вокали сты — за ним, и Скрэтч завел свою песню: «Я хотел бы жареную утку». А мы как эхо повторяли: «Жареную утку, жареную утку». Это была комедия! Скрэтч вообще был такой человек — ходячая комедия. На нем было навешано множество стекляшек и других штучек, и пока он пел, публика начала кидать на сцену — не камни, к счастью — бумажные стаканчики! Бумажные стаканчики дождем полетели на сцену, потом бутылки. И вот стою я на сцене и думаю: зачем мы во все это ввязались?!

Но для нас это было веселье — забавно было смотреть, как

Перри убегает со сцены и понимает, что его звездный час еще не пробил, хотя он и старался его приблизить. Это случится намного позже, когда в 2003 году его альбом «Jamaica E. T.» выиграет премию «Грэмми» в категории «регги». А тогда я зауважала Коксона еще больше — за то что он дал Ли Перри эту возможность, как бы говоря ему: «Если ты чувствуешь, что можешь что-то сделать — сделай это!» Но для популярности недостаточно одной записи в студии: когда выходишь на сцену перед пятьюстами или пятью тысячами зрителей, ты должен им что-то дать — или они тебе дадут, бутылкой! Это был первый и последний случай, когда меня согнали со сцены.

Клемент «Сэр Коксон» Додд сыграл большую роль в жизни Боба. Он дал ему ту первую искру воодушевления, важную для каждого начинающего музыканта. Боб рассказывал, что Коксон сказал ему: «Держись, парень. Думай. У тебя получается сочинять музыку. Сочиняй. Пой». Так что даже если денег и не было, или было очень мало, Боб все равно получал необходимую поддержку от человека, которого он уважал, который мог помочь ему.

Там, где Боб жил, ситуация была прямо противоположная. Однажды он сказал мне:

— Рита, я так больше не могу.

Я посмотрела на него — он выглядел разбитым и очень грустным. Я спросила:

— Ты о чем это?

Он ответил:

— Когда мистер Тедди приходит домой ночью, он будит меня, чтобы я приготовил ему ужин. Будит не своего сына — меня. Не важно, когда он приходит, глубокой ночью или под утро, всегда повторяется одно и то же: «Вставай, Неста, разогрей мне поесть». И я должен подавать ему еду. И прислуживать утром.

Жена Тедди тоже унижала его — «как мальчишку на побегушках», говорил Боб. Потому что она все еще держала зло на мать Боба за то, что та родила ребенка от Тедди.

В тот вечер, после нашего разговора, он решил уйти от Тедди. Он пошел к Коксону, и тот сказал без раздумий:

— Если ты чувствуешь, что пора, — давай.

Коксон, конечно же, видел, как Боб несчастен и как полагается на его совет, так что просто улыбнулся и добавил:

— Если нужно, можешь ночевать в комнате для прослушиваний.

Так и начиналась наша совместная жизнь, на пустом месте, с пустыми руками. С тех дней, когда Боб спал в студии Коксона, на полу или под дверью. В мыслях Боб все еще оставался для меня

«милым мальчиком», и Коксон, вероятно, чувствовал, как Боб ко мне прикипел, потому что в свою очередь называл меня «милой девушкой». Но Боб был на шаг впереди меня, да и Коксона, он мыслил будущим и думал не о подружке, а о настоящей жене, о том, кем должна быть женщина. И, может быть, о своей матери, которая уехала только потому, что хотела ему помочь.

Я думаю, такую роль он отводил мне в своей жизни. А так как я была о себе достаточно высокого мнения, мне это нравилось. Но если он действительно хочет завоевать меня, с моими жизненными устремлениями и честолюбием, то и у него должно быть честолюбие. И оно у него было. Я хотела, чтобы он увидел это и во мне, потому что я знала, чего ищу в жизни, знала, что не останусь в Тренч тауне навечно. Когда-нибудь, как-нибудь, но я должна была оттуда выбраться.

Похоже, Боб поверил в меня. Я начала отвечать на письма его матери к нему, посылать ей информацию, нужную для оформления его бумаг в Штатах, писала ей письма от себя с рассказами о нашей жизни. Мы с Бобом начали проводить еще больше времени вместе и обычно много разговаривали. Иногда, когда мы репетировали допоздна и в нас просыпались нежные чувства, он говорил:

— Жаль, что тебе пора домой…

А я ему отвечала:

— Но тетушка ведь ждет, и уже десять часов, а она начинает сердиться после восьми.

После восьми тетушка выходила к калитке! До восьми можно было остановиться у ворот и разговаривать или целоваться, но в десять она уже там, стоит на часах, ждет! Ох уж эта тетушка! Боба очень забавлял ее характер. Если у нас были деньги, он непременно покупал ей что-нибудь в подарок, например вино «Винкарнис», которое она любила.

Однажды вечером он провожал меня домой — это было недалеко, поэтому мы всегда шли от Коксона в Тренчтаун пешком, причем как можно медленнее! — и сказал:

— В студии чуть не каждую ночь происходит нечто странное.

Обычно Боб ложился спать, когда в студии заканчивалась работа и оставался только сторож. Но в последнее время, едва он укладывался, появлялся кот и издавал странные звуки, как будто разговаривал.

Боб выглядел измученным.

— Кот кричит, — пожаловался он, — как будто зовет кого-то по имени.

На следующий день и через день я спрашивала Боба, как он

спал, и он рассказывал ту же самую историю. Кот появлялся в определенное время ночи, и это выбивало Боба из колеи. Меня же мучила мысль, что, в отличие от него, у меня есть и дом, куда пойти, и своя комната, и кровать, где я сплю. Так что в конце концов я сказала:

— Боб, давай я открою окно в своей комнате, ты проводишь меня домой, а потом просто влезешь через окно и останешься на ночь.

Я хотела дать ему прибежище, укрыть его от тревог. Но он сомневался:

— Ты серьезно? Тетушку жалко, обидится же…

— Ничего, — сказала я. — Не могу вынести мысль о том, что ты там один с этим котом. Давай попробуем.

В тот вечер он остался ждать снаружи, а я вошла в дом.

— Добрый вечер, тетушка, — сказала я.

— Ты почему так поздно, — заворчала она. — Уже девять! Надеюсь, ты не забыла, что у тебя ребенок. Не ищи приключений на свою голову, хватит того, что отец этого ребенка уехал в Англию с концами…

— Тетушка, я не ищу никаких приключений, — заверила я. — Я пытаюсь работать в студии, я очень стараюсь, честное слово…

Она заперла дверь, я пошла в свою комнату, и Боб, как договаривались, влез в окно. Но буквально сразу после этого появилась тетушка с Шэрон на руках — когда меня не было дома, она обычно держала малышку у себя. И вот она входит в комнату, а Боб в это время уползает под кровать! Она смотрит, и:

— Кто это там? Я видела, как что-то шевелится!

Я говорю:

— Нет там никого. Может быть, Дрим?

— Нет! — кричит она. — Дрим давно в постели! — И снова смотрит и говорит: — Боже мой, Рита, зачем ты привела сюда Робби? Ты хочешь опять забеременеть? Хочешь завести еще ребенка? Господи, нет, нет, только не здесь! Пусть он вылезет — вылезай!

Я никогда не чувствовала себя так… Все у меня внутри упало, просто рухнуло.

Бедный Боб. Мне было жалко даже не столько себя, сколько его. А тетушка продолжала настаивать, что он должен непременно уйти. Я пыталась ей объяснить:

— Ну в самом же деле! Я не собиралась с ним спать, я хотела его уложить в комнате Дрима… Он не вошел через дверь, потому что ты бы его не впустила. Ему негде ночевать, тетушка! Он спит под дверью в студии!

Но она заявила:

— Нет, нет и нет, не успеешь оглянуться, и ты будешь снова с животом, и потом еще один ребенок… и еще один, и еще… нет-нет. Господи Боже! Пусть сейчас же убирается!

Тогда я сказала:

— Ну, раз он не может остаться, то тогда и я уйду с ним. — К тому моменту я уже и сама завелась. — Знаешь, тетушка, это грех — выгонять человека в такое время и заставлять идти обратно одного по этакой темени! С ним все может случиться, его могут убить, ограбить…

— Нет-нет, — повторяла тетушка, — и не уговаривай!

Я сказала:

— Ладно, Робби, пойдем, — схватила его за руку и потащила к двери.

Но тетушка возразила:

— Стоп! Пусть лезет обратно через окно! Как вошел, так пусть и выходит!

И бедный Боб был вынужден выбираться через окно. А я вышла через дверь, причем тетушка бросила вслед:

— Дверь запирать?

— Да, конечно, — ответила я, — потому что я не собираюсь приходить обратно. Я буду ночевать с Робби, я не вернусь.

— А кто будет смотреть за дочкой, когда она проснется?

Я понимала, что тетушка пытается вызвать у меня чувство вины, поэтому не стала отвечать. Мне было все безразлично, я просто шла и думала: «Все, хватит!» Я не хотела ей грубить — это был первый раз, когда я уходила из дома на ночь, — но я и не собиралась оставлять Боба одного. Попутно я схватила одеяло — тетушкино одеяло, которое считалось моим…

Мы вышли на темную ночную улицу, и Боб спросил:

— Рита, ты уверена, что этого хочешь? Тетушка тебя завтра убьет.

Я произнесла то, что на самом деле думала:

— Мне все равно.

Мы оба были так измучены, когда наконец добрели до студии, что просто улеглись под дверью и заснули. Пока не раздался этот звук, о котором Боб рассказывал, «бааау». Я лежала, вслушиваясь, и чувствовала, что Боб тоже не спит.

— Слышишь? — прошептал он, — каждую ночь это начинается около часа и продолжается до пяти или шести, без перерыва.

Я прислушалась… и потом оно, что бы это ни было, проникло в комнату — не физически, а на уровне ощущения. Внезапно я не то чтобы потеряла сознание, но не могла вымолвить ни слова. Я пыталась сказать Бобу о том, что я чувствую, но слова просто не

приходили, хотя я знала, что не сплю. Потом я почувствовала жар и меня начало трясти. Тут Боб пробормотал:

— Господь милосердный, — и выбежал с криком: — Скорее, с Ритой что-то случилось!

Вскоре он вернулся со сторожем, они плеснули на меня водой, и когда я пришла в себя, то поняла, что только что произошло нечто необъяснимое.

Боб сказал:

— Я же тебе говорил, Рита, здесь творится что-то ужасное.

На следующее утро я пошла домой и начала умолять тетушку:

— Тетушка, послушай, мы должны уберечь Робби, по крайней мере, я должна. Тетушка, милая, ну пожалуйста, мы не будем заниматься сексом, ничего такого. Разреши ему некоторое время ночевать у нас в комнате Дрима, это очень важно. Ну пожалуйста!

Теперь всем, даже тетушке, стало ясно, что мы с Бобом серьезно относимся друг к другу. Я начала по-настоящему оценивать его, пытаясь решить, действительно ли он может стать мне хорошим мужем. Я не хотела совершить еще одну ошибку. Надо сказать, Боб был хорошим примером для других — «ролевой моделью», как сказали бы сегодня. Мне нравилось прежде всего то, что он видел во мне полноценную личность. Меня это очень впечатляло. «Он действительно особенный», — думала я. Это не было обычное подростковое вожделение, типа «а можно пощупать твои буфера» или «давай потрахаемся». Нет, тут было все иначе — возможно потому, что он был из деревни. У него были свои ограничения в том, что касалось этого аспекта жизни. Например, после шести или семи часов он мог себе позволить шуры-муры, но до этого времени было видно, что голова его занята другим — или музыкой, или разговорами о будущем.

Я на самом деле чувствовала, что мой бойфренд не такой, как другие парни, которые встречались на моем пути, и что я могу кое-чему у него научиться. Это было бы хорошо для меня, думала я, да и для Шэрон тоже, потому что, хоть всем в нашем доме и заправляла тетушка, но если у тебя есть ребенок, ты уже женщина — не важно, двенадцать тебе лет или двадцать. Я знала, что в будущем я одна отвечаю за Шэрон, пусть даже Боб с самого начала хорошо к ней относился. Он ее действительно любил, действительно смотрел на нее открытыми глазами. И потом, хотя я и зарабатывала немного у Коксона и могла вносить свою долю на содержание дома, это были не очень большие деньги. Боб знал это и нам помогал. Он всегда заботился о том, чтобы у Шэрон и у меня было все необходимое.

Когда мы начали встречаться, он познакомил меня со своим другом Джорджи. «Если тебе что-то нужно, — сказал тогда Боб, — не важно что, скажи Джорджи. Если меня нет, Джорджи все сделает». Джорджи был постарше, как и большинство друзей Боба. Несмотря на возраст, они были на равных, такой Боб был человек. Не скажу, что он шел впереди своего времени, но вел себя взрослее. Он часто приносил окру, листья амаранта или апельсины от своего друга Винсента Форда (по прозвищу Тата). У Таты на кухне Боб и поселился, к некоторому успокоению тетушки. Неудивительно, что на этой же кухне мы с Бобом в первый раз занимались любовью. Его друг Брагга приносил мне парное коровье молоко по утрам, всегда с бодрым «все нормально?». И я отвечала, как и на самом деле чувствовала: «Да! Все отлично!»

Я часто вспоминаю этих людей — Тату, Браггу или Джорджи, ставших со временем и моими друзьями, людей, за которых, я знаю, Боб стоял бы стеной, как и они стояли стеной за Боба. Тата числится соавтором песни «No Woman No Cry» — Боб это сделал, чтобы оказать почтение близкому другу, можно сказать, второму своему духовному отцу после Коксона. Иногда Тата приходил повидать нас и потом шел домой с Бобом, и я чувствовала облегчение, что они вдвоем, что Бобу не приходится в одиночку идти по опасным улицам Тренчтауна в ночной час.

Что касается Джорджи, который в той же самой песне «разжигает огонь», то он все еще жив-здоров, и мы по-прежнему дружим. У меня остались яркие воспоминания о тех временах, когда Джорджи действительно разжигал огонь, и сущая правда, что тот огонь «горел всю ночь». Боб писал о реальных вещах, о своих подлинных чувствах. Они играли на гитарах, и все мы пели или ели кукурузную кашу и делились своими припасами. И все остальное в той песне тоже оказалось правдой. Боб был таким настоящим, таким честным с собой, что мне хочется особенно это подчеркнуть. Как говаривала тетушка: «Не рассказывай мне сказок», — под этим она подразумевала ложь. Так вот, это не «сказки», это моя жизнь.

Однажды в праздничный день лучшие артисты «Studio One» — «The Wailers», «The Soulettes», Делрой Уилсон, «The Paragons» — выступали на танцах на пляже Борнмут-бич в Рокфорте. Был прекрасный день, с пухлыми облаками в голубом небе — лучшая ямайская погода. Рев океана и яркое солнце приносили покой и расслабленное настроение. Перед тем как выступать, мы с Бобом выскользнули из толпы, нашли укромное местечко и начали петь. Тогда у него уже была своя собственная гитара, и он всегда носил

ее с собой и постоянно рвался попробовать то одну, то другую идею — была бы его воля, он занимался бы музыкой двадцать четыре часа в сутки. В тот день он сказал:

— Давай порепетируем немножко, потому что сегодня мы должны показать класс. Здесь много молодежи, и это, может быть, их первая встреча с буйными людьми из танцзалов, нельзя ударить в грязь лицом.

Это был серьезный Боб, которым я восхищалась. Благодаря его отношению мне хотелось постараться — он доверял моим музыкальным инстинктам и позволял мне отвечать за гармонию, но в то же время требовал совершенства. Так мы репетировали в уединении, и вдруг — ах! — неожиданно нас охватили чувства, мы смотрели друг другу в глаза и пели и наконец приникли к губам друг друга, продолжая петь, как будто хотели поделиться кислородом, как во время искусственного дыхания! Я подумала: «Это любовь?» Песня с таким названием еще не была написана! Это любовь? И вот мы целуемся, и смеемся, и не можем оторваться друг от друга, и я понимаю: «Это магия! Настоящая магия, я влюблена в этого парня, нет, я люблю его! Мы любим друг друга!»

Мы поженились спонтанно, потому что Боба вызвала его мать. В отличие от большинства девушек, я не собиралась выйти замуж в этом возрасте. Я об этом просто не думала, никогда не мечтала о том, каков будет «день моей свадьбы». Начнем с того, что жениться нам было не на что. На Ямайке в то время нельзя было проснуться в один прекрасный день и пойти пожениться — надо было к этому готовиться и копить деньги.

Но Седелла Малкольм Марли вышла замуж за Эдварда Букера, американца. Она получила наконец нужные бумаги и могла помочь сыну. Так что Боб должен был эмигрировать, но он сказал, что откажется, если я не пообещаю скоро присоединиться к нему. Хотя мы были влюблены по уши, мы даже не говорили о женитьбе, пока это не случилось. Боб думал, что, если мы не поженимся до его отъезда, у меня может появиться другой бойфренд. Я не знаю, могло ли это произойти — возможно и так, — но он хотел исключить такой вариант. На тот момент он был, как говорится, моим «официальным» бойфрендом — я ни с кем другим не встречалась и ни о ком другом не думала. К тому же Боб становился все более известным, его песни крутили по радио, и ему нужна была муза. Мы оба считали, что созданы друг для друга.

План состоял в том, что Боб пошлет мне денег, когда попадет в Делавэр. Даже после отрицательного опыта его матери мы

никак не верили, что могут возникнуть трудности. Мы и понятия не имели, что все обернется так, как произошло на самом деле. Но я думаю, что связала свою судьбу с тем Робби, которого я знала, потому что видела в нем сильного молодого человека. Он был очень прямолинейный и упрямый: вот чего я хочу, и вот что я собираюсь для этого сделать. И он был серьезно настроен в отношении семьи и своей жизни. Силой духа он тоже не был обделен. Думаю, и я была сильна духом, раз сумела это распознать. Как партнеры и родственные души, мы были связаны естественной и позитивной связью. Даже наши астрологические знаки находились в гармонии — он был Водолеем, а я Львицей: в зодиаке эти знаки смотрят друг на друга. Думаю, наша связь возникла из взаимной потребности: мы были нужны друг другу, чтобы помочь, чтобы сделать нас теми, кто мы есть, кем мы хотели стать. И я думаю, у нас это замечательно получилось.

Мы поженились в одиннадцать утра 10 февраля 1966 года, через пару дней после его двадцать первого дня рождения. Боб готовился в доме у тетушки, а я пошла к дяде Кливленду, где моя двоюродная сестра Ивонна нарядила меня просто блестяще. Боб был в черном костюме и стильных ботинках, которые ему купил Коксон. На мне была перламутровая тиара, белое свадебное платье в складку, подол которого заканчивался чуть ниже колен, и короткая кружевная вуаль. И то и другое было сделано тетушкой — как же иначе? Она же — без моего ведома — ходила с Бобом покупать обручальное кольцо на его скромные сбережения. Мне шел двадцатый год, я была очень счастлива, хотя с трудом могла поверить, что выхожу замуж.

Шэрон еще не было года. Тетушка положила ее на стул, где она и спала спокойно, проснувшись как раз вовремя, к тому моменту, когда делали свадебную фотографию. Она встала на стуле, очень удивленная царившим вокруг радостным возбуждением, и в тот миг, когда фотограф щелкнул затвором, она потянула вверх свое крошечное платье и начала писать! На фотографии она смотрит на струйку, текущую из-под ее задранного подола.

День прошел чудесно. Тетушка приготовила козлятину с рисом и зелеными бананами и сделала торт, который у нас называют «Три сестры». По фотографиям видно, что мы с Бобом влюблены по уши. Мы выглядим так, как будто думаем: «Неужели это возможно? Но это случилось! Мы муж и жена!» Мы были так похожи — как двойняшки.

«The Wailing Wailers» давали концерт на Национальном стадионе в тот вечер, на пару с «Jackson Five». В какой-то момент посредине концерта мы услышали в динамиках: «Наши

поздравления Бобу и Рите, которые сегодня поженились!» Мы были поражены, Боб воскликнул: «Кто им рассказал?!» «The Wailers» дали первоклассный концерт. В ту ночь мы были так счастливы, что, вернувшись домой, занимались любовью до утра.

Через два дня Боб улетел в Делавэр. Это было ужасно. Проводив его в аэропорт, я вернулась домой, рыдая, опустошенная и потрясенная, как будто меня подхватил вихрь и унес на чужбину. Я помню, что пошла в студию с Банни, Питером и Дримом, где мы записывали песню под названием «I've Been Lonely So Long, Don't Seem Like Happiness Will Come Along» («Я одинока так давно, должно быть, счастье мне не суждено»). Через пять дней я получила первое письмо. «Моя милая жена, — было написано в нем, — как твои дела? Я очень по тебе скучаю, здесь в Америке очень холодно».

Глава третья
CHANCES ARE
(Может быть)

По мере того как я ближе узнавала Боба, я все больше слышала от него о растафарианстве, начавшемся на заре XX века с пророчества Маркуса Гарви, который тоже был родом из Сент-Энн, как и Боб. Гарви отправился в Нью-Йорк и там основал Ассоциацию по улучшению жизни негров, чтобы помочь афроамериканцам вернуть утраченное достоинство и пропагандировать их репатриацию в Африку.

Некоторые ямайцы особенно внимательно отнеслись к пророчеству Гарви о том, что «царь из Африки» избавит нас от колониальных тягот, и верили, что эфиопский император Хайле Селассие I был этим царем. До коронации имя Селассие было Рас Тафари, и люди, которые верили в него, стали называть себя «растафарианцами», или коротко «раста».

До наступления шестидесятых мало кто за пределами Ямайки слышал о раста. На самой же Ямайке обыватели представляли их людьми с «черным сердцем», живущими в оврагах и непрерывно курящими ганджу (так в Индии называют дикую коноплю, марихуану). Про них рассказывали, что они воруют детей. Они не стриглись и не распрямляли волосы, вместо этого позволяя им расти естественно, заплетаясь в пучки, или «дреды». Название это (производное от слова «ужас») сейчас используется в разных смыслах, но изначально было растаманским вызовом английскому колониальному правлению. Это еще как посмотреть, кто из нас ужаснее.

На Ямайке в прежние времена родители что угодно отдали бы, лишь бы их дети не связались с раста. Утверждали, что растаманы — пропащие люди, без конца курят ганджу, едят что попало, не моют голову, не чистят зубы — чего только о них не болтали. Но никто не упоминал о послании мира и любви, ненасилия, взаимопонимания и справедливости, которое они несли. Хотя в душе все поддерживали их идеи о возрождении достоинства черных.

Во всем мире шестидесятые годы были временем са моосознания черных. У афроамериканцев в США среди лозунгов были в ходу не только «Black Is Beautiful» («Черное — прекрасно»), но и «Black Power» («Власть черным»). Эти идеи достигали и нас: одно время мы все вырезали из дерева маленькие черные кулаки

и продавали заодно с пластинками. Люди покупали их и носили на цепочках на шее. Для обложки одной из пластинок «The Wailers» музыканты позировали с игрушечными пистолетами и в беретах, которые обычно ассоциируются с «Черными Пантерами».

Когда тетушка наконец позволила Бобу гулять со мной, он начал объяснять мне, как живут раста. «Ты принцесса, — говорил он мне, — ты черная принцесса. Ты красива такая как есть, не нужно ничего специально делать. Не нужно распрямлять волосы, позволь им свободно расти». После многих лет еженедельных мучений с горячим гребнем я убрала его подальше. Боб рассказывал, какие мы, черные, замечательные и как далеко мы продвинулись в понимании себя благодаря Маркусу Гарви. Тетушка тоже уважала Гарви, даже подарила мне книгу о нем, так что я уже знала про репатриацию и про историю компании «Черная Звезда», да и сама задумывалась о многом. И конечно, не забывала ни на минуту о своей черной коже — с малых лет мне не давало забыть об этом мое презрительное детское прозвище.

Но когда я перестала распрямлять волосы, тетушка начала беспокоиться: «Боже, Рита, должно быть, курит эту проклятую траву, которая лишает ума и доводит до тюрьмы!» И конечно же, она обвиняла в этом Боба, потому что я действительно стала понемногу покуривать, хотя и скрывала это от нее — и думала, что успешно. Когда я курила у себя в комнате, я распыляла в воздухе детскую присыпку, чтобы отбить запах. Трава мне нравилась тем, что от нее я чувствовала себя спокойной и задумчивой. Если кого и можно было бы винить в моем интересе, так это отца (хотя я не собираюсь никого обвинять, никаких жалоб у меня нет). Папа уже много лет был вдали от Ямайки, когда я начала курить, но я помнила, что иногда он выходил на улицу и потом от него приятно пахло — что ужасно раздражало тетушку, до такой степени, что она начинала гнать его из дома. Так что Боб здесь ни при чем!

Когда Боб за мной ухаживал, мы часто разговаривали о том, что можно и что нельзя есть. В то время, как и большинство жителей Тренчтауна, я ела свинину. Она всегда была доступна людям с малым достатком и составляла важную часть нашего рациона. Мы ели даже свиные копыта и хвосты, тушили их с фасолью или рисом — это было наше любимое блюдо. Когда Боб объяснил мне, что, по убеждениям растафари, свинину есть нельзя, я решила, что он шутит. Я сказала:

— Ты что, издеваешься? Самое вкусное мясо, я на нем выросла.

Но потом я выслушала его объяснения из Ветхого Завета и подумала, что, может быть, какая-то правда в этом скрыта. Но все

равно, как можно не есть чего-то, когда нет денег на другую еду? Без денег мне приходилось есть то, чем тетушка меня кормит, и я не хотела, чтобы она заметила перемены в моих вкусах. Тетушку преследовали давние страхи, что хулиганы Тренчтауна начнут на меня дурно влиять.

Но стычка была неизбежна. Боб теперь все чаще заходил к нам, чтобы забрать меня в студию. Однажды тетушка сварила амарант с треской, в это блюдо традиционно добавляют свинину. Я пришла на кухню и сказала как можно спокойнее:

— Тетушка, я сегодня не буду амарант, потому что в нем свинина.

Тут она как с цепи сорвалась! Кинулась всем об этом рассказывать — кричала через забор нашей соседке мамаше Розе:

— Представляешь, Рита мне только что сказала, она не будет обедать, потому что в еде свинина!

Мамаша Роза отвечала:

— Я тебе говорила, что этот мальчишка… — И они начали вешать всех собак на «Робби и его растаманскую дурь».

Но я проявила упрямство и не стала их слушать, и с тех пор тетушка поняла, что я меняюсь и пытаюсь стать более сознательной, и она приняла тот факт, что до некоторых вещей я должна дойти сама. Например, что означает быть черным. Почему черное такое черное, а белое такое белое.

Сейчас мне кажется странным, что тогда все хотели возложить вину за мои решения на других людей, как будто у меня не было своей головы на плечах. Но я уже чувствовала, что мы — то поколение, которому предстоит встать в полный рост. Боб представил меня нескольким растаманским старейшинам, и после встреч с ними, где они говорили, а я внимательно слушала, я поняла, что эти люди знают, что делают. Я убедилась, что растафарианство гораздо глубже, чем курение травы, — это была философия, которая имела свою историю. И эта история, которой нас не учили в школе, еще больше привлекла мой интерес.

Итак, я проходила через процесс внутренних изменений, но, что бы ни утверждали другие, вовсе не сходила с ума. Я видела, что мне открываются новые истины, и испытывала потребность ими поделиться. Я всегда была религиозна — в детстве в церкви я, бывало, впадала в транс и разговаривала разными голосами, как одержимая. Задолго до встречи с Бобом я читала Библию. А теперь стала проповедовать верования растафари — куда бы я ни попадала, я говорила о возвращении достоинства черных и о том, что надо наконец поднять голову. Например, залезая в автобус, я становилась в проходе и говорила: «Доброе утро, братья и сестры!»

Мои друзья спрашивали:

— Рита, ты уверена, что у тебя все в порядке?

Я отвечала:

— Уверена.

Когда я стала носить униформу медсестры, я подпоясывалась красными, желтыми и зелеными (растаманских цветов) веревочками, и люди начали перешептываться:

— Смотри-ка, совсем свихнулась девушка, сколько денег на нее тетка ухлопала, и все теперь впустую.

А тетушкины друзья говорили ей:

— Ты же видишь, она не в себе — пора отца вызывать, чтобы он ей вправил мозги!

Но каждое утро или вечер находились люди, которые ждали моего автобуса. Они говорили:

— На каком автобусе эта женщина-раста (они называли меня «растаманской принцессой»), на каком автобусе Принцесса поедет, и мы на том же.

Все знали, что если Принцесса в автобусе, значит, настало время Библии.

— Принцесса снова будет нас учить сегодня, — говорили они.

Иногда я даже брала с собой жезл, вроде трости. Я считала, что у меня есть миссия, и не видела в этом ничего странного. Я не пользовалась духами, не носила сережек, браслетов и одежды без рукавов; платье обязательно было ниже колен, я ходила в простых сандалиях и с покрытой головой (волосы приходилось туго завязывать).

Мне кажется, все, через что проходишь, чтобы стать тем, кто ты есть сейчас, — это часть тебя. Я не была сумасшедшей, я просто пыталась понять, кто я, зачем и почему. Тем не менее, тетушка без моего ведома послала письмо отцу: «Приезжай, забери Риту, она связалась с растаманами».

Хотя папа всегда держал с нами связь, я не знала, что тетушка ему написала, пока не увидела его ответ. В Тренч тауне в те годы если приходило письмо из-за моря, то все об этом знали: «Ух ты — тебе пришло письмо из Америки, дай посмотреть конверт!» Или: «Мисс Бриттон сегодня получила письмо из Америки, я видел на почте! Только вам приходят такие письма с красными марками и президентом на них!»

Хотя письмо было адресовано тетушке, я его открыла и прочитала: «Дорогая сестра Вай, я был очень удивлен такими известиями о Рите. Но ты не будь к ней слишком строга. Следит ли она за собой? Это для меня самое важное. Если она следит за собой, все с ней будет в порядке, потому что она смышленая. Не волнуйся понапрасну, и ее не донимай».

Когда я пришла с этим письмом к тетушке, она просто сказала: «Я должна была так поступить». К тому времени она уже развелась с мистером Бриттоном, а я стала приносить в семью деньги, которые получала в студии и выступая с «The Soulettes». Папа все еще жил в Лондоне, играя на саксофоне и зарабатывая на жизнь, чем придется. Он сошелся с Альмой Джонс, ямайской женщиной, с которой ему предстояла долгая совместная жизнь и которая позднее была очень добра ко мне в трудную минуту. Их брак принес им двоих детей, моих сестру Маргарет и брата Джорджа. Одним словом, в тот момент папа меньше всего нуждался в строптивой девятнадцатилетней дочери, которую нужно было опекать. Тетушка оценила ситуацию и больше ни словом не обмолвилась о том, чтобы отправить меня к отцу.

Уэсли, который всегда жил с нами, стал уже взрослым молодым человеком и, когда Боб уехал в Делавэр, поступил на работу в полицию. Полицейские на Ямайке не сидят на одном месте, а попеременно работают в разных районах, поэтому мой брат проводил большую часть времени в различных полицейских общежитиях и приезжал домой только по выходным и праздникам. Он являлся домой в форме, при полном параде, и весь город тут же начинал об этом говорить, потому что — ах, дядя Уэсли полицейский! (В начале шестидесятых полицейский был важным человеком.) Как и в моем случае, людей восхищали его ровные белые зубы. Всегда улыбающийся, обаятельный и обходительный, он получил у местных прозвище «Мистер Зубы» — определенно «мистер», потому что после тетушкиного развода он стал главой семейства. И он серьезно отнесся к этой роли, как я потом смогла убедиться.

Через месяц после отъезда Боба мы узнали, что Ямайку должен посетить с визитом Хайле Селассие. К тому моменту, когда колеса его самолета коснулись ямайской земли 21 апреля 1966 года, огромная толпа — больше ста тысяч человек — собралась вблизи аэропорта. Большинство этих людей были раста или сторонники других афроцен тричных групп. Из-за скопления народа я не могла пробраться дальше дороги в аэропорт, поэтому остановилась и стала ждать, пока мимо проедет кортеж. Боб не хотел, чтобы я ходила, но я сказала, что все равно пойду. Все были на улице, курили и радовались — в воздухе было разлито чувство свободы, свободы для черных, как будто мечты о черном верховенстве наконец сбылись.

Я смотрела то на одну машину, то на другую, и наконец я увидела его — маленького человека в военной форме и фуражке. Раста веруют, что тот, кто видит черного царя, на самом деле

видит Бога. Поэтому, когда кортеж проезжал совсем близко, я спросила себя: «И этого человека они считают Богом? Они сошли с ума!» Глядя на него, я просто не могла в это поверить. Маленький человечек в мундире. Все очень прозаично. Одной рукой он махал из стороны в сторону. И я подумала: «Боже праведный, разве это то, о чем я читала? Покажи мне, правда ли то, что пишут об этом человеке, дай мне знак, чтобы я могла увидеть, чтобы моя вера могла на что-то опереться».

И только я подумала, что моя молитва не действует, Хайле Селассие повернулся в мою сторону и помахал. И что-то в середине его ладони поразило меня — я увидела черное пятно. И я сказала себе: «О Господи, в Библии говорится, что когда вы увидите Его, то узнаете Его по следам от гвоздей на ладонях!» Большинство людей считают, что я сочиняю, но я говорю правду, это на самом деле произошло. Возможно, конечно, что сознание определяет бытие, но я искала что-то, на что положиться. И оно пришло.

Я закричала:

— О мой Бог! — и отправилась домой, крича и пританцовывая.

Тетушка всполошилась:

— Боже милосердный, теперь она точно рехнулась!

Шел дождь, и я вся промокла, но мне было все равно.

Тетушка думала, что дела мои плохи, однако для меня это было пробуждением. Мне помахал император!

Как только я вошла в свою комнату, я тут же начала писать письмо: «Милый Робби, я только что вернулась домой, клянусь, я видела Его Величество!» И я описала всю картину — толпу; людей, бьющих в барабаны на улице, курящих траву, и полиция никого не трогала! Какой исторический день для Ямайки! А что до того, что именно я увидела, — никто у меня этого не отнимет!

Но Боб ответил мне: «Милая Рита, я получил твое письмо, пожалуйста, остынь и никуда больше не ходи. Не ходи ни к кому курить, оставайся дома, читай и заботься о ребенке!»

Первые дни после того, как Боб уехал в Делавэр, я была опустошена и совершенно потеряна. «Что это было? — спрашивала я себя беспрестанно. — Два дня назад мы поженились, были без ума от любви, и теперь его нет рядом?» Мысленно — а иногда и вслух — я пела все любовные песни, которые знала, но они непременно превращались в песни об одиночестве и о том, как я тоскую по Бобу. Но в то же время мне приходилось напоминать себе, что, во-первых, я теперь замужняя женщина, и во-вторых, мой муж уехал искать работу, а у меня

есть ребенок, о котором надо заботиться. Все это возвращало меня в отправную точку, где я находилась до замужества: надо было определиться, идти ли мне работать медсестрой или продолжать петь. Ночи напролет я лежала с открытыми глазами, пытаясь принять решение. Найти уже работу? Или все-таки остаться с Питером и Банни и другими на «Studio One»? Дрим — он же Вижен, как его теперь называли, — всегда был рядом и готов продолжать, «The Soulettes» все еще пользовались популярностью, и мы решили, что сможем продержаться. Если я, конечно, решусь. Мы сохраняли связи со студией, и Коксон продолжал приглашать нас петь на бэк-вокале для разных групп — мне вспоминаются Делрой Уилсон, «Lord Creator», Тони Грегори и кое-какие еще.

Боб, похоже, не хотел, чтобы я продолжала ходить в студию. «Сиди дома и заботься о ребенке», — писал он. Всегда одно и то же, «оставайся дома» — он никогда не говорил «поищи работу», хотя и знал, что мне нужно откуда-то брать деньги. Мы писали друг другу практически каждый день. Письма получались и отправлялись, и если почтальон проходил мимо нашей калитки, не останавливаясь, то у меня опускалось сердце — потому что я ждала нового письма каждый день, не важно, получила ли я предыдущее вчера или позавчера. Но несмотря на постоянные советы оставаться дома и заботиться о Шэрон, мы с Дримом ходили в студию по первому приглашению — записывать бэк-вокал для Питера и Банни, или еще кого-нибудь, с кем Коксон в тот момент работал.

Тем не менее, хоть я и была занята, а письма Боба поддерживали мой боевой дух, иногда я чувствовала себя одинокой и потерянной после записи в студии и уже не чаяла увидеть своего мужа. Тоскуя по нему — по его голосу, его музыке, по его всему-всему, — я шла домой и спрашивала себя, когда же мне можно будет поехать в Америку. Я не думала о том, что Боб вернется домой, нет, я думала о том, как я поеду к нему. Эта разлука была для меня серьезным испытанием. Я была сильной молодой женщиной, да, но и меня расстраивало, если иногда кто-нибудь говорил мне: «Я слышал, что ты вышла за Робби, а где он?» Одна из его прежних подружек, некая Черри, даже подошла ко мне, чтобы сообщить: «Это был мой парень!» Мне пришлось все это вытерпеть, а его даже не было рядом, чтобы защитить меня. К счастью, Банни сказал этой Черри, чтобы она отвязалась, иначе Боб прибьет ее, когда вернется.

Боб не сразу рассказал своей матери о женитьбе. Седелла Букер знала обо мне, во всяком случае, она знала, что есть такая Рита, которая писала ей письма. Она знала, что мы с ее сыном

встречались, что я была его девушкой, но ничего не знала про свадьбу. Когда он ей наконец признался, она попросила меня описать. Он сказал:

— Ох, мама, если бы ты ее увидела, она бы тебе понравилась. Она ходит, как будто катится клубочком.

Миссис Букер спросила:

— Это ты про что?

Он ответил:

— Когда она идет, сзади выглядит так, будто она катится.

Когда я услышала эту историю, я не могла понять, что он имел в виду. Пока не догадалась, что, наверное, дело в моих немного кривоватых ногах! Некоторые люди находят это сексуальным.

Поженились мы или нет, но его мать послала свою сестру посмотреть на наш дом — видимо, чтобы понять, где я живу и симпатичная ли я. Или наоборот, чтобы убедиться, что я уродина, — я так и не узнала, чего они хотели. Ее сестра заметила, что стены моей комнаты обклеены фотографиями из журналов — как все подростки, я вешала на стены постеры. И она написала миссис Букер, будто я такая бедная, что живу в доме со стенами из картона! К тому же у меня был ребенок. Так что в Америке все были разочарованы. Но изменить ничего было нельзя, мы уже свой выбор сделали.

Прошло не очень много времени — всего восемь месяцев, — прежде чем Боб решил уехать из Делавэра. Его мать сказала, что он волновался за меня; она была удивлена, что меня он любил больше, чем Соединенные Штаты. Она не могла понять, почему, хотя и была со мной незнакома. Она считала, что Америка была мечтой Боба, и его семья сделала все, чтобы принудить его остаться, — родные даже приводили ему хорошеньких девушек уже после того как узнали, что он женат.

Но у Боба были свои причины уехать из Америки. Бедняжка. Сначала он работал на заводе «Крайслер», потом в отеле «Дюпон» в Уилмингтоне. Когда он наконец плюнул и сдался, то написал мне: «Я еду домой. Меня тошнит от этого места. Сегодня я пылесосил ковер, мешок пылесоса лопнул, и все это дерьмо полетело мне в лицо».

Бедняга!

«Если я тут останусь, эта страна меня убьет, — писал он. — Она приносит мне только неприятности! Я певец, это все не мое, я возвращаюсь».

Сцена возвращения вышла очень трогательная — чувствовалось, что давно пора нам было воссоединиться!

Казалось, что не восемь месяцев прошло, а целая вечность, прежде чем я смогла наконец увидеть, как он выходит в зал прибытия. Он чуть наклонил голову, как будто совсем истосковался по мне, и я чувствовала то же самое! Бедный Боб, у него был такой жалобный вид! И я до сих пор ловлю себя на том, что мне его жаль. Моя любовь к нему, глубокая, подлинная любовь, не вытесняет этой щемящей жалости. Хотя он уехал с одной сумкой, теперь у него был еще чемодан в руках. Мы обнялись и расцеловали друг друга, и он сказал:

— Ну вот, я вернулся! Моя мать послала кое-что для тебя и Шэрон, еще я привез тебе платье и всякое такое.

Я и ахнуть не успела, как его обхватили Дрим и тетушка. А Шэрон даже вспомнила, как сказать «Баху»! Мы все были очень рады его видеть!

Но потом, по дороге домой, он спросил:

— Почему ты не привела себя в порядок, что с твоими волосами? — Волосы мои были свободно распущены.

Казалось, он больше озадачен, чем недоволен. Думаю, что по сравнению с американками я выглядела иначе. Пока его не было, я много читала и старалась разобраться, действительно ли то, что он мне говорил, не было просто конопляным бредом или пересказом баек, которые он подхватил на улице. Но с тех пор, как я увидела темное пятно на ладони Хайле Селассие, я более уверенно чувствовала себя частью движения растафари.

Правда, когда он вернулся, серьезные мысли плохо задерживались у меня в голове. Мы приехали домой, пообедали, попели песни, вышли ненадолго покурить и потом прыгнули прямо в постель. И это было — ух! — как попасть на небеса! Во всяком случае, если небеса такие, то отлично, я туда хочу!

И даже когда первоначальные восторги от встречи немного улеглись, я замечала, что Боб стал относиться ко мне с большей нежностью — то ли потому, что соскучился, то ли еще почему-то. Так или иначе, я была этому очень рада. Любовь высвечивает лучшее в человеке. Было так здорово снова понять, насколько мы любим друг друга. Нам было очень хорошо вместе.

Тех небольших денег, которые Боб привез из Америки, оказалось достаточно, чтобы пойти в студию с Питером и Банни и записать несколько ранних песен Боба, вроде «Nice Time»: «Давно с тобой мы не виделись, к любви и веселью забыли привычку, вот мое сердце, чтобы качать тебя ритмично». Что Боб и делал. Как всегда, он пел о своих чувствах. Так мы и предавались любви — и увеличению семейства. Первой родилась Седелла, моя вторая дочь. Имя ей дали в честь матери Боба, но прозвище у нее было Найстайм — такое же, как название песни.

Как только Боб вернулся, для меня нашлась работа. Музыка — это искусство, но также и бизнес, а все они, Боб, Банни и Питер, имели больше способностей к сочинительству. Чтобы сохранить права на музыку, мы создали собственную компанию, «Wail'NSoul'M» (от названий «The Wailers» и «The Soulettes»). Было время, когда мы даже сами изготавливали собственные пластинки. Я по-прежнему пела (мы с Бобом примерно тогда же записали кавер-версию «Hold On To This Feeling», вместе с Питером, Банни, Сесиль и Хортенз). Кто-то должен был следить за тем, чтобы пластинки попадали на радио и в магазины. Нужно было каждый день колесить по улицам и заниматься доставкой.

Мы все еще жили на Гринвич-парк-роуд у тетушки, где она выделила нам комнату. Наша спальня выходила окном на улицу, поэтому днем мы занавешивали заднюю часть комнаты, а переднюю превращали в музыкальный киоск и продавали наши «сорокапятки» — в то время вся музыка выходила на семидюймовых виниловых пластинках. В какие-то дни нам удавалось продать три, в какие-то — шесть, а иногда и двадцать пять пластинок. Мы сами смастерили маленькую клетушку, которая выполняла функции будки кассира. Я никогда не считала эту будку частью истории, но теперь существует две копии ее — одна в Музее Боба Марли в Кингстоне, а другая в «Universal Studios» в Орландо, во Флориде.

Кроме того, я занималась доставкой. Тетушка была велосипедисткой, и меня тоже приучила: «Возьми-ка велосипед, съезди за иголкой». Благодаря велосипеду и нашему магазину, я нашла себе подругу на всю жизнь, Ми нион Смит (позднее Филлипс). Когда мы познакомились, я все еще искала подтверждения моей веры в растафари и приняла Минион как сестру, которая уже была вовлечена в борьбу на Ямайке, где особое положение белых и классовые барьеры были жестко определены. Еврейская семья ее матери бежала от Холокоста, а ее отец был ямайцем. Тот район Кингстона, где они жили, населял в основном средний класс. Минион — мы ее звали просто Минни — была одной из первых женщин в этом районе, проявивших интерес к раста, в чем, естественно, семья ее совершенно не поддерживала. Высокая, красивая и воинственная, она заходила к нам купить пластинок, и мне нравилось, как она выглядит, нравились ее каштановые дреды, то, как она держала себя. Встречая ее в Тренчтауне, я думала: вот идет сестра, которая выглядит уверенной и сильной.

Эта ее сила была очень привлекательна. Тогда, в начале шестидесятых, быть молодой женщиной и принять

растафарианство автоматически значило поставить себя вне общества. На тебя смотрели как на сумасшедшую, еще хуже, чем на мужчину-раста. Но, как и мужчины, мы с Минни — она была единственной растаманкой, которую я видела до тех пор, — просто искали выход из дискриминации и отверженности, которую мы чувствовали вокруг себя, пытались осознать, что мы не отбросы без роду и племени, что у нас есть прошлое, есть корни в Африке.

Иногда я садилась на велосипед и ехала поговорить с сестрой Минни — мы встречались на полпути между Тренчтауном и тем районом, где она жила. Темы наших разговоров были разные — «Black Power» и Малком Экс, Анджела Дэвис и Мириам Макеба. Чтобы немного подзаработать, я шила дашики, свободные цветастые рубашки в африканском стиле, а Минни возила их в город и продавала в университете вместе с бусами, которые делала сама. За годы нашего знакомства она дала мне много сил и поддержки, но наша дружба началась в одно мгновение. Иногда встречаешь кого-нибудь — и сразу знаешь, что этот человек будет твоим другом надолго, может быть, навсегда.

Однажды ближе к вечеру я ехала домой из Хаф-Вэй-Три, в трех с лишним милях от Тренчтауна, и мой велосипед сбила проезжавшая машина. В корзине сзади у меня лежала пачка пластинок, которые нужно было развезти по заказам, поступившим на наш лейбл «Wail'NSoul'M Recordings». Я больше смутилась, чем испугалась, потому что я привыкла к этой ежедневной трехмильной поездке, сначала из Тренчтауна до Кроссроудз, а оттуда в Хаф-Вэй-Три. Иногда я заодно заезжала в центр Кингстона, где находились все известные музыкальные магазины, вроде «Randy's» или «KG's». Все меня знали, все меня ждали: «О, Принцесса пришла, какие у тебя для нас пластинки сегодня?» Я была в фаворе, потому что мы выпускали новые вещи, на которые существовал спрос — немного «The Wailers», немного «The Soulettes». К тому же я сама была молодой и полной энтузиазма, беззаботной и счастливой, несмотря на бедность, я любила каждую минуту моей жизни и думала: «В один прекрасный день мы добьемся своего, у нас будут деньги и мы наконец перестанем жить впроголодь!»

Как раз о еде — что сегодня приготовить на ужин — я и думала, когда меня сбила машина. Мне никогда не приходило в голову, что я могу отвлечься от дороги, и, когда это произошло, я была удивлена и напугана. Почему так вышло? Люди на улице уже привыкли к тому, что я езжу мимо, и теперь все хотели мне помочь.

— Эй, Принцесса, твои пластинки! Принцесса, у тебя все в

порядке? — слышала я.

— Не боишься ездить на велосипеде? — говорили они. — Что же ты, забыла, что ты не машина?

И тут я подумала: да, точно! Я больше этим не буду заниматься, надо передать эту работу одному из парней! Я ушиблась, но была рада, что осталась жива, и когда Боб увидел меня и помятый велосипед, тут я и перестала развозить пластинки!

Я беспокоилась о еде, потому что многие друзья Боба начали приходить к нам домой, и всех нужно было кормить. Тетушкин дом стал салоном, ребята обретались там круглый день, играли музыку, курили немного (правда, не в доме), разговаривали, снова музицировали, играли в футбол. Многие люди учились у Боба дисциплине и терпению, с которым он работал над музыкой. Как Ансел Кридланд из «The Meditations» сказал через много лет: «Это не просто работа, когда смотришь на часы и стараешься сделать ее побыстрее, например, за час. Это время. Когда тратишь время на свое дело, то получаются лучшие результаты. Сотрудничество с Бобом Марли было для нас важным опытом».

Но мне приходилось думать о практических вещах, заботиться о том, чтобы хватило еды, платить за электричество, которое мы расходовали, — хотя мы и не платили тетушке за квартиру, было справедливо и правильно, что мы оплачивали электричество. А когда мои мысли не были заняты следующим обедом или счетом за свет, я беспокоилась о том, как мы расплатимся за кровать и шкаф, купленные в кредит в мебельном магазине в Кроссроудз.

Иногда тетушка говорила, что не видит в такой жизни никакой перспективы, она раздражалась, ей казалось, что лучшие дни никогда не настанут. Я всегда была как будто у нее под микроскопом, и она не упускала случая дать мне это понять. Но потом нашу музыку начали играть по радио и на танцах, люди на улицах обращали на нее внимание, а потом мы стали понемногу делать что-то и на ТВ. Тетушке это нравилось, она ценила нашу харизму. И теперь, когда ее спрашивали: «Как там Рита?», она отвечала с улыбкой: «Неплохо. Из нее получилось не то, что мы хотели, но все же, слава богу, неплохо!»

Мой брат Уэсли, однако, пришел в ярость, когда узнал о моем растафарианстве. Хотя мы с Бобом уже были женаты, Уэсли считал, что как полицейский имеет право вмешаться. К тому же он и сам был с характером.

— Думаешь, это правильно, — спросил он меня, вернувшись домой после одного из своих районных назначений, — что

несмотря на все те деньги, которые мы с тетушкой на тебя потратили, ты превратилась неизвестно во что? Что тебе это дает? Думаешь, вышла замуж и стала важной персоной? Ты все еще под нашей опекой и ты не имеешь морального права быть никчемной растаманкой!

А я сказала:

— А ты не имеешь морального права быть полицейским — это Вавилон!

И он ударил меня! Треснул по лицу — бабах! Я плакала и думала, что со мной по-прежнему обращаются как с ребенком. Что за черт, когда же начнется моя собственная жизнь? Но я не собиралась сдаваться, несмотря на все препятствия.

Когда Боб узнал, что мой брат меня побил, он тоже заплакал — даже сильнее, чем я. Он чувствовал себя униженным из-за того, что случилось с его женой, но ничего не мог сделать, потому что мы жили в их доме. Он чувствовал, что он больше не «Робби» — тетушка все еще называла его «мальчиком», — но женатый мужчина со своим грузом ответственности. Он сказал:

— Знаешь, что мы сделаем? Будем жить в моем доме.

Он имел в виду то место, где он родился, в деревне Найн-Майлз, в Сент-Энн. Эта идея мне тоже показалась привлекательной, потому что я никогда там не была, и это могло бы привнести в нашу жизнь что-то новое. Но, хотя я была замужем и почти двадцати двух лет от роду, я была все еще так молода и неопытна, что ответила:

— Хорошо, только мне надо спросить тетушку!

Надо сказать, я не чувствовала, что Боб способен взять на себя полную стопроцентную ответственность за меня.

Тем не менее, мы решили переехать. Я уже была беременна Седеллой, и тетушка заявила:

— Ты рехнулась! Уедешь туда и станешь никем. Обычной деревенщиной. Что вы там собираетесь делать? Землю копать? Сажать бататы и капусту?

А мать Боба написала, что Сент-Энн будет для нас концом всего, что Боб должен вернуться в Делавэр и быть джентльменом — носить галстук и работать с девяти до пяти. «Ты хочешь беззаботной жизни, — писала она, — но эта жизнь не приносит денег. У вас с Ритой нет никакого честолюбия!»

Как и многие другие родители по всему миру, ямайские родители хотели, чтобы их дети прилично зарабатывали, но только таким способом, который устраивал бы старшее поколение. Иначе они сердились. Как ты смеешь быть тем, кто ты есть! Но Боб имел свое призвание, и я поощряла его не изменять себе. Я знала, что всегда буду на его стороне. Позднее в мой

адрес часто сыпались обвинения и насмешки, потому что я убеждала его оставаться верным своей религии и своим идеалам. Но тогда я просто сказала:

— Если он хочет в Сент-Энн, я согласна. Согласна на все, чего мой муж от меня хочет.

Глава четвертая
«TO LOVE SOMEBODY»
(Любить кого-то)

Еще до того, как мы решили перебраться в Сент-Энн, мы стали замечать перемены в тетушке: она начала относиться с легким подозрением — а может, просто чересчур придирчиво — ко всему, что мы делали. Боб считал, что мы ей намозолили глаза, постоянно находясь рядом и не имея возможности выбраться из ее дома. Я думаю, больше всего ее обижало, что мы отказывались есть ее стряпню. Она готовила свинину, когда ей хотелось, и это было, конечно же, ее право. Я понимала ее резоны и старалась готовить отдельно, но, думаю, никак не разряжала обстановку. Мы с Бобом обсуждали эту ситуацию много раз, потому что он чувствовал себя все больше не в своей тарелке и начал проводить основную массу времени вне дома, чтобы не слышать, как его постоянно называют «этот мальчишка» или, собирательно вместе с друзьями, «эти мальчишки».

Наш план заключался в том, чтобы поехать в Найн-Майлз и поселиться в пустующем доме, который отец Боба оставил его матери. Если бы мы провели там некоторое время и сэкономили немного денег, то потом можно было бы позволить себе снять жилье и не стеснять больше тетушку. Или мы могли бы построить дом в Найн-Майлз. То, что я была обеими руками за переезд, Боба не вполне успокоило.

— Там нет воды, нет электричества, ты к такому не привыкла, — твердил он.

И я отвечала:

— Ну давай просто попробуем. Я правда хочу туда поехать, посмотреть, на что это похоже.

Я чувствовала, что мне нужно непременно пройти через это, потому что я не была знакома с его семьей и не знала, где и как он рос. Все, что я знала про Сент-Энн, — что Маркус Гарви был тоже оттуда родом.

Так или иначе, мой энтузиазм Боба радовал. Думаю, тогда мы были так влюблены друг в друга, что не столь важно было, где жить, лишь бы вместе. Тогда же он записал песню «Chances Are», которая, как всегда, рассказывала о жизни, которой мы жили: о сегодняшних печалях и о том, что завтра все переменится к лучшему. И я верила в это «завтра».

Когда настало время ехать, я пришла в сильное возбуждение,

так мне хотелось в Сент-Энн. Даже беспрестанное тетушкино ворчание меня не раздражало. Я радовалась как ребенок! Я запасла муку, рис и сахар, поскольку Боб предупредил, что там негде купить продукты. Я складывала чемодан, который он привез из Америки, параллельно слушая тетушку:

— Куда тебя несет, ты не представляешь, во что ввязываешься, ты никогда этого раньше не делала, тебя могут втянуть невесть во что… Ты можешь заболеть, кто тебя будет лечить там, ты беременная, в какую клинику ты собираешься ходить, чтобы делать анализы? — И так далее.

Наконец я сказала:

— Да не переживай ты так, тетушка! Я тебе напишу, к тому же я приеду через неделю, чтобы рассказать тебе, как у нас дела. А если что-то не заладится, то я сразу вернусь.

Мои доводы ее, похоже, немного успокоили. Во всяком случае, она знала, что я сдержу слово и вернусь, потому что мы оставляли Шэрон с ней на то время, пока будем устраиваться. Она знала, что Шэрон мы надолго не бросим.

Но вот настало время ехать, и мы пошли на Парад-сквер в центре Кингстона, откуда уходили автобусы — те самые расписные автобусы, которыми знаменита Ямайка, с названиями вроде «Божья милость» и «Хвала Господу». Я сразу сказала:

— Хочу к окошку! Я хочу к окошку!

Боб до последней минуты продолжал сомневаться. Я уже села и прижалась носом к стеклу, когда он в очередной раз спросил:

— Ты уверена, что хочешь ехать?

Конечно, я была уверена — для меня это было целое путешествие, плюс шанс узнать побольше о муже и местности, где он вырос. Ведь тогда я смогу любить его еще сильнее.

Расстояние до Сент-Энн было около семидесяти пяти миль, всего пара часов на машине, если нигде не задерживаться, но мы добирались больше четырех часов — автобус медленно полз по извилистым горным дорогам и останавливался на каждом углу. Поездка, надо сказать, принесла массу ощущений. Люди ехали с детьми, везли кур, корзины, полные всевозможных овощей и фруктов. Это не особенно облегчало мою утреннюю дурноту — один раз мне даже пришлось выйти из автобуса, — но я продолжала смотреть в окно и пыталась дышать свежим воздухом и сохранять позитивный настрой.

Когда мы наконец сошли в Найн-Майлз, казалось, что вся община вышла нас встретить. Это был прямо праздник какой-то! Люди кричали: «О! Да это же Неста!», или «Мас Нес вернулся!» и «Мас Нес приехал и жену привез!» Тут Боб показал куда-то вверх по холму (больше похожему на гору) и сказал:

— А дом вон там.

Я посмотрела туда и удивилась:

— Это — дом? — Потому что постройку, на которую он указывал, трудно было назвать домом, во всяком случае, тем, что в Тренчтауне понимали под домом.

Но Боб подтвердил:

— Да, он самый. Пошли.

Мы поднялись по холму. Уже вечерело и, как Боб и предупреждал, электричества не было, так что нам пришлось искать лампу в потемках. Когда мы оказались внутри и я не обнаружила ни кухни, ни туалета, я подумала: «Боже праведный, во что я ввязалась». Запах этого места вызывал дурноту, и я поняла наконец, о чем тетушка пыталась меня предупредить. Тем не менее, я понимала, что уехать обратно в Тренчтаун прямо сейчас нет никакой возможности. «Что бы здесь ни было, — думала я, — у моего мужа ничего другого нет, и я должна с этим смириться». Я будто попала в другой мир.

Но то, что мы были окружены всеми этими доброжелательными людьми, которые были так рады нас видеть, немного успокаивало. Дети сестры матери Боба (Клов, Дотти и Хелен), его тетя Эми и тетя Сета отнеслись ко мне очень хорошо и продолжали повторять: «Мас Нес, какую хорошую девушку ты взял в жены!», или «Если вам что-то нужно, просто скажите». Решено было, что Клов станет нашей помощницей, она ухаживала за мной, пока я была беременна, и по сей день она остается любимицей моей дочери Седеллы.

В ту ночь я сказала Бобу, что, хотя нам здесь, похоже, придется трудно, я готова. На следующий день мы начали думать, с какого конца взяться за дело. Нам пришлось соорудить кровать из каких-то досок и бревен, устроить кухню. Но каждый житель деревни старался протянуть нам руку помощи. И постепенно я начала получать удовольствие от происходящего.

К концу недели я, как и обещала, поехала в Кингстон, чтобы побыть с Шэрон и рассказать тетушке о том, как мы здорово устроились. Мне хотелось, чтобы она своими глазами увидела, что я в полном порядке. Естественно, ее мнение от этого никак не изменилось. «Давай-ка лучше домой возвращайся», — ничего другого от нее нельзя было услышать. Так что мне пришлось затыкать уши. Я купила кое-какие необходимые вещи, одолжила у тетушки простыни и занавески, поцеловала Шэрон, пообещала взять ее с собой в следующий раз и пошла в центр города, чтобы сесть на автобус. Который, как я помню, в этот раз назывался «Земля Обетованная».

И начали мы жить-поживать на этой земле — не беспокоясь о том, что тетушка слышит все наши разговоры. Можно было кричать во весь голос, быть счастливыми и свободными! Полная независимость — такой кайф! Наконец я почувствовала себя взрослой женщиной. Я вставала по утрам и шла на собственную маленькую кухню, таскала воду вверх по холму в собственный двор. Сама мысль о том, что у нас теперь есть свой двор, делала Боба гордым и уверенным. Думаю, даже добавляла ему мужественности. Теперь, когда он находился на своей территории, можно было видеть, как он повзрослел и как счастлив. Первой вещью, которую он взял в руки после того, как мы распаковали багаж, была его маленькая акустическая гитара. И сразу он начал играть и сочинять песни — в одной из них упоминается «дом на вершине холма».

Конечно же, как и предсказывала тетушка, мы начали «копаться в земле» — участок принадлежал когда-то деду Боба, и кто-то из семьи разрешил нам его использовать. Мы сажали там батат, картошку, капусту, а чтобы попасть на нашу «ферму», завели ослика по имени Шустрый. Каждое утро наш друг Шустрый вез меня на спине, цок-цок, потихоньку, полегоньку; Боб шел рядом, и каждый встречный говорил: «Привет, Мас Нес!» или «Доброе утро, миз Марли!» Я чувствовала себя королевой верхом на этом ослике! Цок-цок, цок-цок… В деревне люди не проходят мимо просто так — каждый, кого мы встречали, спрашивал, как наши дела, и нужно было непременно ответить: «Неплохо, спасибо, мадам!» или «Бог в помощь». Боб однажды упомянул об этом в интервью: он сказал, что его не волнует мнение других людей, потому что на его родине, в Сент-Энн, люди всегда благословляли его: «Доброе утро, Мас Неста, храни вас Бог!»

К Шустрому он относился как к ребенку — даже давал ему витамины! Куда бы мы ни отправились, ослик был с нами. Я едва могла дождаться следующего утра, чтобы снова взобраться ему на спину и ехать на ферму или в деревню. Между тем живот у меня все больше выпирал. Тетушка беспокоилась, что я останусь без внимания во время беременности, она была уверена, что в деревне нет больниц. Но Клов нашла одну, куда я могла обращаться.

Каждую пару недель я ездила в Кингстон, чтобы поддерживать наш бизнес, следить за тем, чтобы мы не теряли деньги или клиентов, потому что продажа пластинок была для нас единственным источником пропитания. Автобус проходил мимо нас рано утром, около полседьмого, и я отправлялась в трех-четырехчасовую поездку с сельскими жителями, их курами и ящиками, из Сент-Энн в Кингстон. Там я покупала продукты,

чтобы пополнить запасы. И биодобавку для ослика — Боб расстраивался, если я забывала привезти Шустрому прополис! А когда у нас кончался сахар или еще что-нибудь или нам нужны были наволочки, стоило только сказать тетушке: «Тетушка, мне нужны наволочки», как она тут же отзывалась: «А полотенец у вас хватает?» — и неизменно нам помогала. Но мне пришлось за это заплатить буквально головой: однажды я позволила ей состричь мои дреды, потому что понимала — тетушка хочет, чтобы я была такой, какой она меня видит. Рита, а не раста!

Но я знала, что волосы отрастут снова, и что более важно, я знала, где я хочу находиться. Автобус на Сент-Энн отправлялся в пять вечера; если бы я его пропустила, пришлось бы ночевать в Кингстоне — по-другому в Сент-Энн было не добраться, разве что на такси — но такси было мне не по карману. Поэтому я всегда старалась быть первой в очереди, когда автобус открывал двери. Иногда я брала с собой Шэрон, поскольку она еще не начала ходить в школу. Пока меня не было, Боб прибирал в комнатах и готовил еду, так что дома нас всегда ждал ужин. И когда приходил автобус, Боб всегда стоял на остановке, как и обещал мне когда-то: «Рита, ты оглядись по сторонам, когда приедешь, я буду там где-нибудь стоять и ждать тебя». Многие годы спустя, когда его называли «первой суперзвездой Третьего мира» и «негусом» (что означает «полубог») регги, мне хотелось напомнить людям, откуда мы вышли. В Сент-Энн у него была одна пара подштанников, которые я стирала каждую ночь. И если он заботился обо мне настолько, что готовил ужин к моему приезду из Кингстона, то и я старалась вернуться вовремя, чтобы позаботиться о нем.

Так или иначе, я всю беременность чувствовала себя замечательно, вынашивая Седеллу на природе, в сельской атмосфере. Возможно, поэтому она получилась такой сильной. К тому же я вела активную жизнь, разъезжая туда-сюда между Тренчтауном и Сент-Энн и катаясь верхом на ослике, так что пузо подпрыгивало до подбородка.

Клиника селения Степни, где меня наблюдали, находилась на приличном расстоянии от нас, и чем больше становился мой живот, тем труднее мне было добираться до врача. Потом в клинике сказали, что мне не хватает железа, и прописали какие-то таблетки. Когда я рассказала об этом тетушке, ее чуть удар не хватил:

— Я так и знала! Ты плохо питаешься! Чем тебя кормят, одними бататами и капустой! Ты должна вернуться домой, пить молоко, есть мясо и рыбу, иначе не родишь… Боже, до чего

довели ребенка…

Тогда я начала нервничать. Даже с моими отрывочными познаниями из школы медсестер я понимала, что в клинике не лучшая обстановка. Они просто вынимали термометр у пациента изо рта, встряхивали и совали в рот следующему, разве что обмакнув в спирт! Ближе к родам я пришла к выводу, что тетушкино беспокойство имеет под собой реальные основания. А вдруг понадобится кесарево сечение или еще что-то случится при родах?.. Ох нет, я так не хотела, чтобы что-нибудь случилось со мной или моим ребенком, первым ребенком Боба! Одновременно я начала задумываться и о других предостережениях тетушки: чем можно заниматься в Сент-Энн — возделывать землю? сажать батат? Я не переставала размышлять о причинах, которые побуждают меня уехать, кроме дороги вверх и вниз по холму и походов за водой к резервуару — это как раз мне нравилось, но можно ли посвятить этому всю оставшуюся жизнь? Через некоторое время я уже начала прикидывать, как изменить ситуацию, не уходя от Боба, ведь я настолько любила его, что готова была идти за ним хоть на край света.

Наконец мы решили, что вернемся в Кингстон за месяц до рождения ребенка. Так что я родила Седеллу в Кингстоне, и мы снова оказались у тетушки. Но мой брат за это время уволился из полиции и эмигрировал в Канаду, что немного разрядило напряжение в доме. Кроме того, мы знали, что у нас есть куда уехать, что мы всегда можем вернуться в Сент-Энн и нам там будут рады. И важнее всего было испытанное нами чувство независимости, хоть она и оказалась недолгой.

После рождения Седеллы Шэрон стала старшей сестрой (роль, от которой она получала большое удовольствие), а тетушке пришлось присматривать уже за двумя детьми. Впрочем, это ей нравилось, потому что она могла шить девочкам красивые платьица. Обшивание детей всегда было ее коронным развлечением, и она сделала множество разных нарядов! Седелла и Шэрон были драгоценными жемчужинами в тетушкиной короне, а для меня ее помощь была стержнем, на котором все держалось. Я получила возможность оставить детей дома и идти работать, потому что работа была так же важна для их благополучия, как материнская опека. Даже после шести месяцев нашего отсутствия все еще существовал интерес к нашей музыке, поэтому теперь, по возвращении в Кингстон, мы могли сравнительно легко продолжить начатое ранее. Когда мы приступили к работе, то сразу почувствовали себя лучше. Я еще яснее поняла, что музыка для меня не только способ заработать

на хлеб — она приносила моральное удовлетворение как ничто другое. (Хотя в будущем я еще не раз задумывалась, не пойти ли работать медсестрой, чтобы сохранить лицо семьи.)

После того как мы с Бобом поженились, Марлен Гиффорд уехала в Нью-Йорк на поиски своего счастья, потому что к тому времени она начала немножко ревновать. Думаю, она решила, что, раз я уже замужем и с двумя детьми, «The Soulettes» вряд ли мне понадобятся, и здесь больше нечего ловить. Вскоре и Дрим эмигрировал, тоже в Нью-Йорк, чтобы пожить у своего брата Кеннета Смита и подучиться. Теперь со мной пели Сесиль Кэмпбелл и Хэртенз Льюис, получилось «шоу трех девушек», и это был период триумфа для «The Soulettes». Иностранные музыканты, выступавшие на Ямайке, приглашали нас выступать на разогреве, и мы даже ездили в Канаду. Иногда и Боб ездил с нами в качестве «телохранителя», чтобы присматривать за мной. Мне это ужасно нравилось! Мы были нарасхват — жили в разных гостиницах и пользовались спросом на концертах. Нас называли «Звездами Карибского моря» — и мы действительно зажигали!

Седелле было около семи месяцев, когда Боб решил, что больше не в силах жить у тетушки. Он ощущал себя паразитом, мальчишкой, а не мужчиной, каким ему хотелось быть в двадцать три, — так он говорил. Он чувствовал, что должен взять на себя ответственность и жить отдельно со своей собственной семьей. Он не мог свободно выражаться при тетушке (никогда при ней не ругался); кроме того, она переселила нас в отдельную комнату, которую специально пристроила перед домом. «Знаешь, что это значит? — говорил Боб. — Она сама хочет, чтобы мы съехали». Так думал он, я была в этом не уверена, потому что тетушка во всем меня выручала.

Но я поняла его положение, и мы решили поискать комнату с магазином. Комната наподобие той, где мы жили у тетушки (днем она превращалась в магазин, а ночью служила спальней), не подходила из-за детей. Притом, хоть Боб и считал, что две дочери — это замечательно, он хотел сына (как и большинство мужчин на Ямайке, так мне кажется). И вот, с двумя малышами и третьим в перспективе, мы начали повсюду искать жилье и наконец с трудом нашли комнату в доме, прилегавшем к Уолтхэм-парк-роуд. Там был и магазинчик, выходящий на улицу, так что мы могли продавать пластинки. Я поражаюсь себе тогдашней — только сейчас я понимаю, как была молода и неопытна, когда на меня свалились все эти перемены и огромная ответственность. Диву даюсь, как я не проснулась однажды утром и не убежала куда глаза глядят!

Потом все еще немного усложнилось: хозяйка дома узнала,

что Виола Бриттон — моя тетя, и сочла своим долгом докладывать ей обо всем, что происходило у нас в комнате. Иногда мы с Бобом дрались, но не всерьез, а так, как дерутся дети или влюбленные, чтобы затем помириться. Я всегда давала сдачи! И не собиралась ничего спускать — ударь меня, и я ударю в ответ! Хотя я первая начинала царапаться, через минуту уже плакала. Поскольку Боб не выносил вида моих слез, он говорил: «Слушай, давай не будем ссориться, прости», или «Ты меня сама довела», или что-нибудь в этом духе. И мы всегда мирились в ту же ночь. Тетушке я никогда не рассказывала о наших стычках, но иногда она смотрела на меня и говорила: «Ага, да вы вчера поцапались, сразу видно», или «Что у тебя с лицом?», или «Откуда у тебя синяки на руках?»

Однажды мы подрались, потому что задержался ужин. А произошло это потому, что у нас не было кухни. Мне приходилось готовить на земле перед дверью. Каждое утро и каждый вечер я должна была зажечь угли, раздуть их, чтобы появилось пламя, и дождаться, пока оно разгорится как следует. Это было непросто, если учесть, что один ребенок даже не умел сидеть, а другой все еще держался за юбку. В тот вечер ужин я приготовила особенно поздно, мы подрались, и хозяйка настучала тетушке. Едва тетушка услышала об этом, она сразу прибежала ко мне — хотела увезти меня обратно, забрать к себе. Это было большое унижение для Боба.

— Что я, не мужчина, чтобы командовать в своем доме? — кричал он. — Почему я не могу сам разобраться с собственной женой?

Однако тетушка — миниатюрная, но властная — сказала:

— Я не для этого ее отдавала в школу.

Она добавила много других обидных слов, потому что в очередной раз решила, что я сбилась с пути.

— Когда мужчина позволяет себе поднять на тебя руку, ничего хорошего нет, — настаивала она, — это дурной знак. Теперь я воочию убедилась, он с тобой безобразно обращается, ты не должна здесь прозябать, я тебя не для такой жизни растила! — И так далее, и тому подобное.

И я позволила ей увезти меня к себе. А потом пришел Боб и мы с ним, разумеется, помирились. И с тетушкой тоже.

В то время отношения мужа и жены казались мне нерушимыми узами — ты связан и даже не думаешь о том, чтобы вырваться. Или настолько отдаешь себя, что думаешь: «Это на всю жизнь, пути назад нет». Брачная клятва сама по себе была достаточным доказательством — «в горе и в радости, в богатстве и в бедности…». Кроме того, я любила такую жизнь и никогда не

думала, что это может закончиться. Я не могла даже представить, что Боб покинет меня так скоро и отправится в мир иной в тридцать шесть. Я не ожидала многого, что произошло потом со мной. Выходя замуж, я, как и все девятнадцатилетние девчонки, думала, что так и будет всегда — любовь и счастье. Замужество потребовало от меня полной самоотдачи. Я не просто любила Боба: я знала, что всегда буду его другом, что бы ни случилось. Мы были больше, чем просто муж и жена, — мы были друзьями. Или, если посмотреть на это с другой стороны, несмотря на наш брак, мы решили оставаться друзьями.

Что касается тетушки и вопроса, где нам жить, все было отложено до поры до времени. Довольно скоро записи, которые делали «The Wailers» для «Studio One» и нашего собственного лейбла «Wail'NSoul'M Productions», а также радиоэфиры снова сделали нас звездами на Ямайке. «The Wailers» и «The Soulettes» начали играть небольшие концерты на Северном берегу, на Борнмут-бич, на Кубе и в других карибских точках вроде Золотого Берега на острове Сент-Томас. А тетушка, которая всегда прикрывала мой тыл, охотно согласилась стать няней. Без нее нам никогда не удалось бы столько сделать, и Боб, несмотря на свои с ней столкновения, понимал это и любил ее за отзывчивость.

Но вместе с тем я поняла, что слишком рано взвалила на себя такой груз ответственности. К двадцати двум годам я имела двоих детей и все еще не вырвалась из Тренчтауна. Я чувствовала угрызения совести от того, что дети росли в агрессивной среде, которая, похоже, не собиралась меняться. Бедность, коррупция и преступность — все было на том же уровне, как и прежде. Боб видел, что я не собираюсь сдаваться и принимать все как есть. Разве я могла бы допустить такое будущее для наших детей? Я каждый день спрашивала себя: «Чего мы ждем? Что можно сделать сегодня? Давайте же что-нибудь изменим!» Ситуация напоминала затишье перед бурей: вроде все спокойно, но взрыва не миновать.

Глава пятая
«LIVELY UP YOURSELF»
(Встряхнись)

Если вспомнить ямайскую музыку начала 60-х, на слуху тогда были «Burning Spear», Джимми Клифф, Хортенз Эллис, Марсия Гриффитс и, конечно же, «The Soulettes» и «The Wailers». Одним из тех, кто внимательно следил за этой музыкой, был американский соул-певец Джонни Нэш, который часто ездил на Ямайку в поисках материалов для своей звукозаписывающей компании, «JAD Records». В январе 1967 года на растафарианской религиозной церемонии старейшина по имени Мортимо Планно представил Нэшу Боба, назвав последнего «лучшим сочинителем песен». Очевидно, Нэш согласился с этой оценкой, потому что позже сказал своему бизнес-партнеру Дэнни Симсу, что каждая из двух с лишним десятков песен, которые Боб для него сыграл, могла бы быть хитом.

Невилл Уиллогби, один из самых популярных ямайских радиоведущих, тоже рекомендовал Боба Джонни Нэшу. Когда Нэш и Дэнни Симс вернулись на Ямайку в том же году и разыскали нас, мы были готовы к встрече и к сотрудничеству. Наконец-то, думали мы, назревает что-то хорошее. В тот момент мы остро нуждались в переменах, потому что жизнь, казалось, замерла. Шэрон еще не доросла до школы, Седелла и вовсе лежала в пеленках (которые мне приходилось стирать каждый день), и мы по-прежнему обретались в одной маленькой комнате в доме 18А по Гринвич-парк-роуд, у тетушки. А в скором времени мы ожидали прибавления семейства, потому что я была беременна третьим ребенком — и очень надеялась, что это будет сын, о котором мы просили Джа.

И вновь надо поблагодарить тетушку, потому что мы хотя бы могли принимать американцев в приличном доме с верандой. Когда гости приехали, тетушка, как всегда, обрадовалась вниманию и общему оживлению. Она разносила напитки, крекеры и сыр, следила за детьми, так что мне не пришлось одновременно исполнять роли певицы, хозяйки и матери. Когда мы начали работать с «JAD» и у нас впервые появились американские доллары, я сказала:

— Вот видишь, тетушка! Я неплохо теперь зарабатываю, хорошие деньги получаю!

После этого ее тон слегка изменился — когда люди

спрашивали ее обо мне, она отвечала:

— Из нее, конечно, получилось не то, на что мы рассчитывали, но все же она не пустое место.

Американцы умеют красиво говорить, могут что угодно расписать так, что получится конфетка. А нас, конечно, соблазняла перспектива изменить свою жизнь к лучшему, и вот наконец появились люди, которые могли это сделать, перенести нас с одного уровня на другой. Поначалу все выглядело более чем правдоподобно, потому что наши переговоры с людьми из «JAD» проходили в доме, которым владел Джонни Нэш, на горе в Рассел-Хэйтс, с видом на Кингстон. Наш первый визит в этот необыкновенный дом на вершине холма привел нас в полный восторг!

Маргарет Нэш, жена Джонни, сразу проявила расположение ко мне. Мы казались ей симпатичными, но странными, она даже сразу об этом сказала:

— Вы все такие необычные, с этими вашими дреда ми! И такие тихие-спокойные!

А мне показалось, что это она спокойная. Она была очень хорошенькая, светлая мулатка с примесью индейской крови, очень любезная и предупредительная. Посещая их дом, я стала замечать то, чего раньше видеть мне не приходилось. У Маргарет существовали проблемы, которые я себе даже представить не могла. Я думала — ну и ну, как американки это выдерживают? Бывали случаи, когда Джонни веселился с девицами-фанатками в одной комнате, а Маргарет вела деловые разговоры в другой, соседней! Позже я сказала Бобу:

— Так живут женатые люди в Америке? Это Вавилон, Боб! Ты видишь, что они вытворяют?

Я была по-настоящему шокирована и поклялась никогда не опускаться до такой жизни. У меня возникли большие сомнения по поводу всего предприятия, и я начала беспокоиться о том, во что же мы, собственно, ввязываемся. Меня привлекали переход на новый уровень и, конечно, доллары, но я чувствовала, что нам, растафарианцам, нужно быть осторожнее в такого рода контактах.

Однажды нам устроили фотосессию, и, когда я приехала, Маргарет заявила:

— Нет-нет, Рита, мы хотели бы видеть тебя другой. Ты слишком молода и красива, нужно приодеться, открыть твои сильные ноги!

Она дала мне одно из своих платьев-мини, и, к моему собственному удивлению, я пришла в полный восторг! Прическа у меня тогда была короткое «афро», Маргарет дала мне серьги,

подходящие к платью, поставила меня перед зеркалом и сказала:

— Гляди! Это ты! Смотри, какая красавица!

И я посмотрела. Такой я себя не видела давным-давно, может быть, лет с семнадцати или восемнадцати, — с тех пор я стала настоящей растаманкой. И тогда я успокоилась, потому что поняла: некая часть меня не изменится, что бы я ни надевала. Потому что я по-прежнему чувствовала, что я — раста. И это помогло мне по достоинству оценить поддержку Маргарет, то, как она подбадривала меня, старалась мне напомнить, что я не уродина, всегда была внимательна ко мне. Когда ей казалось, что я устала, она говорила:

— Пойди-ка приляг в моей комнате. Невозможно во всем поспевать за парнями, Рита, ты же беременна!

Потому что «парни» бренчали на гитарах с шести вечера до шести утра. И я думала: «Вот это да, работа в полный рост!» — и удивлялась, как им это удается. Иногда Дэнни Симс раздавал так называемые «витамины». Я и не догадывалась тогда, что это были стимуляторы, мы узнали об этом позже. А тогда он нам ничего не сказал — каков подлец, это ведь так опасно! Он мог убить моего ребенка!

Этот ребенок, мой третий, родился дома в Тренчтауне, в нашей маленькой комнатке в пристройке у тетушки. Мы решили на этот раз не обращаться в больницу, а сэкономить деньги, пригласив местную акушерку, потому что я была уже достаточно опытна — все-таки не первые роды. Не помню, где был Боб, когда у меня начались схватки, но где-то рядом. Тетушка, поскольку заранее готовила Боба к этому событию, послала кого-то за ним, а мне велела:

— Покажи ему свою боль. С этим ребенком он тебе будет помогать. Пусть увидит, как это тяжело!

Когда Боб появился на пороге, она спросила:

— Ну что, Робби, ты морально готов?

И он ответил, очень определенно:

— Да!

— Ладно, тогда можешь помочь, — распорядилась тетушка. — Дай-ка мне чего-нибудь выпить.

Он налил ей «Винкарниса», себе пива, а мне тимьяно вого чаю, и они позвали акушерку. Конечно, никакой анестезии не было и в помине, я ахала и охала от боли, пока не пришла акушерка и не объявила:

— Она готова!

Тут тетушка велела Бобу:

— Пойди вырой яму во дворе, туда мы закопаем послед. И

принеси воды и старых газет. Давай-давай, пошевеливайся, она же мучается!

Бедный Боб — он был такой бледный! Казалось, это он собирается рожать! Но мы поглядывали друг на друга в поисках поддержки, и в конечном счете он прилично помог с родами. А когда увидел, что родился мальчик, стал буквально сам не свой от восторга! Он выскочил из дома к друзьям, я услышала шум, а когда Боб вернулся, то улыбался не переставая. Он был так горд — всю ночь мы слышали, как он кричит друзьям:

— У меня сын, мужики, родился сын! Мальчик! Мальчик!

Когда тетушка с акушеркой и помощниками прибрали в доме и все разошлись, он стал упрашивать тетушку:

— Можно мне сегодня спать вместе с Ритой и ребенком? Ничего страшного не случится?

Тетушка к тому моменту была им довольна, потому что он действительно помог, к тому же ее тронуло его возбуждение.

— Конечно, — разрешила она, но потом добавила: — Только если ты не грязный.

Я сказала:

— Ну тетушка, ты же знаешь, что Боб не грязнуля.

— Точно, — сказал он, — но раз это важно, я пойду помоюсь. — И он пошел принимать душ.

Потом Боб вернулся, и мы вместе решили дать мальчику имя Дэвид — в честь царя Давида, разумеется. Но вскоре к мальчику прилепилось прозвище «Зигги» — такое прозвище было раньше у самого Боба, и так он начал звать сына три дня спустя, утверждая, что у ребенка «футбольные ноги». У них в компании этим словечком назывался хитрый маневр, с помощью которого игрок может любого обойти на поле.

К тому времени как началась наша работа с «JAD», Банни находился в заключении за курение марихуаны, поэтому на большинстве демо-записей того периода есть только Боб и я, и иногда Питер Тош. Когда мы наконец подписали контракт, я просиживала в студии часами. Мы работали на Ямайке до тех пор, пока «JAD» не сделала нам паспорта и визы для въезда в США. Мы купили себе и детям билеты в Уилмингтон, Делавэр, где собирались остановиться у матери Боба и ее семьи, а затем отправиться в Нью-Йорк. Для детей это была мечта — впервые увидеть бабушку и ее мужа Эдди Букера, и тетю Перл, и дядю Ричарда, и дядю Энтони. Увидеть семью Боба и пойти в школу в Америке! (В то время Седелла Букер содержала ясли и центр по присмотру за детьми, и моих малышей было задумано отдать туда же, чтобы я могла работать.) Так что планы у нас были

грандиозные — новые впечатления для нас с детьми, наше первое путешествие в Америку.

Но потом мы задумались, как все это на самом деле получится, и получится ли вообще. Правильное ли это решение — собрать вещи и уехать? Моя позиция — и я не раз это говорила — состояла в том, что переезд пойдет нам на пользу. Невозможно оставаться на Ямайке с тремя детьми и без будущего в музыкальном бизнесе. Наша нищета уже переходила всякие границы.

Во время перелета в Делавэр Боб показал себя хорошим отцом, помогал менять пеленки, приносил мне бутылочки для кормления, следил за всем. Не знаю, что я без него делала бы, как справилась бы в одиночку с тремя детьми мал-мала меньше! После посадки и прохождения таможни (еще одно мучение для многодетной семьи) мы сели отдохнуть в зале ожидания, пока нас не встретят. Очень скоро Зигги, тогда еще грудной младенец, захотел есть. Естественно, я стала его кормить грудью. Боб куда-то отходил и как раз возвращался, когда обнаружил меня за этим занятием — и буквально вышел из себя!

— Что ты делаешь! — закричал он. — Скорее прикройся, в Америке так не делают!

Теперь настала моя очередь рассердиться. Я возмутилась:

— Да ты что, с ума сошел?!

— Как ты вообще до такого додумалась? — продолжал сокрушаться Боб. — Знаешь, если бы моя мать застала тебя в таком виде, она бы никогда… В Америке нельзя кормить детей у всех на виду, нужно отойти в сторонку или, может быть, в туалет.

Я не верила своим ушам. Это звучало абсурдно — кормить ребенка в туалете! Я сказала:

— Слушай, Боб, ничего страшного не случилось. Мой ребенок проголодался, а уж если мой ребенок хочет есть, я его накормлю в любом месте!

Через несколько лет женщинам в США пришлось устраивать манифестации, чтобы добиться права кормить детей грудью прилюдно.

Когда приехали Седелла и Эдди Букер, они были поражены, что мы справились — с детьми, вещами и всем остальным. Мало того: кроме наших вещей я привезла всевозможных ямайских продуктов, по которым, я знала, миссис Букер очень соскучилась, — жареных плодов хлебного дерева, манго, аки, всего-всего. Она только повторяла:

— Как тебе удалось? Как ты умудрилась?

Она еще больше была потрясена, когда получше ко мне присмотрелась, потому что, по ее словам, я была как две капли

воды похожа на нее в молодости. Позже, когда мы оказывались рядом, люди спрашивали:

— Так кто же твой ребенок, Рита или Неста? — Как и все семейство Боба, мать называла его Неста.

Тогда я начала догадываться, почему он меня полюбил. Возможно, он на самом деле искал замену матери, которая оставила его и уехала в Америку. И когда он увидел меня, настолько похожую на нее и такую же целеустремленную, как он сам, он, наверное, подумал: «Вот то, что мне нужно, это моя девушка».

Это была любимая песня Боба, когда он старался привлечь мое внимание: «Девушка моя, девушка моя. / Она была девушкой моей…» Он часто пел ее мне, и я понимала, что у него кое-что на уме. Как у любой молодой пары, у нас были свои маленькие тайные способы сообщения. Единственное отличие заключалось в том, что музыка давала нам всё. Музыка была для нас и мерой вещей, и даром. Но мы ничего не ждали от нее, у нас не было грандиозных планов или фантазий о том, как мы станем богатыми и знаменитыми. Нас не манила жизнь суперзвезд, мы просто пытались утвердиться и стать независимыми единственным доступным нам способом.

После короткого пребывания в Уилмингтоне мы оставили детей Эдди и матушке (как я потом стала называть Седеллу Букер) и сели на поезд, идущий в Нью-Йорк. Должна признаться, я была напугана. Когда мы сошли с поезда в Нью-Йорке и направились на квартиру Маргарет и Джонни Нэша, где должны были остановиться, я буквально боялась идти по улице. Я повторяла:

— Не нравятся мне эти дома, они будто вот-вот рухнут нам на голову! Они слишком высокие! Я не хочу их видеть — это Вавилон, и он падет!

Но все мне говорили: не дрейфь, все обойдется. Но даже после того, как я перешагнула через свой страх, впечатление было настолько сильным, что я не верила своим глазам. Это была Америка. Все казалось идеальным — тротуары, витрины магазинов, одежда, которую здесь носили люди. Даже гостевая комната у Джонни и Маргарет — в ту первую ночь мы с Бобом занялись любовью, но побоялись запачкать кровать и предпочли кухонный стол!

Еще на Ямайке, когда Маргарет узнала, что мы приедем в Нью-Йорк, она очень обрадовалась этой перспективе. «Я тебя приодену как следует!» — пообещала она. Когда мы добрались, покупка одежда оказалась необходимой, потому что стояла зима,

а я была недостаточно тепло одета. Даже если бы я знала, чего ожидать, я не смогла бы себе позволить такую одежду. Так что на следующий день Маргарет повела меня по магазинам. Мы отправились в «верхнюю» часть города — помнится, она специально мне об этом сказала.

По дороге туда я внимательно смотрела по сторонам. К моему удивлению, я замечала все больше людей, похожих на меня, черных. И до меня стало потихоньку доходить, что я многого не знаю об Америке. Она совсем не походила на то, что мы видели в кино, но это тоже была Америка. Я даже видела нищих на улице, да и бездомные нам встречались. В Америке! Я-то думала, что такое может быть только в Тренчтауне. Наверное, Маргарет повела меня туда не только за покупками, но и по другим причинам — в частности, чтобы показать мне, что из одного гетто я попала в другое (пусть даже мне там нравилось).

В течение полудня она одела меня с ног до головы, включая пальто, чулки и обувь. Потом она отвела меня еще куда-то, где меня научили краситься и привели в порядок мою прическу. Потом мы вернулись в квартиру, и Маргарет занималась со мной еще некоторое время. Думаю, ею владело такое же возбуждение, как и мной, потому что, помнится, она сказала:

— Сейчас мы им покажем класс!

Когда мы пришли в студию, Боб был поражен.

— Эй, Маргарет! — сказал он строго. — Что ты сделала с Ритой?

Я не только была одета по-другому, но даже брови подкрасила, чего никогда прежде не делала (да и после тоже очень редко).

Так что у меня был новый внешний вид — и, несмотря на трех детей, я удостоилась нового интереса со стороны мистера Марли. Позже, когда мы остались одни, он долго и внимательно меня разглядывал и наконец сказал:

— С ума сойти, у тебя просто новое лицо!

Прошло много лет, но я по-прежнему благодарна Маргарет за это лицо.

В прежние времена, когда я была девчонкой, все истории в журналах, которые я читала, говорили мне об одном: когда выходишь замуж, это раз и навсегда. Несмотря на то, что мои мать с отцом разошлись, тетушка развелась с мистером Бриттоном, да и Седеллу Букер тоже не миновали трудности, я была совершенно уверена — может быть, потому, что была еще молодая и зеленая, — что наш брак с Бобом будет крепким. Конечно, мы иногда ругались, обычно когда он начинал

флиртовать с другими женщинами. Иногда, просто чтобы его попугать, я говорила: «Думаю, мне лучше пожить отдельно и подальше от тебя». (На этом месте я начинала плакать.)

Когда мы оказались в Нью-Йорке, в наши отношения добавился новый элемент: звукозаписывающая компания рекомендовала, чтобы фэны не знали о нашем браке. Как можно одновременно быть верным мужем и продавать пластинки? Я об этом не знала, пока не прочитала в газете. Боб давал интервью, и ему задали вопрос:

— Боб, мы слышали, что ты женат, — правда ли, что вы с Ритой муж и жена?

Ответ был:

— Нет, она моя сестра!

Я дождалась момента, когда мы остались наедине, и спросила его об этом интервью. В тот вечер мы сидели в гостиной и смотрели на огни Нью-Йорка. Газета лежала на столе. Я сунула ее ему в руки.

— Да, я уже видел, — отмахнулся он. Похоже, его это нисколько не занимало, а может быть, он думал о чем-то другом.

— И что это все означает? Почему ты говоришь журналистам, что мы не женаты?

— Это шоу-бизнес, — пожал он плечами. — И потом, зачем выставлять напоказ наши отношения? Ты моя и только моя!

Должно быть, у меня на лице не отразилось немедленного и полного удовлетворения, потому что Боб поднялся и взял меня за руку.

— Слушай, — сказал он, — не горячись, все по кайфу. — Это было его любимое выражение, «по кайфу».

— Потому что… Вот смотри, — продолжал он, — хочу тебе кое-что показать.

Он привлек меня к себе, так что мы оказались близко-близко друг к другу, на расстоянии поцелуя. Мы любили целоваться, это было одним из самых наших главных занятий! Так что я сказала себе: «Ой-ой, сейчас он меня поцелует, вот сейчас… сейчас…»

Но на этот раз он начал чертить на своей ладони что-то вроде круга.

— Смотри, Рита, — сказал он, — вот это как будто жизнь, где мы должны ездить в разные места, встречаться со всякими людьми. А внутри этого круга — там мы с тобой, ты и я. И вот эта линия вокруг нас — ее никто не сможет разомкнуть и войти сюда, здесь мы под защитой, ты, я и дети, все, кто нам дорог, находятся внутри этого круга. И все, что случается снаружи, не имеет настоящего значения и не может попасть внутрь. Так что не изводи себя, ты в безопасности, ты моя радость, моя жена, моя

жизнь.

С тех пор я чувствовала себя спокойно и уверенно, я была как бы на особом положении. Только Боб мог так искренне выразить себя. Вдобавок он умел видеть, когда мне нужна уверенность, и дать ее мне. Поэтому я научилась не обращать внимания на то, что случалось вокруг, говорить себе, что это не имеет значения. И по мере того как Боб становился широко известен, я воспринимала себя его ангелом-хранителем — другом, партнером, а не владелицей; чувствовала большую ответственность, чем просто жена. Это отношение позже помогло мне пройти через трудные времена, когда история с «сестрой» зашла дальше, чем мне хотелось бы. Но и про себя я не забывала. Когда меня донимали расспросами:

— Боб говорит, что ты его сестра — это правда? — Я отвечала:

— Да, я его сестра. Лучше быть хорошей сестрой, чем затюканной женой.

Одним из неожиданных результатов нашей работы с «JAD» была поездка Боба в Европу, во время которой он чисто случайно повстречал моего отца. Дэнни Симс повез Боба в Стокгольм записать музыку к фильму «Want So Much to Believe» (в котором, так уж вышло, ни одна из песен Боба так и не была использована). Боб терпеть не мог холода, но добровольно переселился в холодный подвал дома, где остановился Джонни Нэш с командой, чтобы не втягиваться в их стиль жизни — наркотики, девки, все то, что Боб отвергал. Позже он рассказал мне, что едва не замерз там насмерть — и сказал себе: «Если я умру, то лучше уж здесь в подвале, чем там наверху, где они едят свинину и занимаются прочими непотребствами». Бедный Боб, ему там приходилось туго: ни друзей, ни кого-нибудь, с кем можно просто поговорить. Есть запись, сделанная в том доме, где он поет один под акустическую гитару — я так и слышу его одиночество в этих песнях, особенно в «Stir It Up».

Думаю, отчасти поэтому встреча с моим отцом показалась ему таким чудом. По-моему, они оба так это восприняли (папа годы спустя без конца пересказывал эту историю). В то время папа работал в Стокгольме таксистом и играл на саксофоне. Однажды вечером кто-то из его друзей, зная, откуда он родом, сказал:

— Тут один парень приехал с Ямайки, звать Бобом Марли. Живет где-то в городе, с этим американцем, Джонни Нэшем.

Папа был поражен:

— Чего? Боб Мар-ли? Боб Марли! Да ведь это имя мне

знакомо! Думаю, муж моей дочери как раз Марли! Хочу на него посмотреть!

Каким-то образом он связался с человеком, который готовил еду для Джонни Нэша, и попросил:

— Дай мне повидать этого Марли, мужик. Скажи ему, что отец Риты придет.

Когда он прибыл, Боб поднялся из своего подвала, и папа сказал ему:

— Рита моя дочь. Ты женат на моей дочери!

Боб говорил, что в этот момент его как будто выпустили на волю из тюрьмы, из заключения, которое он отбывал в холодном стокгольмском подземелье! В письме он писал: «Представь себе, я познакомился с твоим отцом, и он учит меня играть на гитаре!» Боб с трудом мог поверить, что такая встреча возможна — и притом чисто случайно. С тех пор папа заходил за ним по вечерам, и они отправлялись куда-нибудь поесть или покурить, и их дружба постепенно крепла. Именно мой отец научил Боба некоторым приемам игры на классической гитаре, приемам, которые он сам узнал в эмиграции. Это в дальнейшем помогло Бобу писать более развитую музыку и экспериментировать с интересными аккордами. Я помню, получив это письмо, была просто счастлива! Я написала Бобу: «Я тут страдаю и беспокоюсь за тебя, а ты, оказывается, тем временем тусуешься с моим папочкой!»

Во время работы с «JAD» я перестала быть менеджером по продажам и осталась только певицей, хотя нас с Бобом и кормили завтраками насчет контрактов. Но потом мы стали встречаться с юристами и бухгалтерами, да и я не могла совмещать запись в студии и торговлю пластинками. Довольно скоро мы обнаружили, что «JAD» использует нашу музыку для себя — «Stir It Up» была у них большим хитом, как и «Guava Jelly», которую исполняла также Барбара Стрейзанд. «JAD» эксплуатировала способности Боба как автора песен, но они хотели сделать звезду из Джонни Нэша, а не из Боба Марли. А Боб Марли хотел быть сам собой, человеком, которым он себя видел. Мы получали только минимальные роялти, потому что компания все устроила так, что ей принадлежали права на публикацию, копирайт и все остальное.

Незадолго до того, как сотрудничество с «JAD» окончательно развалилось, Боб застрял в Лондоне с Питером и Банни. После стокгольмской поездки Джонни Нэш вызвал остальных членов «The Wailers», потому что у него возникла идея подраскрутить их, устроив тур по Англии. Они сыграли несколько концертов, но

ничего выдающегося не получилось, и однажды утром они проснулись в квартире без горячей воды и обнаружили, что их бросили: Нэш и Симс уехали во Флориду. Бобу в результате этого тура удалось завязать знакомства, которые помогли ему позже, но на тот момент вся польза от этих знакомств заключалась в том, что ребята смогли добыть деньги на билеты домой.

Из материала, записанного для «JAD», практически ни одна песня не увидела свет при жизни Боба, но после его смерти хлынул поток этих записей. Мы были так неопытны, нам не хватало подготовки и грамотных советчиков, нас обвели вокруг пальца. Но в то время мы считали, что опыт с «JAD» был нам полезен.

Потом контракт закончился, и мы не знали, удастся ли заключить новый или же придется опять ждать и затягивать пояса, пока мир соблаговолит обратить на нас внимание. Когда же фортуна все-таки повернулась к нам лицом, мир встретил Роберта Несту Марли с распростертыми объятьями. Вышло так, что я пела с ним в его лучшие, наиболее успешные годы. Не говоря уже о наших личных отношениях, работать с ним было всегда интересно. Все, кто с ним работал, со мной согласятся. Как сказал один друг, Боб «уникум, подлинный пророк, посланный нам… Не было нужды дожидаться его смерти, чтобы осыпать его цветами».

Глава шестая
«A TIME TO TURN»
(Время перемен)

Я не люблю вспоминать лето 1971 года, это было очень противное время.

Естественно, я радовалась тому, что Боб вернулся домой; без него я чувствовала себя одиноко и не находила места. Тогда нельзя было, как сейчас, просто снять трубку и позвонить, приходилось стоять у калитки и ждать почтальона (хотя с тремя детьми на шее не очень-то постоишь). Тем не менее, когда я не крутилась как белка в колесе, я снова и снова задавала себе тот же вопрос: «И это все, на что я способна? Это все, что будет у меня в жизни? Какое будущее я уготовила себе и своим детям?»

Как только Боб вернулся, «The Wailers» сразу же отправились в студию Коксона — записываться. Я тогда не пела на бэк-вокале для них, поэтому никаких доходов мне их запись не приносила, одно только беспокойство. Боб тоже не зарабатывал ничего, хотя и трудился активно над проектом, на который очень рассчитывал. Мы получали мизерные чеки от «JAD» и умудрились даже скопить на маленький подержанный автомобиль, но с музыкой ничего не выходило. Наши пластинки не крутили ни в Штатах, ни на Ямайке. И разумеется, мы снова жили у тетушки. Это вызывало у меня стойкое ощущение, что я навсегда останусь маленькой и зависимой. Мои детки теперь пользовались табуреточкой, которую папа сделал для меня.

В довершение всего я забеременела. В тот день, когда я это обнаружила, я пошла в угол двора, где в малолетстве успокаивалась после тетушкиных шлепков, и села на свою табуреточку. Я впитывала последние спокойные мгновения и пыталась сообразить, что делать дальше. Жизнь лежала передо мной в руинах. Я не представляла, как моя беременность повлияет на наше будущее. Как истинная растафарианка, я не пользовалась контрацептивами и не признавала абортов — мы считаем, что они нацелены на истребление черной расы.

Я тянула как можно дольше, прежде чем сообщить остальным о своем положении. Про себя я думала, что жду затем, чтобы окончательно убедиться, но это был самообман. Тетушкина реакция была предсказуема. Она встала, руки в боки и воздев очи горе, и запричитала:

— Боже, опять?! Только не еще один ребенок! Я знала, что это

случится, но нельзя же продолжать в таком духе бесконечно, ты должна сказать «стоп», должна найти место, где смогут жить все твои дети! Здесь больше нет места! Это безумие! И откуда ты возьмешь деньги? Что ты делаешь со своей жизнью? Куда ты денешь такое количество детей — все и так теснятся в одной комнатушке. Дети не могут так жить, каждый должен расти в своей комнате. Нельзя их набивать в одну комнату, как сельдей в бочку!

Я знала, что все тетушкины слова — правда, и ее монолог действительно меня пронял. Впервые я поняла, насколько непосильным бременем является для нее наша ситуация, наша полная зависимость. Боб отнесся к сообщению с большим сочувствием, но его голова была занята карьерой. В тот вечер мы все обсудили, и я спросила, нельзя ли мне позвонить его матери и поехать на время в Штаты, пока он разбирается с трудностями с «JAD». А потом, может быть, и он приехал бы вслед за мной.

Он согласился, что позвонить стоит, и я решила, что даже если я не поеду в Америку, то все равно куда-нибудь уеду. Мне надо было убраться подальше с тетушкиных глаз. Я не хотела, чтобы она снова видела, как растет мой живот. На самом деле мы с Бобом постоянно искали жилье, но нас отфутболивали раз за разом — из-за детей. Так что, чем дольше я думала, тем больше Делавэр казался мне хорошим выходом. Я пообещала Бобу, что устроюсь там на работу.

— Не знаю, на какую, но я что-нибудь найду, — сказала я. — Пойду медсестрой или домработницей, кем придется, а ты оставайся, и я буду посылать вам с детьми деньги, сколько смогу.

Я связалась с матушкой Букер, и та сказала: да, можно приехать и жить у нее, пока Боб не приедет тоже (этот план ей очень понравился). Я объяснила ей, что собираюсь устроиться работать медсестрой. Не хотелось оставлять Шэрон и Седеллу, но они обе уже ходили в школу. К тому же не имело смысла приезжать сразу со всей оравой, поэтому я взяла только Зигги, а тетушка согласилась позаботиться о девочках. Покидать их было тяжело, но в Делавэре не было для них места. В особенно плохие дни мне казалось, что для нас нигде нет места.

Когда я приехала в Уилмингтон, стояла зима. Я сразу нашла место в госпитале в качестве помощницы медсестры, но такая низкооплачиваемая работа не покрывала моих расходов — я должна была платить Букерам за постой, матушка брала с меня деньги за то, что сидела с Зигги, да еще я пыталась отложить хоть сколько-то и послать Бобу и тетушке. Каждый день я мечтала о том, чтобы Боб поскорее развязался с делами и приехал, потому

что без него жизнь была мне не мила.

Муж матушки, Эдди Букер, был славным человеком, и очень внимательным к своей Сидди — я с удовольствием наблюдала за их нежным отношением друг к другу. Он был ее намного старше, и когда она звала его — «Эдди!», — он всегда улыбался. Мы произвели на него впечатление в период сотрудничества с Джонни Нэшем, когда Эдди узнал, что мы действительно работаем с американцами. Ему это представлялось большим достижением, он говорил с гордостью: «Они подписали контракт с этим американцем из Нью-Йорка!» или «Сын Сидди певец, и его жена певица!» И он действительно принял то, что Боб делал в музыке. Эдди даже отремонтировал подвал, чтобы мы могли там уединяться, — он знал, что мы курим, а Букеры не любили дым в квартире.

Когда я жила там одна с Зигги, Эдди каждый вечер брал нас покататься, что меня немало впечатлило и тронуло. Перл, старшей сестре, была тогда около тринадцати, а Ричард и Энтони были помладше на несколько лет. Каждый вечер Эдди отхлебывал кока-колы, закуривал сигарету и говорил:

— Ну что, Сидди, куда поедем сегодня?

Мы всегда ездили далеко, пару часов в одну сторону, и на обратном пути детей уже клонило в сон. Меня эти поездки успокаивали и приносили мне большое удовольствие. Я радовалась тому, что Зигги играет со старшими ребятами и ему нравятся эти настоящие семейные прогулки. Еще в Уилмингтоне жила двоюродная сестра Боба, Дотти, с которой я познакомилась в Сент-Энн, она тоже относилась ко мне очень хорошо.

Но вскоре параллельно с работой в качестве медсестры мне пришлось наниматься домработницей. Я перепробовала несколько мест и наконец устроилась нянеч кой-домработницей у очень пожилой женщины. Состоятельные дети бросили ее одну. Может быть, они больше не могли ее терпеть, а может быть, она сама предпочитала одиночество, но выглядела она очень несчастной. Зато у нее был особняк, где мы и жили — вдвоем, она и я.

Работать на миссис Каррингтон было непросто, и даже страшновато. Несмотря на преклонный возраст, она умела нагнать страху. Да и район, где жили сплошь богатые белые люди, был не для робких. Я чувствовала себя очень неловко в роли прислуги. Если я иногда куда-нибудь звонила, то потом мне приходилось выслушивать упреки миссис Каррингтон, когда она просматривала телефонные счета: «Так, а это чей звонок? Чертова прислуга!» Старуха разглядывала свое серебро в лупу, чтобы убедиться, что я все как следует почистила, да еще и

пересчитывала — не украла ли я чего.

После утреннего кофе с тостом или иногда яичницы миссис Каррингтон не притрагивалась к еде до двух-трех часов дня, когда выбирала меню для ужина. Она считала абсолютно все — каждый ломтик хлеба (можно было взять только один), каждое яйцо. Все продукты она отмеряла ложкой и никогда мерной чашкой. На нас двоих полагалось от двух до пяти ложек какого-нибудь блюда или один кусочек баранины и одна картофелина — на двоих, и это за целый день! Поэтому часто по ночам, уложив ее спать, я пробиралась на кухню и таскала еду — яйцо или кусок мяса, картошку или даже хлеб. Потому что мне всегда хотелось есть — и не только из-за беременности, хотя и это тоже влияло. Сейчас, вспоминая тот период, я думаю — ну и жизнь у меня там была…

Но еще больше голода и стыда из-за необходимости воровать еду меня мучило одиночество. Моя комната находилась в мансарде, и делать там было особенно нечего. Я скучала по дому, и не только по Бобу и моим девочкам, но по самой Ямайке, по ее солнцу и музыке. Я скучала даже по Зигги, с которым виделась только по выходным. Иногда я засыпала в слезах, а пару раз, клянусь, слышала, как в этом холодном пустом доме бродят привидения. Тишина сводила меня с ума. Но я все вытерпела, а миссис Каррингтон, как мне сказали, даже предложила «выкупить» меня у иммиграционной службы — если бы я осталась у нее работать. Так что, видимо, из меня вышла неплохая прислуга.

Я продолжала ждать, пока Боб приедет в Делавэр, но тут на его имя пришла повестка от правительства США. Как раз шла Вьетнамская война, и, поскольку он подал бумаги на гражданство, его намеревались призвать на военную службу. В повестке между строк читалось: «Вот ты и попался». Реакция Боба была соответственной: «Попробуй поймай». Поэтому разговоры о его приезде прекратились. В то же время музыку он не бросал, каждый день сочинял песни, как водится, о своей жизни — например, «Talking Blues», «My Woman Is Gone» или «Baby Come on Home» («О печали», «Моя женщина ушла», «Детка, вернись домой»).

Запертая в стенах мансарды миссис Каррингтон, без всяких перспектив, я предавалась размышлениям. Мое сердце противилось мысли, что я навсегда застряла в этой ситуации. Я убедила себя, что стараюсь ради собственной независимости, поэтому перемены рано или поздно наступят. Иногда — как раз в тот момент, когда я больше всего в этом нуждалась, — звонил Боб и подбадривал меня:

— Все по кайфу, скоро все переменится — или ты вернешься на Ямайку, или еще как-нибудь выкрутимся. Только не изводись понапрасну!

Ощутимую повседневную поддержку мне давал Эдди Букер. Перед моим выходным он звонил и говорил:

— Рита, я приеду заберу тебя. — И отвозил меня домой.

Как я была рада видеть моего малыша Зигги! Но однажды в снежную погоду я вернулась домой и обнаружила, что мальчишки, с которыми Зигги играл в парке через улицу, набросали ему снега под курточку. У ребенка началась пневмония, пришлось срочно везти его в госпиталь, но дело дошло до коллапса легкого. Я так плакала, чуть не умерла, только повторяла:

— Нет-нет-нет, я больше никогда не оставлю моего Зигги, они его убьют.

Мне казалось, что жизнь утекает сквозь пальцы, поэтому я решила поскорее вернуться обратно. Будь тетушка рядом, такое никогда не случилось бы. Я позвонила Бобу и сказала, что возвращаюсь. Он ответил:

— Нет смысла ехать домой, незачем, на Ямайке ждать нечего.

Я очень разозлилась! Куда же подевалось «все по кайфу, скоро все будет хорошо»! Я знала, что если не уехать сейчас же, то придется рожать ребенка в Делавэре — я была уже на подходе и тянуть с перелетом было рискованно. И еще я почувствовала неуверенность в Бобе, которой раньше не было и в помине. Я ощутила, что мы расходимся, разрыв между нами увеличивается на глазах. В чем дело, что происходит? В трубку я сказала:

— Раз ты не едешь в Америку, сразу после родов я приеду домой. Точка.

До самого рождения ребенка я работала, иначе было нельзя. Если бы потом кто-нибудь попрекнул меня, что ребенок слишком много ест, мне было бы нечего ответить. Я зарабатывала, платила за то, за се, угощала всех пивом, все пили и радовались. Но жить с Седеллой Букер было непросто. Вскоре после пневмонии Зигги я ушла от миссис Каррингтон, чтобы днем работать в госпитале, и поэтому по вечерам мне приходилось ухаживать за матушкой — купать ее, смазывать маслом волосы. Она считала это моей «повинностью» как невестки. Мы сидели перед телевизором, болтали; я проводила не один час, всячески ублажая и развлекая ее. Но время это проходило для меня не напрасно. Я многому научилась у матушки, поэтому мне было нетрудно мыть за ней ванну и делать другую работу, которая нынешним невесткам показалась бы зазорной. Ночами я частенько отскребала и начищала воском пол на кухне, чтобы утром он блистал, когда

матушка пойдет делать кофе для Эдди и сандвичи, которые ее мальчики возьмут в школу.

Иногда мне удавалось поговорить с Шэрон и Седеллой, если тетушка брала их с собой на почту, когда ходила звонить в Делавэр. Я слушала, как они тоненькими голосками спрашивают, скоро ли я вернусь домой, и слезы у меня текли ручьем. По вечерам я выскальзывала из дома выкурить небольшой косячок перед сном, иначе и засыпала я тоже в слезах. Не знаю, как я продержалась последние несколько месяцев. Наверное, все-таки у меня оставались какие-то силы, хотя чувствовала я себя ужасно слабой.

Единственной отдушиной были для меня редкие поездки в Бруклин, где жил мой отец с Альмой Джонс. В первый раз, когда стало невмоготу и я почувствовала, что мне просто необходимо куда-то убежать, я позвонила папе, и он сказал:

— Просто садись в поезд и приезжай.

Как будто это так легко! Хоть я и ездила на поезде прежде, когда мы работали с «JAD», сейчас я побаивалась, с моим-то пузом и маленьким Зигги впридачу. Но Эдди Букер, добрая душа, отвез меня на станцию, купил билет и проводил. Он убедился, что я села в нужный поезд, и предупредил:

— Не выходи, пока не услышишь «Нью-Йорк, Нью-Йорк»!

Поездка длилась как минимум пять часов, Зигги обычно засыпал, я могла расслабиться, уставиться в окно и думать о своем. Седелла Букер не признавала растафарианства, хотя с тех пор она изменила свои взгляды. Но тогда между нами происходили постоянные баталии по этому поводу, помимо того, что я «здесь, чтобы убирать в доме и мыть кухню». Иногда в Нью-Йорке мне удавалось получить деньжат у двоюродного брата, Кеннета, с которым какое-то время жил Дрим. В другие разы я просто сидела на телефоне и рыдала в трубку папе или мисс Альме: «Мы снова разругались» или «Миссис Букер опять на меня гавкает». А они звали меня к себе на выходные.

Сейчас, когда я вижу таких же молодых женщин, которые, видимо, живут подобным образом, я вспоминаю, как тогда себя чувствовала. Как я сходила с поезда и топала на метро, беременная, с маленьким Зигги, посреди зимы. Усталая и потерянная, но в то же время полная решимости. Наконец я находила нужную дверь и звонила. Голос из-за двери спрашивал:

— Кто там?

Я отвечала:

— Это Рита!

И мисс Альма вскрикивала от радости и бежала восемь пролетов по лестнице, чтобы впустить нас, причитая:

— Бедное дитя, приехала в такой холод!

Она поднимала шум и суетилась вокруг нас, а затем следовали сладкий рис и бычий хвост с горошком, любимое блюдо папы. Удивительным образом я начала лучше понимать отца. Меня поражало огромное количество подработок, за которые он брался, чтобы оставаться музыкантом и при этом держаться на плаву — в Лондоне, Стокгольме, а теперь и в Бруклине. В тот момент их с мисс Альмой дети, Джордж и Маргарет, а также Кингсли, приемный сын папы, жили в Англии с сестрой мисс Альмы. И я поняла, что зря злилась на него, когда он уехал от нас с тетушкой: он просто пытался поддержать семью, пусть даже ему это никогда толком не удавалось.

Когда я убегала в Нью-Йорк и потом возвращалась, всегда следовал скандал. Матушка возмущалась:

— Зачем ты ездила к отцу, какие-такие новости ты хотела ему рассказать?

Я чувствовала себя увязшей в таком же болоте, как Боб на Ямайке с Джонни Нэшем. Но нельзя винить Боба в тогдашних неудачах. Думаю, мы были слишком молоды и неопытны, чтобы морально поддерживать друг друга, сказать: да, это жизнь, она полна неожиданностей. Нам повезло, что у нас есть семьи, которые нас терпят и помогают в трудный час.

Наш второй сын, Стивен, родился в апреле. Я сразу же пошла работать в госпиталь, чтобы откладывать деньги, пока ему не исполнится месяцев пять, хотя мне, конечно, хотелось уехать немедленно. Но однажды вечером, после какого-то случая, которого я уже не помню, я вошла в свою комнату, села на кровать, достала писчую бумагу и сидела некоторое время, соображая, что написать. Я так устала, что едва держала ручку. В доме было очень тихо. «Дорогая тетушка, — написала я. — Думаю, меня используют». Я поняла, что не просто соскучилась по дому: на самом деле я была просто не в состоянии продолжать и дальше тянуть эту лямку, работая из последних сил и не чувствуя никакой радости, беспокоясь о том, чем занят Боб и что происходит на Ямайке. Хотя Букеры и были не против меня приютить — особенно матушка, которая ради Боба хотела, чтобы я чувствовала себя частью семьи, — слишком многое меня подавляло. Америка уже сидела у меня в печенках.

Когда тетушка получила мое письмо, она встревожилась и позвонила:

— Боже, что там у вас происходит?

Букеры занервничали, матушка была недовольна, что я написала своей семье такое письмо. А вскоре я узнала, что на Ямайке дела все хуже: Боб все еще жил с тетушкой и девочками,

хотя были ночи, когда он не появлялся дома, а это был именно его «дом» — где стирали его одежду и куда он приходил поесть (когда хотел, раз меня там не было). Тетушка пребывала в еще более жалком положении, чем то, в котором я ее оставила, потому что ее надежды никоим образом не сбывались. Ей казалось, что Боб махнул на себя рукой, тусовался с «мальчишками» и бездельничал.

Боб с самого начала говорил, что собирается оставаться на Ямайке и ждать, пока сработают его лондонские связи. То есть у него была цель. Но он тоже впал в уныние, и прежде чем он добился успеха в музыке, было сделано много глупостей, не имевших к музыке никакого отношения. Я думаю, у мужчин меньше терпения, чем у женщин. Если у них что-нибудь не получается с наскока, они тут же начинают злиться на себя. Женщины обычно сначала думают, как это может повлиять на семью, на детей — иными словами, нам достается вся ответственность.

Я уехала домой, как только Стивен научился садиться. Тогда я еще не знала о двух молодых женщинах, с которыми Боб встречался, пока я была в Делавэре. Хотя одну из них я подозревала в связи с Бобом еще до отъезда — я даже ходила к ее матери и предупредила:

— Велите своей дочери держаться подальше от моего мужа!

Обе эти женщины забеременели почти в одно и то же время, их сыновья родились примерно через месяц после Стивена. Я очень рассердилась, когда узнала об этом, хотя подобные случаи не такая уж редкость на Ямайке. Но время прошло, и я полюбила обоих мальчиков как своих.

В Америке я накопила немного денег. Узнав о нынешнем положении, я поначалу решила встать на ноги самостоятельно. Хотя я и любила Боба по-прежнему, была рада его снова видеть и пока что оставалась его женой, я поняла, что не могу ему полностью доверять свою жизнь и жизнь наших детей. Надо было забыть о нем на время — хоть бы и через силу — и сосредоточиться на своих четырех детях: Шэрон, Седелле, Зигги и Стивене.

Первым делом надо было выбраться из Тренчтауна любой ценой. Это казалось мне самым важным. Я особенно переживала за Зигги, который ходил в школу в Делавэре и привык к определенному обращению — в Тренчтауне все было иначе. Мне было всего двадцать пять, но я ощущала, что достигла определенного уровня знаний и опыта и достойна уважения. В Делавэре я трудилась не покладая рук и намеревалась

использовать все, что я там обрела — не только в денежном отношении, но и в моральном. Я обязана была дать что-то моим детям, была их должницей. И если Боб не хочет нести это бремя, что поделаешь. Я чувствовала, что мне есть чем похвастаться — хотя не имела ничего, кроме горстки американских долларов, которые вот-вот кончатся.

Разумеется, тетушка сказала:

— Ты в своем уме? Что ты будешь делать? Робби не зарабатывает ни цента, и ты вернулась? Почему ты не осталась в Америке? Зачем ты приехала? Зачем ты за него держишься? — Она считала, что мы должны развестись.

Но я знала, что не растаманское это дело — разводиться. Какой пример мы покажем остальным? Поэтому, хоть мне и было больно, я сказала: нет, он все еще мой муж, и я не хочу его терять. Я спросила себя, сумею ли я продержаться. Боб любил детей не меньше меня, но из-за всех этих неприятностей он растерялся. Там, где он слаб, я должна быть сильной за него, думала я. Я должна быть сильной ради детей. Хоть я и злюсь на Боба, я должна быть сильной ради него. Мне придется взять на себя эту ношу и сохранить наши отношения, потому что мы соединены навсегда, мы семья.

Глава седьмая
«THANK YOU JAH»
(Благодарю тебя, Джа)

Те небольшие деньги, с которыми я приехала домой из Делавэра, вылетели в трубу за пару недель, потому что мне пришлось ходить по чиновникам, да еще купить дополнительную кровать и комод для детей. Казалось, будто своим возвращением я перевела часы назад. Снова мы жили впроголодь, не работали и получали мизерные роялти из «JAD». Ничто не изменилось, только прибавилось проблем.

Когда работа с «JAD» развалилась, Боб вернулся из Лондона и сказал:

— Тут один человек, Крис Блэкуэлл, приезжает на Ямайку. Вот увидишь, Рита, из этого может что-нибудь получиться, авось дело выгорит, — и так далее…

Тогда мне казалось, что все это вилами по воде писано, да я и не знала про Криса ничего; но, в любом случае, мы сидели без средств.

Сейчас Крис Блэкуэлл широко известен благодаря тому, что его компания «Island Records» смогла донести ямайскую музыку до всего остального мира. Крис вырос на Ямайке, в англо-ямайской семье. К тому времени, как Боб перешагнул порог его лондонского офиса, он продвигал карибскую музыку уже больше десяти лет. В свое время он основал на Ямайке маленький звукозаписывающий лейбл «Blue Mountain/Island» и в 1962 году, перебравшись в Лондон, начал издавать записи таких исполнителей, как Милли Смолл, Джимми Клифф и «The Skatalites». Крис даже перепечатал кое-какие из ранних записей «The Waiters» на «Coxsone», там они вышли под названием «Wailing Wailers». Собственно, это и привело наших ребят к нему, когда они застряли в Лондоне. Именно интерес Криса и его вера в «The Wailers» — и в ямайскую музыку вообще — дали возможность Бобу, Банни и Питеру вернуться домой с надеждой. Он сказал им:

— Сделайте мне альбом, и посмотрим, как пойдет.

Вскоре после моего возвращения из Делавэра, как раз когда я совсем уже было разуверилась в том, что все хотя бы когда-нибудь сдвинется с мертвой точки, Крис сделал «The Wailers» предложение. Ему говорили, что это безумство, веры таким людям нет, и что его гарантированно надуют: «Не давай им денег,

ты их никогда больше не увидишь!» Но Крис уже прежде имел дело с растафари и, кроме того, держал руку на пульсе ямайской музыки. И, думаю, у него была та же реакция на «The Wailers», что и у меня когда-то, — с первого дня знакомства я почувствовала в них что-то особенное, что отличало их от обычных хулиганов из Тренчтауна: другой класс, что ли, какой-то намек на лучшее будущее. По словам Криса, «что-то» подсказало ему, что им можно доверять, — может быть, то, как они держались. И теперь, когда они не ударили в грязь лицом, он решил дать им денег на запись в студии.

Тут-то на наши лица вернулись улыбки — контракта как такового еще не было, но он явно наклевывался. Я почувствовала некоторое облегчение, и даже с тетушкой стало легче уживаться, потому что теперь появилась возможность помогать ей деньгами. К тому же я знала, что мы скоро выберемся из ее дома.

Со своей стороны Крис приложил максимум усилий для организации подходящей обстановки для творчества. В начале 70-х он купил большой обветшалый дом по адресу Хоуп-роуд, 56, недалеко от Джамэйка-хауз, резиденции премьер-министра, и Девон-хауз, достопримечательной усадьбы, где выросла мать Криса. Это место он назвал Айленд-хауз. К дому прилегал участок земли с несколькими подсобными строениями. Все это находилось далеко не в лучшем состоянии, но жить было можно. Крис устроил так, чтобы музыканты, которых он поддерживал, могли там собираться и репетировать, и в скором времени Боб и Крис договорились, что после выхода первого альбома Боб примет на себя все это хозяйство и сможет проводить там интервью и пресс-конференции. Впоследствии Боб стал владельцем дома на Хоуп-роуд — по контракту на выпуск трех альбомов, подписанному с «The Wailers».

Когда все завертелось, Боб, разумеется, пришел в восторг.

— У нас будет свой дом! — повторял он.

Что касается меня, я была просто потрясена. В особенности тем, где этот дом находился, — для всех, кроме белых (в крайнем случае, мулатов) и толстосумов, путь в этот район был заказан. А для раста и подавно! Это был первый случай, когда растафари обосновались в этой части города. Носить дреды и одежду растаманских расцветок рядом с домом генерал-губернатора — практически короля, — такое даже трудно себе представить! В двух шагах от офиса премьер-министра! Прямо на виду!

Так что многие рты в городе пораскрывались от удивления, когда «The Wailers» вселились на Хоуп-роуд. Сам Крис обычно останавливался в другом месте, а Боб, Питер, Банни и другие ребята зависали там постоянно. К мысли переехать туда самой я

относилась без энтузиазма, хотя и была рада, что у Боба все получается. Но как-то я не чувствовала этот дом своим. Во-первых, что бы там ни прописали в контракте, участники «The Wailers» были партнерами и надо было делиться. Да и Боб ни разу мне не сказал: мол, давай, Рита, приезжай, привози детей. Меня не захватывал весь этот энтузиазм. Когда я там бывала, то видела, что дом больше напоминает коммуну, потому что там обитали не только «The Wailers», но и другие люди, и женщины в том числе, и… всякое-разное там происходило. У меня создалось ощущение, что Крис использовал Айленд-хауз в качестве наживки для Боба: вот смотри, здесь ты можешь обрести свободу, а Риту с детьми отодвинем на задний план…

Так что я сказала себе «посмотрим-посмотрим» и продолжала ждать, потому что не чувствовала нужных вибраций. Тем не менее, все это было большим достижением: «The Wailers» по-настоящему взялись за дело, много репетировали и серьезно работали — и много играли в футбол.

Затем Крис издал их первый альбом, «Catch a Fire», и это был мгновенный хит и начало всему. «The Wailers» поехали в турне по Англии, затем по Штатам и даже играли на разогреве у «Sly and The Family Stone» в Лас-Вегасе. Дома на Ямайке тоже все вдруг захотели с ними познакомиться, ведь они были теперь знаменитостями, подписавшими контракт с «Island». Об этом даже сообщила центральная ямайская газета, «Глинер»: «„The Wailers“ подписали…» и так далее. И тут же — вжик! — все вокруг стали друзьями. Настоящий прорыв!

Я смотрела на все это и думала: ну-ну… Я видела, как приходит совсем другая жизнь… и вместе с ней другие женщины. Вскоре Крис поселил на Хоуп-роуд свою бывшую любовницу (как я узнала позже) по имени Эстер Андерсон, актрису родом с Ямайки, жившую в Лондоне и только что снявшуюся в фильме у Сидни Пуатье. Она должна была работать фотографом «The Wailers», отвечать за связи с прессой и все прочее во время их следующего тура. Еще там жила Диана Джобсон, впоследствии ставшая одной из юристок Боба, сестра лучшего друга и партнера Криса Дики Джобсона (тоже жившего там), и Синди Брейкспир, у которой позже была связь с Бобом. Диана и Синди, как и большинство женщин, тусовавшихся на Хоуп-роуд, были хорошенькими мулатками из среднего класса, у которых взыграла жажда новых ощущений. Поэтому Боб для них был *тааак* интересен и *тааак* их притягивал. Они все мечтали оказаться с ним в постели, и он этому потворствовал, оставаясь там ночевать. Не хочу, однако, изображать этот период исключительно в негативном свете, ведь в то же самое время Боб работал и

создавал то, к чему у него было призвание. Это было подлинное начало: очень многое из того, что он хотел сделать в своей музыке, воплотилось в жизнь именно в то время, когда у него появился этот дом.

Жизнь на Хоуп-роуд, 56, не останавливалась ни на минуту. В любой час дня и ночи там происходили встречи, репетиции, интервью, тут же кто-нибудь делал зарядку. Кухня работала круглосуточно. Кипели супы, порой Боб или его друг Алан «Скилл» Коул, футбольная звезда, готовили арахисовый сок или еще что-нибудь. Дом на Хоуп-роуд был тем местом, где жизнь Боба развернулась, и он почувствовал ее во всей полноте. И я была счастлива за него, потому что я, как и он, выросла в бедности Сент-Энн и Тренчтауна. Трудности, через которые нам пришлось проходить поначалу, воспринимались болезненно, но все равно мне кажется, что и там была своя радость, и это было важно. Боб хоть и недолгую жизнь прожил, но смог найти в ней эту радость и делать то, что от него требовал его дух. Он не мог иначе. И я думаю, что Бог любил его тем больше за все те жертвы, которые он принес — не только ради себя, но ради того, чтобы другие жили счастливо. Я попросила его, когда он умирал, быть по правую руку от Господа, чтобы я могла его отыскать, когда придет время нам снова встретиться. И я буду рада этой встрече…

Несмотря на свои сомнения, я появлялась на Хоуп-ро уд практически каждый день, просто чтобы быть частью происходящего. Если Боб не приходил домой ночевать, на следующее утро я требовала объяснений. И он, конечно, объяснял — всегда находились какие-нибудь причины. Чаще всего он говорил:

— Была репетиция, — то есть его задержала музыка.

Тогда я говорила:

— Ну что ж, с этим я ничего не могу поделать, потому что это твоя мечта, и это то, что нас кормит, и раз уж нужны все эти репетиции… Но будь осторожнее!

Как всегда, я поддерживала Боба в том, что он делал, и не переставала верить в него. Я даже купила ему комплект мебели для спальни на Хоуп-роуд, но он не хотел там чувствовать себя по-домашнему — или не хотел, чтобы выглядело так, будто он не живет дома.

В то время он уже очень хорошо помогал семье и денег не жалел, как и прежде, когда их было мало.

— Вот, держи, это вам с детьми и тетушке, — говорил он.

И я его не пилила. Я говорила:

— О, здорово, — и молчала о том, что было у меня на сердце,

хотя дом на Хоуп-роуд превращался в ощутимую занозу. Каждый раз, как я видела, что там творилось, я думала: ой, нетушки, я сюда ни за что не перееду, у меня здесь никаких сил не хватит.

Что было еще важнее, вся эта музыка теперь появлялась на свет без моего участия. Я не пела ни для Боба, ни для кого другого. Это была заметная перемена в моей жизни, но я много трудилась и нуждалась в передышке. Нужно поразмыслить, считала я. Друзья предупреждали:

— Он становится большим человеком, как бы его не увели у тебя.

Но я отвечала:

— Нет, мне надо подождать и осмотреться, я не собираюсь разбиваться в лепешку.

Иногда мы с Бобом ругались из-за сложившейся ситуации, но потом я решила, что если такая жизнь ему необходима для того, чтобы быть тем, кто он есть, то пусть так и будет. Он говорил, если я хочу съехать от тетушки, то на Хоуп-роуд всегда найдется место для нас с детьми, и двор там большой, но на тот момент единственное, к чему я стремилась, была независимость. Да, я хотела вырваться из Тренчтауна, но не ценой самоуважения. О себе я никогда не забывала.

Тем не менее, мне было трудно представить, что я «оставлю» Боба, что сама разрушу наш брак. Поэтому я решила посоветоваться с Габби, старым растафари, мнение которого я уважала. Он, похоже, был наслышан о Хоуп-роуд, и то, что Боб «сбился с курса», не вызывало у него особых симпатий. Я объяснила Габби, почему я не хочу там жить и изменять себе ради того, чтобы ублажить Боба. Это было бы неправильно, я бы чувствовала себя неуютно с детьми в таком месте, где невозможно уединиться, где постоянно проходной двор, хлопают двери и люди приходят и уходят. Я бы не хотела, чтобы мои дети так жили.

Перед этим я уже заговаривала с тетушкой о том, что собираюсь вместе с детьми уехать из ее дома.

— Подумай как следует, — сказала она в своей обычной манере. — Никто не станет снимать жилье для тебя и четырех твоих карапузов, даже и не надейся!

Но Габби отнесся ко мне с пониманием и постарался помочь. У него было только два вопроса: почему я хочу покинуть Тренчтаун и согласен ли на это Боб.

И мне пришлось ответить:

— Я всегда хотела уехать, и мне все равно, согласен Боб или нет. Мои дети растут не по дням, а по часам, и я не хочу для них той жизни, которая их здесь ждет.

Вскоре после этого разговора Габби позвонил и рассказал про правительственную жилищную программу, по которой в Булл-Бэй, милях в двадцати на южном берегу, строятся бетонные дома на продажу. Это меня слегка отпугнуло.

— Булл-Бэй! — сказала я. — Это же такая даль!

Но оказалось, что Габби знает об этой программе, потому что сам там живет, и, по его словам, получалось, что место это приятное и добраться туда довольно легко. Поэтому я согласилась поехать в Булл-Бэй и посмотреть, что к чему, и через несколько дней Габби за мной заехал.

Мы поехали вдоль берега и в конце концов оказались в маленьком тихом поселке. Я осмотрела предлагаемые домики. Габби сказал, что я должна выбрать тот, который мне нравится, и потом взять деньги у Боба: «Заставь его пойти к министру жилищного строительства и решить вопрос». На этот момент Боб, благодаря своей возросшей популярности, стал дружен с людьми из верхов, разными министрами. Но я не собиралась просить Боба напрямую, потому что знала — он хочет, чтобы мы переехали на Хоуп-роуд.

А вот с его другом Аланом Коулом вполне можно было поговорить.

— Алан, — сказала я, как только представилась возможность, — я не могу дожидаться, пока Боб поймет, что нам с детьми нужен нормальный дом. Не мог бы ты поговорить за нас с министром?

Министром жилищного строительства был в ту пору Энтони Сполдинг, хороший человек — очень хороший человек — который сказал: «Нет проблем!» и немедленно сделал все, что нужно. «Жене Боба Марли нужен дом — пусть будет дом!»

Боб отнесся к известию скептически, но уже тогда до меня стали доходить слухи о нем и Эстер Андерсон. Я поняла, что дело становится хуже и нужно решиться наконец и поскорее увезти детей подальше из этого бардака. Крис Блэкуэлл познакомил Эстер с Бобом в ходе рекламной программы: она должна была не только быть его фотографом, но и поехать с ним в Англию, чтобы рекламировать пластинки. Компания пыталась создать из них обоих единый медиаобраз (промоутеры так делают). Насколько я могла видеть, единение происходило не только в медийном пространстве и было слишком тесным, чтобы я могла оставаться спокойной.

Через пару дней, несмотря на первоначальное неодобрение, я получила от Боба деньги на покупку дома, выбранного мной. Взнос был, кажется, около трех тысяч долларов за дом с двумя спальнями. Как и тетушкин дом, изначально это был по сути

только скелет, но каменный и в хорошем месте, и притом абсолютно новый. Прежде чем я подписала бумаги, министр Сполдинг сказал, что стоит поехать и взглянуть еще раз для надежности. Он дал мне ключи и на следующее утро я на трех автобусах доехала до Булл-Бэй — не так легко, как думал Габби.

Мой дом — по адресу Виндзор-Лодж, 15 — стоял на земляной дорожке в стороне от основной дороги, в тупичке рядом с еще одним домом. Там не было ни света, ни воды, ни забора с калиткой — ничегошеньки. Правительство строит только стены — а дальше делай с ними что хочешь. Но на участке росли авокадо и тамаринды, и чувствовался запах моря — на самом деле, я видела тропинку, отходящую от главной дороги, которая вела прямо к воде. В то утро не было слышно ни звука, кроме пения птиц в ветвях деревьев. Я почувствовала такое умиротворение, что не могла не полюбить это место. Так что я вернулась в офис мистера Сполдинга в Кингстон, все подписала и передала деньги.

Домой я вернулась с ключами и похвасталась:

— Тетушка, я купила дом в Булл-Бэй! — Я надеялась, что она обрадуется, как я.

Однако тетушка — вполне предсказуемо — не обрадовалась. Она заявила:

— Ты сошла с ума! Нельзя ехать туда без Робби, и где вообще Робби, почему он не помогает тебе?

— С Робби все в порядке, тетушка, — успокоила я ее, — он занят своей музыкой и всякое такое.

Но тетушка продолжала ворчать:

— Ты не справишься с домом. Лучше отпусти Робби на все четыре стороны, а сама живи здесь и заботься о детях.

Я ответила ласково, но со всей возможной твердостью:

— Нет, тетушка.

Потому что я начинала понимать, как она напугана моим отъездом. Несмотря на ее жалобы, мы были ее жизнью, и она нуждалась в нас не меньше, чем мы всегда нуждались в ней.

Она возмущалась:

— И зачем уезжать в такую даль?

— Чтобы люди не беспокоили меня и детей, когда Боб не приходит домой, — отвечала я. Тетушка сама достаточно часто говорила об этом.

— Ты уедешь в Булл-Бэй, а как я буду видеться с детьми?

Я сказала:

— Ты их будешь навещать, обещаю.

Однако тетушка не сдавалась, это было не в ее натуре. Она сетовала, что ей это не нравится, слишком далеко и «мы там

никого не знаем».

Я ничего не отвечала, просто держала ключи в руке и ждала, пока она уйдет из комнаты.

На следующий день я отправилась искать грузовик и нашла один с деревянным кузовом, настолько ветхим, что я не была уверена, выдержит ли он дорогу. Но водитель хотел подзаработать и просил недорого. Приходилось экономить, или нам было бы не уехать. Я таращилась на грузовик некоторое время и потом сказала:

— Хорошо, то, что надо.

Водитель, вероятно, заметил мои сомнения, потому что спросил:

— Вы уверены, миссис Марли?

Странным образом, именно это меня и убедило.

— Да! — воскликнула я. — Поехали!

Я взяла грузовик под честное слово — у меня оставалось всего несколько долларов после выплаты взноса, и я не видела Боба с тех пор. Но я убедила себя в том, что деньги откуда-нибудь появятся. «У Боба должны быть деньги, — сказала я себе, — мы проедем через Хоуп-роуд, и я перехвачу деньжат». Потому что я должна была переехать, я должна была увезти детей оттуда, морально и физически. И это надо было сделать прямо сейчас, пока дети не начали втягиваться в другой, более распущенный, стиль жизни. Хватит с них и того, что папочка живет отдельно, а мамочка иногда выходит из себя.

На следующее утро, довольно рано, грузовик подъехал к дому. Тетушку я не предупредила — очевидно, что даже в двадцать шесть лет и с несколькими детьми я все еще находилась у нее под каблуком. Когда она увидела грузовик, то спросила:

— Ты это серьезно?!

И когда я кивнула в ответ, тетушка завопила:

— Да ты с ума сошла! Не иначе как шутишь.

Наконец мне пришлось высказать все начистоту.

Я начала:

— Ты говоришь, что я взрослая женщина, тетушка, но даже если это и не совсем так, ты все равно не должна лишать меня права принимать собственные решения. И я не пытаюсь быть неблагодарной, вовсе нет.

— И Робби не едет?

— Нет, и я не намерена его упрашивать.

Я стала собираться, а она все смотрела на меня и даже помогала, но выглядела очень расстроенной. Наконец я не выдержала:

— Если ты собираешься и дальше ходить с таким несчастным видом, поехали с нами вместе!

Но у тетушки был собственный дом, и она не могла просто так взять и уехать. Бедная тетушка — но я должна была проявить решимость. И все равно я не хотела оставлять ее в расстроенных чувствах, несмотря на то, что, по ее мнению, у меня не было шансов справиться в одиночку. Я попыталась ее успокоить:

— Тетушка, не волнуйся, ты знаешь, куда мы едем, приезжай завтра, а я поеду сегодня.

— Но там же нет света, — не сдавалась она.

Я ответила:

— Это ничего, у нас есть свечи, не беспокойся. Но я хочу приехать туда засветло, будет легче разгружать вещи.

К этому времени, похоже, все соседи столпились возле грузовика и начали ахать и охать:

— Господи, они едут жить в Булл-Бэй, — как будто мы собрались на Луну, не меньше.

Но я все равно посадила детей в машину, они были довольны и веселы:

— Мы переезжаем! Мы едем жить в другой дом! На машине!

А я смотрела на всю эту сцену и думала: «Боже, дай нам справиться с поездкой!»

Когда мы приехали на Хоуп-роуд, первым человеком, которого мы увидели, была Эстер Андерсон — она торчала на балконе второго этажа. Я сказала:

— Доброе утро, а Боб там? Могу я его увидеть? — Я знала, что он наверху в комнате вместе с ней.

— Чего ты хочешь? — спросила она. — Зачем пришла?

«Да она в своем уме?» — подумала я. Но мне не хотелось выяснять с ней отношения, особенно при детях, поэтому я просто повторила:

— Где Робби-то? Он там?

— Он спит, — сказала она.

— Тогда, пожалуйста, разбуди его, это важно.

— Да оставь ты его в покое, — скривилась она. — Зачем ты мешаешь ему спать?

Тут я потеряла самообладание.

— Ты хоть понимаешь, с кем ты разговариваешь? — спросила я в ответ несколько громче, чем мне хотелось бы.

— Почему ты не перестанешь рожать? — закричала она. — Ты только и делаешь, что плодишь детей! Бобу нужна карьера, остановись же наконец и дай ему жить спокойно!

Я ушам своим не верила! Просто стояла там и думала, что надо как можно скорее выбраться из этого дерьма. Но к этому

времени шум разбудил Боба, он спустился и сказал мне:

— В чем дело? Зачем ты тут сцены устраиваешь?

— Я?! Не смей со мной так разговаривать! Оставь этот тон для своей шлюхи вон там наверху! — Я всерьез разозлилась, потому что, если уж Эстер не уважала меня, она хотя бы должна была соображать, что я тут с детьми и что она спит с моим мужем! Я выпалила ей все это, не стесняясь в выражениях, да и Бобу досталось. Когда он дал мне денег, я села в машину и велела водителю ехать поскорее.

Боб обещал, что он заглянет позже, в чем я не сомневалась — и не сомневалась, что он начнет заговаривать мне зубы. Но последние слова, которые я ему сказала, были:

— Да пошел ты, Боб! Я в тебе совершенно разочаровалась!

Я осталась очень недовольна собой, потому что это был первый случай, когда я дала себя втянуть в бабскую свару. И я даже не собиралась цапаться с этой Эстер. Если я с кем и хотела поругаться, так это с Бобом.

Когда он приехал вечером, то упрекнул меня:

— Как ты могла такое устроить при детях? Это ошибка, Эстер просто наш фотограф, Крис Блэкуэлл поселил ее туда на время, пока она не уедет обратно в Лондон…

Я не ответила, а он продолжал:

— Ты серьезно хочешь здесь жить? Ни света, ни воды нет, и ты собираешься тут остаться с детьми? Потому что мне надо ехать в Англию рекламировать новый альбом.

Я сказала:

— Да-да-да, я остаюсь.

При этом я видела, что ему тоже нравится здесь, на свежем воздухе.

Наконец Боб посмотрел мне в глаза и спросил:

— Ты в порядке?

— В полном, — ответила я.

Я умолчала о том, как разозлилась, потому что не хотела снова ругаться в присутствии детей, которые не ложились спать, чтобы дождаться приезда папочки.

Мы посмотрели на наших малышей — все четверо были явно счастливы и с довольным урчанием поедали жареную курицу, которую мы купили по дороге. Для них это была загородная прогулка.

— Как дела? — спросил Боб у них.

— Отлично! — закричали они хором. — Нам нравится в Булл-Бэй!

Наверное, Боб не ожидал такой их реакции, потому что выглядел подавленным после этого. Так и уехал, слегка

ссутулившись, будто нес тяжесть на плечах. Я думала, что тоже останусь с тяжелым сердцем, но вместо этого испытала облегчение — грусть в моей душе была смешана с чувством свободы.

Та ночь вызвала у меня массу эмоций! Дети скоро пошли спать, но я никак не могла лечь — наверное, была слишком счастлива! Я выходила во двор и заходила обратно, повторяя про себя: «У меня есть дом! Свой дом!»

Не помню, который был час, когда я задула последнюю свечу и еще раз задержалась в дверях. Все, через что я прошла в тот день, — тетушка, Боб, Эстер Андерсон — казалось, случилось не со мной, а с кем-то другим. В тишине я слышала дыхание детей и отдаленный шум волн на берегу. Единственное, о чем я могла думать, так это о том, что мы наконец вырвались из Тренчтауна и что я стою — почти невероятно! — в дверях собственного дома. Я не могла решить, какой из этих двух фактов радует меня больше.

На следующее утро тетушка примчалась к восьми часам. На трех автобусах! Бедная тетушка! Она запричитала:

— Я всю ночь не сомкнула глаз, как я могла спать без детей? Без тебя? Посмотри на них — ты хоть купала их вчера вечером?

Я засмеялась:

— Да, тетушка, купала, не беспокойся. — Естественно, я их не купала — к тому времени, как мы прибыли и разобрали вещи, было уже совсем темно.

Но после приезда тетушки мы в тот же день пошли на берег и искупались, и дети были в экстазе! Вскоре один друг начал регулярно привозить нам воду в бочках, пока мое прошение об удобствах проходит необходимые инстанции. Нам первым в общине провели электричество, но не единственным — таким образом, наше присутствие было полезно и другим, что принесло мне немалое удовлетворение.

Постепенно все привыкли к мысли, что мы там живем, особенно после того, как я покрасила дом в красный, зеленый и золотой цвета и разбила сад. Я чувствовала себя по-настоящему счастливой, чего не было уже долгое время — потому что я делала то, что сама хотела. И более того, я была независима — если и не финансово, то хотя бы в том смысле, что жила сама по себе.

Некоторое время я отдыхала, ходила на пляж, бегала по утрам, готовила свежую рыбу. Потом наконец взялась за дела, которыми всегда занималась тетушка. Я сосредоточилась на детях, их обучении и всех остальных нуждах подрастающего поколения. Я чувствовала себя сильной и была горда собой. И

начала предъявлять свои требования к Бобу. Вместо того чтобы жалеть его, теперь я говорила:

— Мне нужна твоя помощь. Я не буду наниматься прислугой на Ямайке. Ни к кому! Я буду заниматься здесь только определенными делами. Ты делаешь то, что хочешь, так что не забывай, что мы тоже здесь.

Но, как я уже говорила, Боб всю жизнь был очень щедрым — в этом смысле мне не в чем его упрекнуть. Ни разу не было такого, чтобы я что-то попросила и не получила. И если мы ссорились, потом он приносил мне цветы, или фрукты, или конфеты, которые я любила. А я капризничала: «Нет-нет». Пока все не становилось хорошо и он не становился хорошим — тогда я сдавалась и мы занимались любовью, а затем наступало время обещаний.

Хотя мы с Бобом оставались супругами до конца его жизни, Эстер Андерсон была не последней женщиной, с которой он связался. Думаю, я просто была уверена, что он не был для них «мужчиной на всю жизнь», а всего лишь «мужчиной на время». Я не дружила ни с одной из них, мне это было не нужно — их отношения с Бобом были «неофициальными», и он в основном держал их от меня подальше. А я соблюдала осторожность и не ходила туда, где могла на них натолкнуться. Мне не хотелось «пасти» его. Я пыталась думать, что Боб в большей степени любящий брат, чем настоящий муж, и примирилась с ситуацией. Я просила Господа о помощи в том, что я не могу изменить. Может быть, потому, что женщин становилось все больше, я видела в них все меньше угроз для наших отношений, хотя некоторые из них имели от него детей — мальчики, рожденные, когда я была в Делавэре, были не последними его внебрачными детьми, и впоследствии я даже взяла на себя заботу о многих из них.

Начало семидесятых было особенным временем. Для этого, я думаю, были причины. Боб оставался любящим отцом, я по-прежнему уважаю его за это. Иногда мне было больно и обидно, не стану отрицать, но я говорила себе: «Это не тот взгляд на вещи, которого надо держаться. Держись другого взгляда. Растафарианского».

Глава восьмая
«I KNOW A PLACE»
(Есть такое место)

До того как правительство приняло жилищную программу, Булл-Бэй считался очень нехорошим районом — там вовсю хозяйничали банды. Люди избегали бывать в тех местах. К концу 1972 года, когда мы переехали туда, страсти более-менее улеглись, но на первый взгляд перемены едва затронули это место. Как и в Тренчтауне, большинство домов было построено где попало и из чего попало, и бетонные муниципальные дома, как наш, встречались нечасто. Вокруг были заросли буша, маленькие фермы, прекрасное синее море и пляж (все, что я люблю!).

Как только мы вселились, я записала Шэрон, Седеллу и Зигги в местную начальную школу; Стивен был еще маловат. После школы ребята ходили в центр досуга, при котором был парк, где они могли играть в футбол с другими детьми. Иногда, провожая их в школу, я думала, что мне все это снится. И хотя, естественно, случались и грустные моменты, и веселые, я по-прежнему считаю, что именно там началась моя собственная независимая жизнь.

Но я решила, что по-настоящему я стану независимой, лишь научившись водить машину. Я пробовала раньше, или, если честно, скорее мечтала о том, чтобы научиться, но в Булл-Бэй это стало необходимостью. Платить за проезд на трех автобусах до Кингстона и столько же обратно было глупо. Да и времени уходила масса — дождаться автобуса, потом два часа ехать, а потом готовить ужин для детей… Просто нереально. Так что я всерьез взялась за дело.

Когда мы еще жили в Тренчтауне, у нас имелся большой старый автомобиль, который Боб купил по дешевке. Я проявляла интерес к вождению, но Бобу, как и многим мужьям, не хватало терпения учить меня. Поэтому я ходила на курсы — когда были свободные деньги, то есть нечасто. Однажды Боб припарковал машину у ворот, и я решила показать ему, что тоже могу водить. Я села за руль, сняла машину с тормоза, включила передачу и съехала вниз по дороге. Однако, когда нужно было развернуться, я не смогла найти задний ход. Собрались люди — они смотрели, как я сражаюсь с рычагом передач, и наперебой давали советы. Я послала кого-то позвать Боба, а тот в ответ передал, что не придет: я сама должна выбираться. Наконец пришел знакомый по

имени Реджи, гитарист «The Upsetters», и пообещал помочь мне с задним ходом — что он и сделал, а потом довез меня до дома. После этого эпизода я решила, что больше ни разу не позволю себе так опозориться.

Когда мы переехали в Булл-Бэй, Реджи начал давать мне уроки. Потом он возил меня в Кингстон, куда мне было нужно по делам, или на Хоуп-роуд. Однажды он вез меня в нашем тогдашнем маленьком «моррисе-миноре», отвлекся и чуть кого-то не сбил. Я рассердилась и обругала его:

— Ты что, не можешь рулить нормально? Смотри куда едешь-то!

Думаю, ему это не понравилось, потому что он огрызнулся:

— Ну и рули тогда сама, если такая умная!

Я ответила:

— И порулю, вот увидишь!

Можно было на этом остановиться, но Реджи, видимо, хотел поссориться, потому что продолжал:

— Если тебе не нравится, как я вожу, что же Боб тебя не катает?

— Не вмешивай только сюда моего мужа! — закричала я.

Но Реджи не мог остановиться:

— И вообще, почему Боб тебя не учит водить?

Это было последней каплей.

— Вылезай из моей машины! — потребовала я и ткнула его кулаком — бац!

Он выскочил и, наверное, подумал про себя: «Посмотрим, как далеко она сможет уехать самостоятельно».

Но я села за руль, оставив Реджи стоять столбом на пыльной дороге, и медленно поехала в Кингстон. Забавное было лицо у Боба, когда он увидел, как я выруливаю на круговую подъездную дорожку на Хоуп-роуд. Похоже, он был доволен, но так удивлен, что только и мог сказать:

— Ой, ты сама ведешь машину?

Потом он сообразил, что кого-то не хватает, и добавил:

— А куда ты дела Реджи?

После этого я получила права и все, что было необходимо. И почувствовала, что совершила большой шаг вперед. Но я все еще боялась путешествовать далеко. Я редко выезжала, только в магазин, или на Хоуп-роуд, или покатать детей. Однажды я обнаружила вшей у Зигги — он подцепил их у кого-то в местной школе. Я забрала детей оттуда и отдала их в другую школу, так что теперь мне приходилось их подвозить каждое утро.

Для меня настало время учения. Боб все еще приходил и уходил когда хотел, но я относилась к этому спокойно. Я училась

жить не только одна с детьми, но и без постоянного мужчины в доме — и не столько физически, сколько эмоционально. Я даже поняла, что, увы, возможно, придется рано или поздно развестись, учитывая то, как мы жили теперь. Все было так странно. Иногда я спрашивала себя: «Ну и что это за отношения?» Приходилось напоминать себе, что частично нынешняя ситуация сложилась благодаря успеху, и успех же дал нам дом, в котором мы жили, еду (я не переставала возносить хвалу за то, что не нужно больше голодать). У меня были планы сделать пристройку к дому и сад… Я решила, что нужно проявлять терпение, крепиться и тем самым беречь рассудок, чтобы ка кие-нибудь дополнительные неприятности не свели меня потом с ума. Надо сохранять ясную голову, чтобы поднять свою семью, на том я и сосредоточилась. И на лучшем, что между нами было. Думая о Бобе, я говорила себе: ну ладно, пусть все эти женщины развлекают его, а я буду любить моих детей, любить себя, и посмотрим, что из этого выйдет.

Думаю, это важно: я по-прежнему оставалась самой собой, Ритой, я не махнула на себя рукой и не забыла о себе, только переваривала происходящее. Мне всегда удавалось сохранить в себе личность, с самого начала, ко гда для других я была Чернушкой и вынуждена была доказывать, что стану человеком. Так что я никому не позволяла уничтожить Риту. Рита что-то значила, у Риты была роль, и была жизнь, в которой она эту роль играла.

Одно время, вскоре после нашего переезда в Булл-Бэй, Боб исчез почти на два месяца, и мы не знали, где он находится. Одни говорили, что он в Англии, другие — что он уехал в Негрил. В то время Эстер Андерсон все еще ездила в туры с «The Wailers», но это уже, наверное, был конец их романа. (Пару лет назад она приезжала на Ямайку и сказала, что они с Бобом построили дом в Негриле — на ее деньги. Возможно, она думала, что я претендую на дом, но я даже близко не хочу с этим связываться!) Но тогда она была с Бобом какое-то время, а потом он пропал, и мы не могли его найти, пока в один прекрасный день он не объявился в нашем доме в Булл-Бэй.

Я была удивлена и определенно морально не готова, когда услышала шум подъезжающей машины. Вышла во двор — а там Боб. Я даже не знала, что сказать, и просто спросила:

— Где ты был?

А он ответил:

— Не знаю!

Пока Боб жил в режиме «я не знаю», я проводила свои дни

одна с детьми. Много одиноких дней и ночей. Тетушка, конечно, приезжала регулярно, когда мне нужно было отправиться куда-нибудь, куда я не могла взять Стивена, и иногда оставалась ночевать, когда было слишком поздно возвращаться. Друзья помогали нам — например, приносили воду с колонки. Нужно было много воды, потому что я очень хотела разбить там сад. Почва во дворе была плохая, в основном песчаная с морского дна. Люди говорили мне:

— Ты ненормальная, здесь ничего не вырастет.

Но я им отвечала:

— Подождите, вот увидите.

Помню выражение их лиц, когда они и правда увидели мои папайи и шпинат!

Много позже, уже разъезжая с концертами, я привозила с собой разные разности. Каждый раз, отправляясь куда-ни будь, я не могла дождаться возвращения, потому что везла домой новые саженцы. В саду всегда находилось место для улучшений. Я построила веранду, забор вокруг участка, разбила лужайку для детей, где они играли в войну, или в кукольный домик, или в школу (с Шэрон в роли учительницы), или лазали по деревьям — они все время чем-то были заняты. Тетушка учила их песням, как меня в детстве. Просто смотреть, как они расцветают на чистом воздухе и на просторе, а не в тесноте комнатки в Тренчтауне, — этого было достаточно, чтобы убедить меня в правильности переезда в Булл-Бэй. Я до сих пор благодарна Габби за это.

Виндзор-Лодж был очень уютным местом, я до сих пор так думаю, наверное, потому, что это был мой первый собственный дом и к воспоминаниям о нем примешивается сентиментальность. Из-за этого я не могу с ним расстаться — недавно я позвонила своему юристу и спросила:

— Где купчая на Виндзор-Лодж?

Он перезвонил мне потом и подтвердил:

— По нашим документам, миссис Марли, эта собственность числится за вами.

Очень милое место; иногда я думаю, что надо бы сделать там ремонт. Даже манговое дерево по-прежнему растет и плодоносит. В любом случае, я не могу продать Виндзор-Лодж. Моим детям там тоже нравится, и у всех нас осталось много воспоминаний об этом доме. Когда дети выросли и начали зарабатывать, Зигги и Стив построили себе дома на участке по соседству и приезжают туда отдыхать.

— Ой, мамочка, — говорят они мне, — там так замечательно, мы туда ездим, когда хотим помедитировать.

Так что когда мне советуют: «продай», «избавься», «тебе это

все уже не нужно», я отвечаю: «Нет, нет и нет!» Это было мое начало — как можно продать свое начало?

Если Боб не был в отъезде, он посещал Булл-Бэй, чтобы повидать детей, хотя наши с ним отношения уже стали просто приятельскими. Иногда он привозил с собой других женщин, вроде американки Иветты Андерсон — он хотел, чтобы я помогала ей в издательских делах. Многие из наших друзей не обращали внимания на его поведение, другие же не могли понять, что происходит, и осуждали Боба. Но тот факт, что некоторые люди мне симпатизировали, не менял моего поведения — я видела проблему, но не собиралась с ней бороться. Потому что, несмотря на слухи и мои собственные наблюдения, все эти женщины оказывались рядом с ним по какой-либо причине, и он объяснял: «Она делает мои фотографии», или «Ее прислала компания „Island“ сделать то-то и то-то», или «Иветта Андерсон — американка, она лучше справится с публикацией». Так что для каждой из них находилось объяснение, особенно если они приезжали на Ямайку и останавливались у Боба на Хоуп-роуд, а мы с детьми жили в Булл-Бэй в нашем «семейном», как мы его называли, доме.

После тех двух месяцев с Эстер Андерсон Боб никогда слишком надолго не пропадал. Иногда, особенно возвращаясь из тура, он приезжал один или привозил друзей, говоря им: «Давайте я покажу вам мой дом!» Потому что для него Булл-Бэй оставался домом. Часто он жаловался, что на Хоуп-роуд ничего интересного не происходит, «все просто живут и радуются, много репетиций, всякие музыкальные дела», но «никто еще не додумался там что-нибудь выращивать» и «ой, какой сад, отсюда и уезжать не хочется!».

Потому что были времена, когда он действительно не хотел уезжать. Я попросила сделать мне подвал под кухней, и мы использовали его как студию. У нас там стоял небольшой магнитофон, и в жару мы спускались туда и отдыхали. Мы не мыслили себе жизнь без музыки. Ночью, после того как я укладывала детей спать и мы прибирали на кухне, все стихало и мы шли туда — иногда, конечно, чтобы заняться любовными играми, потому что гнездышко было очень уютным, — но чаще чтобы репетировать и сочинять. И днем тоже — мы провели там не одно воскресенье вместе с детьми. Дом был всегда полон, потому что обычно ко мне приводили других детей, чтобы я за ними присматривала. Соседские детишки заглядывали — «А миссис Марли дома?» — да и друзья Боба заходили. Но подвал существовал только для нас, и в каком-то смысле это

поддерживало мою связь с музыкой, с тем, что я любила.

У Боба тогда был небольшой «капри», и если дети играли во дворе и узнавали характерный звук его подъезжающей машины, они начинали кричать: «Папа едет! Папа едет!» Что бы ни происходило между нами, Боб всегда любил детей и уделял им столько внимания, сколько мог, — бегал вокруг дома в маске Франкенштейна, пытаясь всех напугать, Седелла помнит этот случай. Даже сейчас моя дочь говорит, что папа был добрым, а я строгой: когда Боб замечал, что кто-то из детей расстроен, он тут же тащил всех есть мороженое. И он всегда желал для них лучшего, платил за школу, убеждал детей не бросать учебу. Иногда он даже сам отвозил их в школу, что для них было крупным событием: «Вон там — мой папа!»

Музыка была нашей пищей, нашим развлечением, нашей радостью — и для детей тоже. А когда дети с малолетства проявляют талант и идут по твоим стопам, просто невозможно не помочь им. В подвале мы устраивали маленькие «мероприятия». Я объявляла:

— Сейчас состоится шоу Марли! Приглашаем на прослушивание! Приходите и покажите свои таланты!

Пусть эта подготовка была непрофессиональной, но ведь именно так я сама научилась петь, так мы с Дримом забавлялись в Тренчтауне, разучивая песни, которые знали папа, тетушка или дядя Кливленд. А теперь у нас была собственная маленькая студия для прослушивания — «Завтра мы устраиваем концерт! Настало время для шоу!» И дети начинали готовить свои маленькие номера: «Вот это я сделаю для мамы, а это я сделаю для папы!» Было необыкновенно весело!

Поскольку Боб постоянно отсутствовал, повседневная жизнь была более трудной, хотя я не испытывала недостатка в друзьях. Помимо Габби, который помог мне в поисках дома и теперь был нашим соседом, у меня появился еще один хороший друг, ямайский футболист Оуэн Стюарт по прозвищу Таки.

Таки знал, что я замужем, и дружил со мной не ради секса и не потому, что ему нужна была девушка (хотя в дальнейшем у нас сложились более близкие отношения). Он сочувствовал мне из-за того, как Боб со мной обращался. Он имел возможность видеть разных женщин, которых Боб приводил с собой, и не боялся выразить свое возмущение. Что же до Боба, то задолго до того, как у нас с Таки что-то началось, когда Боб только предполагал, что у нас роман, он стал вести себя как собака на сене.

Однажды он увидел меня с Таки и полез в драку. Он как раз вернулся из тура, и, видимо, кто-то из знакомых сказал ему, что

Рита, возможно, чересчур близко общается с Таки. Утром Боб приехал домой, и дети сказали ему, что мы с Таки пошли на реку за водой — правительство не спешило прокладывать трубы в Булл-Бэй. Когда Боб подрулил туда (как всегда, с очередной девицей в машине), он оставил автомобиль и пошел к берегу, крича:

— Эй, Таки, ты спишь с моей женщиной! — и всякие другие слова. Как безумный, прямо не мог остановиться!

Но Таки сказал ему:

— Нет, Боб, мы не можем драться, мы братья. Я здесь потому, что ей нужна помощь. Ей нужна опора, и ты должен это понимать.

Таки был с ним строг, и Боб пожалел о своих обвинениях и признал это. Бедный Боб. Он всегда знал правду и понял, что между мной и Таки ничего нет.

Но сама я сильно разозлилась и заявила Бобу:

— После всего, что ты выделываешь, ты обвиняешь меня?! При том, что эта сучка сидит у тебя в машине?!

В следующий раз, когда он поехал в Лондон, году в 1973-м, он уже начал заводить женщин, не скрываясь от меня. Был момент, когда я решила, что он близок с Дианой Джобсон, но, думаю, она преодолела чувства, став его юристом. Если я спрашивала его в лоб, всегда следовала одна и та же история: все были нужны для дела. «Та женщина нужна потому, а эта поэтому, так что не заводись». Но все было слишком очевидно. Я чувствовала, что он меня обманывает и так будет еще долго. Поэтому я решила не играть с ним в игры. Я прямо сказала ему:

— Если ты будешь продолжать в том же духе, я не буду с тобой спать. Между нами все равно останутся какие-то отношения, потому что мы семья, но никакого секса.

В то время еще не было СПИДа, но были другие болезни, и я не хотела подвергать себя опасности.

К тому времени Таки частенько составлял мне компанию. Он был мой очень хороший друг, я знала, что всегда могу рассчитывать на его помощь. Сначала это была исключительно дружба — «смотрю, ты тут все крутишься с детьми, а Боб что-то не появляется», — но потом я стала чувствовать себя одинокой, и мне захотелось быть с кем-нибудь рядом. Знакомых в этом районе у нас почти не было, а в жизни всякое может случиться, поэтому нам — мне — был нужен надежный друг. Не сожитель, потому что я так не привыкла, а просто близкий человек, к которому можно обратиться за помощью, когда Боб отсутствует по паре недель. Таки заходил по утрам проведать нас, спрашивал, все ли было в порядке прошлой ночью, часто приносил рыбу или «ирландский мох», разный «айтел»[2] — здоровую пищу, которую

едят растафари. Таки был очень симпатичный растаман, почти как Боб. Он уважал семейные ценности, был очень заботливым. Иногда он подвозил детей в школу или подбрасывал меня в город в своем желтом фургоне. Он работал в большом офисе в Кингстоне и был разумным и рассудительным человеком. У нас было много общего, так что постепенно я начала находить его привлекательным, не говоря уже о благодарности за его помощь, и у нас впоследствии естественным образом возникла связь.

В следующий раз, когда Боб приехал на Ямайку, он меня чуть не изнасиловал. Потому что я твердо ему сказала — секса не будет. Но он настаивал:

— Ты моя жена и я хочу тебя!

Так что секс все-таки был, и я думаю, что именно тогда и забеременела. Когда я обнаружила, что намечается очередной ребенок, моя первая мысль была: «Боже, где же справедливость?» Потому что, хоть я и не устраивала скандалов, на душе кошки скребли! К тому моменту у Боба родился еще один ребенок вне брака, на этот раз дочь в Лондоне. Но он знал, что у нас с Таки роман, и они устроили мужской разговор — Боб послал за Таки, чтобы обсудить ситуацию. Однако во время их встречи вошла подружка Боба, Синди Брейкспир, со словами:

— Ах, милый!

И Таки сказал:

— Вот видишь, Боб.

Одним словом, Таки опять вывел его на чистую воду, и Бобу стало стыдно. Конечно, ему было неприятно, что девица ввалилась в тот момент, когда он пытался исправить отношения, которые сам же и сломал!

После этого, по крайней мере некоторое время, было похоже, что интимная близость нам больше не грозит. Но Боб по-прежнему не мог вынести мысль о том, что кто-то кроме него может любить меня как женщину. Я не пыталась ему ничего доказать, просто так получилось, и это действительно спасло меня. Потому что, хоть я и делала вид, что мне наплевать, обида и чувство безнадежности, которые мне приносил его стиль жизни, убивали меня. Могли бы убить. Я благодарю Бога, что он послал мне друга, когда я в нем нуждалась.

Так или иначе, я пообещала себе, что не сдамся без боя, а значит, мне нужно быть в курсе происходящего на Хоуп-роуд. Некоторые из подружек Боба злились, потому что я постоянно там бывала и все видела. Я слышала, как одна из них сказала: «Смотри-ка, это серьезно». И так оно и было, я серьезно взялась за дело.

С самых первых дней, когда на Хоуп-роуд все только начиналось, я там чувствовала себя слегка чужой. Не знаю, опять ли сказался цвет моей кожи или виной всему растаманская философия. Люди из престижных районов приходили в Айленд-хауз из любопытства, потому что он находился на их территории, а про Боба Марли и «The Wailers» они раньше слыхом не слыхивали. А наши друзья из гетто, наоборот, знали музыкальную сцену, но плохо ориентировались в том районе, куда она переместилась. Так что население дома было смешанным. В этом смысле там было неплохо. Но я чувствовала себя чужой по личным причинам. Так что мне потребовалось время, чтобы понять, как одновременно присутствовать там, но оставаться в стороне.

Моя третья дочь, Стефани, родилась в 1974 году, и поскольку я пыталась кормить свою семью здоровой пищей, она росла на органике по растафарианским принципам. А я, раз уж наш сад так успешно разросся, занялась полноценным сельским хозяйством. Сент-Энн был слишком далеко от Кингстона, но в Кларендоне, намного ближе, продавалась ферма. Боб купил ее для нас, и я начала собирать урожаи: там росли кокосы, саподиллы, каймито, апельсины, практически все, что только можно встретить на ферме, и все натуральное. Не так давно я подарила часть этой земли движению растафари; община «Братья Ньябинги» построила на этой территории молельню, еще там есть приют для детей и женщин и школа.

А в то время я собирала все, что могла, и всегда продуктов оказывалось слишком много для одной семьи. Я думала: «Что же с этим делать?» и раздавала друзьям, но неизменно оставались излишки. Мы держали даже коров и коз! Потом мне пришло в голову попросить Боба разрешить мне устроить маленький склад на Хоуп-роуд. Там каждый день проходили репетиции или встречи, всегда была толпа народу, музыкантов и фэнов. Как на вечеринке, где много голодных людей, которых нечем угостить. Так что я придумала кое-что интересное и однажды утром сказала Бобу:

— Знаешь, я могла бы открыть соковый бар прямо за воротами.

Он сначала сделал кислую мину, потом засмеялся:

— Ты серьезно? А что ты собираешься там делать?

Я ответила:

— Продавать разные разности.

Конечно, ответ был туманный, но в этом состоял мой план: если что-то одно не пошло бы, я попробовала бы что-нибудь другое. И если бы я торговала апельсинами, то это были бы

лучшие апельсины на всей Ямайке. Я объяснила Бобу, что могла бы подавать кокосовое молоко в скорлупе, с соломинкой, или делать соки из разных фруктов, которые мы выращивали. Боб согласился, потому что верил в мои способности — иногда он говорил: «Что Рита ни придумает, все получается».

Прежде чем я устроила свой бар, мы не собирались продавать еду, считали, что в жилом районе это не позволят. Но мысль о торговле нас всегда привлекала: мы продавали пластинки и все связанное с музыкой, и у меня уже был положительный опыт. Так что Боб наконец произнес, лишь с небольшой тенью сомнения в голосе:

— Неплохая идея. Если ты этим хочешь заниматься, то давай.

Я сказала:

— Да, я хочу попробовать.

Я просто хотела чем-нибудь занять себя, а не сидеть и ждать у моря погоды. И не убиваться на домашней работе. Дети были в порядке, они росли вместе с нами, и настало время заняться если не карьерой, то по крайней мере интересными и приятными мне делами. Так я создала ресторан «Царица Савская». Как только я начала готовить, все пришли в безумный восторг! Даже мои авокадо были особенными — когда наступал сезон авокадо, мои были лучшими. Кокосы, апельсины, каймито… Что до сельского хозяйства, мне не иначе как Бог помогает — что бы я ни посадила, растет изо всех сил. Когда мои деревья плодоносят, они дают горы фруктов — больших и хороших — и полностью натуральных, потому что из удобрений я признаю только навоз. Когда соковый бар набрал обороты, я построила кирпичную печь, чтобы выпекать хлеб прямо на месте. Боб был моим лучшим клиентом. Я все еще считала, что надо приглядывать за мужем, чтобы он хотя бы питался как следует, и таким образом я могла заботиться о нем.

Вскоре после того, как альбом «Catch a Fire» молниеносно сделал Боба Марли и «The Wailers» суперзвездами, я снова повстречала Минни Филлипс, давнюю подругу-рас таманку, которая покупала у нас пластинки в Тренчтауне. Однажды мы с Бобом были на собрании растафарианской организации под названием «Двенадцать колен Израилевых», и там была Минни вместе с Джуди Моватт, одной из ведущих регги-вокалисток. Я не видела Минни восемь или девять лет, и в тот вечер, по ее словам, ей казалось, будто никого кроме нас с ней не было в целом свете. Мы часами говорили о старых временах и о детях (как и я, Минни родила нескольких детей — Майка, Сахи, Салеха и Рутибел — за время нашей разлуки).

Еще до конца вечера мы придумали женскую организацию, которую решили назвать «Mada Wa Dada» («Мать нации»). Мы знали, что потребуются деньги. Одной из наших первых целей было построить школу для детей-раста, поскольку в то время на Ямайке детей с дредами не пускали в государственные школы (а в некоторые школы и сейчас не пускают). Нам казалось, что мы должны взять на себя эту ответственность. Чтобы собрать деньги, мы решили устроить концерт. Раз у нас были таланты и промоутеры использовали нас, чтобы собирать полные залы, почему нам было не сделать то же самое для себя? Мы пошли к Бобу — «Брат Боб, окажи милость детям!» — и он согласился выступить бесплатно. Мы пришли в экстаз, потому что Боб один мог собрать Национальный стадион. Минни была членом «Двенадцати колен», и Боб тоже, а я нет. Хотя это и была растаманская организация, я не стремилась туда, поскольку не чувствовала в ней единства. Лидеры организации сделали Минни выговор за то, что она связалась со мной, человеком со стороны, чтобы устроить этот концерт, — это было «против правил». Их тогдашнее отношение к женщинам требовало коррекции, сестер постоянно задвигали подальше — поэтому и нужна была женская организация. И те же братья из «Двенадцати колен» нас и подвели в конечном счете, потому что Минни доверяла им и разрешила собирать плату на входе — а они забрали у нас все деньги, до последнего цента! Вечером после концерта у нас не было ничего. Несмотря на то, что набился полный стадион народа и вся еда была продана, мы ничего не заработали!

После этого Минни еще сильнее привязалась ко мне — более верной сестры невозможно было представить. Она существенно помогала с рестораном «Царица Савская», иногда проводила со мной двадцать четыре часа в сутки. Мы ездили вместе на ферму в Кларендон и привозили урожай, готовили кокосы и апельсины. Боб нами очень гордился. Он даже нас рекламировал, говорил всем:

— Обязательно загляните к Рите! Возьмите что-ни будь у Риты в ресторане!

Теперь, если я хотела удалиться, у меня была на то причина — надо съездить на ферму. Если Боб был рядом, довольно скоро я слышала урчание его джипа, и он выкрикивал:

— Йоу, Рита! Ты где?

И я кричала в ответ из зарослей кукурузы или из-за кокосовых пальм:

— Я тут, милый!

Иногда он начинал меня ревновать. Если ему не удавалось сразу меня найти, то он шел к Минни:

— Где Рита?! — А я, может быть, в это время тихонько сидела где-нибудь и читала книгу.

Думаю, в нем говорила совесть, и, как поется в песне, «в груди у каждого мужчины бьется сердце». Тогда мне, может быть, не нравился подобный контроль, но сейчас я понимаю, что он просто заботился обо мне. И, может быть, чувствовал, что не всегда его поведение хорошо для Риты.

Глава девятая
«EASY SAILING»
(По волнам)

Итак, у меня были теперь дом, ферма, магазин на Хоуп-роуд, но чего-то по-прежнему не хватало. Я просыпалась каждый день с вопросом: а если мы с Бобом разведемся, что тогда будет? Я чувствовала, что должна справиться с зависимостью от человека, который был нарасхват по всему миру. Так что я выбирала, на чем остановиться: быть женой — или быть Ритой. И что вообще собой представляет Рита.

Так как я знала, что у меня есть возможности для карьеры и мне хотелось делать еще что-то, я пошла в театральную студию. Она больше походила на оперную труппу — группа мужчин и женщин, устраивавших концерты каждый год. Они дали объявление о прослушивании в газете, и когда меня приняли, я объявила Бобу, что буду участвовать в выступлении. Он заинтересовался — неудивительно, потому что он всегда поддерживал мои начинания. Петь мне нравилось, я не выступала со времен переезда в Делавэр и радовалась новой возможности потренировать голос. Да и оказаться снова на сцене было очень приятно. Но несмотря на это, мне хотелось чего-то более серьезного.

После возвращения из Делавэра я снова связалась с Марсией Гриффитс, которая, как и Джуди Моватт, была одной из ведущих вокалисток Ямайки. Я знала Марсию с ранних времен, когда она, как и я, работала на Коксона — молодая, стройная, с сильным голосом. Так что мы знали, чего можно ждать друг от друга. С тех пор запись «Electric Boogie» стала хитом в Америке (и породила популярный танец «электрик слайд»), и у Марсии появился еще один хит с Бобом Энди под названием «Young, Gifted and Black». Мы с Марсией уже нащупывали контакты, пытались репетировать вместе, когда она позвонила мне и пригласила вместе с Джуди на свой концерт в одном из знаменитых ямайских клубов, «House of Chen» в Кингстоне.

— Было бы неплохо, если бы вы обе пришли, — сказала она. — Давайте снова ощутим вибрации друг друга и немножко споем.

Она уже позвонила Джуди, и та согласилась, так что дело было за мной.

Первая мысль была: «Боже, я же совсем не готова!» Но потом

я подумала: «Мы же профессионалы, в конце концов, зачем долго раскачиваться». Я же не собиралась им говорить, что мне хорошо бы сначала порепетировать. Поэтому я пообещала Марсии договориться с Джуди.

С Джуди я тоже начала снова видеться. Впервые я услышала ее во главе женской группы, «The Gaylettes», которая была главной соперницей «The Soulettes». Мы соревновались на радио, хотя у «The Soulettes» было важное преимущество — мы иногда работали на бэк-вокале у «The Wailers». Друг Боба Алан Коул тогда ухаживал за Джуди и начал рассказывать ей про растафарианство. Джуди была симпатичной молодой женщиной, модницей, носила множество браслетов на руках и все такое. Но Алан все время приводил меня в пример — как я выгляжу, что ношу, чего не ношу, говорил:

— Посмотри на Риту! Она тоже известная певица, так что и ты можешь обойтись без своих гламурных причесок.

Тогда Джуди только фыркала в ответ. Думаю, она была не готова расстаться со всеми своими браслетами и сережками и стать растаманкой! Но потом она все равно встала на правильный путь. Я потеряла контакт с ней, как и со многими друзьями, когда уехала в Делавэр, но теперь наше знакомство возобновилось через Алана. И вот я позвонила Джуди в тот день, и мы сошлись на том, что неплохо будет «немножко» попеть с Марсией.

Мне пришлось попросить тетушку приехать в Булл-Бэй посидеть с детьми, чего я уже старалась в то время не делать, чтобы избавить ее от лишних нагрузок — тетушке уже было под шестьдесят, хотя она оставалась активной, как и прежде. Я заехала за Джуди, мы отправились в клуб, сидели там и смотрели выступление Марсии, пока в середине концерта она вдруг не объявила:

— Леди и джентльмены, сегодня здесь присутствуют две моих лучших подруги, Рита Марли и Джуди Моватт.

И весь клуб как с катушек слетел! Мы вышли на сцену и спели «That's How Strong My Love Is», без репетиций, без всякой подготовки — и буквально взорвали зал! Нам пришлось несколько раз петь на бис, публика не хотела нас отпускать. С этого момента мы твердо знали, что можем себя показать! Если каждая из нас в отдельности была на что-то способна, то вместе мы становились втрое сильнее!

Ли «Скрэтч» Перри, после первой неудачной попытки выступить на сцене, стал продюсером. Это он первый переименовал «The Wailers» в «Bob Marley and the Wailers». Когда появился Крис Блэкуэлл, он продолжал выделять Боба, вызывая

тем самым немалые трения и сомнения внутри группы, потому что двое других ее членов чувствовали, что они теряют Боба в неравной борьбе с могущественным миром международного шоу-бизнеса. После их первого успешного тура Банни заявил, что никогда больше не сядет в самолет. Питер был больше расположен к сотрудничеству, хотя тоже сомневался, но свою злость на Бобе не срывал. Когда закончился их контракт на три альбома с «Island», Банни и Питер решили, что больше не хотят иметь дело с Блэкуэллом, с гастролями или рекламой концертов. Они договорились о разделе прибыли и будущих доходов. Именно тогда Боб получил в качестве платы недвижимость на Хоуп-роуд, вместо денег. В отличие от «The Wailers», Боб снова подписал контракт с «Island», по-прежнему как «Bob Marley and the Wailers», но набрал других музыкантов.

Все трое приняли ситуацию близко к сердцу, но, по-моему, распад группы принес больше горя Бобу, чем Банни с Питером. Он очень переживал, чувствовал себя брошенным и обиженным. И никогда не переставал об этом думать — эта грусть с тех пор стала частью его души. Они были такими юными, когда создали «The Wailers», что теперь казалось, будто его предали братья, особенно в случае с Банни, ведь у них была общая сестра Перл. Многие не понимают, что эта глубокая рана в сердце Боба так и не зажила. Даже когда он был болен и терял связь с жизнью, он сокрушался, что они его не навещают. Они даже ни разу не позвонили ему, чтобы сказать: «Боб, мы любим тебя». Я слыхала, что Питер пробовал с ним примириться на сцене, и Банни тоже, но когда они спохватились, было слишком поздно.

Итак, контракт с «Island» закончился, и каждый пошел своей дорогой. Каждый создал свою компанию: Питер — «Intel Diplomat», Банни — «Solomonic». Боб достиг того, чего он достиг, а они остались при своем. Я свидетель того, что Боб очень много трудился, днем и ночью, в турне и в студии, очень серьезно относился к работе и к будущему своей семьи. Результаты его труда тому веское доказательство. И он делал это не ради денег, потому что деньги у нас особо не водились до самой его смерти. Средства, которые он зарабатывал, уходили на развитие: он покупал студийное оборудование, инструменты, платил группе, он держал свою судьбу в собственных руках.

Однажды утром, вскоре после того, как Питер и Банни приняли решение уйти, я вешала белье в саду в Булл-Бэй и присматривала за Стефани, которая ползала вокруг, как вдруг подъехал водитель Боба, припарковался, выскочил из машины и выпалил:

— Робби велел, чтобы ты немедленно приезжала в студию.

Когда я спросила, не случилось ли чего, он ответил, что все в порядке.

— Не могу же я просто так все бросить и поехать, — засомневалась я. — В чем дело-то?

Но он ничего не знал — только то, что Робби сказал «это срочно».

Некоторое время я искала соседку, чтобы та присмотрела за Стефани, переодевалась и все такое, но в конце концов я собралась и мы поехали на Хоуп-роуд, а оттуда меня отправили в студию «Harry J's» в Кингстоне, где должна была происходить сессия звукозаписи.

Боб находился там с некоторыми своими музыкантами и, ничего мне толком не рассказывая, спросил:

— Где твои подруги? Можешь позвать своих подруг?

— Каких подруг? — спросила я в ответ.

— Марсию и Джуди, — объяснил он.

Кто-нибудь мог рассказать ему про наше выступление в «House of Chen», но сам он там не был, и даже если я об этом упоминала, то не особенно распространялась. Однако получалось так, что в отсутствие Питера и Банни ему был нужен бэк-вокал. Я все еще не понимала, что за спешка, но пообещала позвонить Марсии и Джуди — что и было сделано, причем они отреагировали, как и я: примчались в студию. Когда подошло время записи, нам сказали, что мы будем петь песню под названием «Natty Dread». Естественно, Боб знал вокальные способности каждой из нас, но, рассказывали ему или нет о нашем успехе в «House of Chen», все равно сам он не слышал нас вместе до этого дня в студии.

У мистера Марли была одна важная черта: когда ты для него трудишься, он обязательно платит. Это я всегда в нем уважала. Когда он спросил, сколько я хочу получить за вокал на «Natty Dread», я посмотрела на него, а он на меня очень по-деловому — «назови цену» — и мы рассмеялись.

Наконец я предложила:

— Ну, сколько ты там платишь Джуди и Марсии, столько же и мне — и спасибо!

Он сказал:

— Нет проблем, — и улыбнулся мне своей милой улыбкой (когда хотел, он умел очень приятно улыбаться).

Всем понравилось то, что было записано в студии в тот день. И тогда окончательно разъяснилось: у Боба готов альбом для «Island», и теперь оставался важный вопрос, будут ли «три сестры» работать с ним? Захотим ли мы поехать в тур, закончить альбом и

раскручивать его?

После всех лет с «The Wailers» и «The Soulettes», потом работы с «JAD», после того, как мы пели и сочиняли сами для себя в маленькой подвальной студии, мне было не в новинку работать с Бобом. Что поразило меня, так это то, что теперь он будет мне платить. Нельзя также отбросить и сентиментальную сторону: совместные гастроли значили для меня многое, потому что мы оставались друзьями. Нельзя отрицать, что мы все еще любили друг друга и опять жили как муж и жена, и я даже начала понемножку ворчать: «Куда это ты собрался? Что тебе там нужно?»

В тот момент я знала: не важно, что я выберу, все равно мне необходимо встряхнуться и что-то сделать. Найти в себе Риту означало именно это — сделать хоть что-то. У Марсии и Джуди сольные карьеры уже состоялись, но они были рады поработать на постоянной основе. Так что я посмотрела на них, когда Боб задал свой вопрос, и мы все трое хором — в гармонию! — воскликнули:

— Да!

И все же одно дело проявлять энтузиазм в студии, и совсем другое — принять решение. Когда я поехала домой, забрала Стефани и прихватила старших из центра досуга, я никому ничего не рассказала, потому что все еще взвешивала, что может получиться и как все устроить.

Потом, когда уже стемнело, приехал Боб. После того как дети вволю полазали по нему, он утащил меня вниз в студию и очень серьезно спросил:

— Ты действительно хочешь работать со мной, Рита?

Я ответила:

— Ну а почему бы и нет.

И тогда он сказал:

— Во всяком случае, мы будем вместе. Будем видеть друг друга каждый день.

По-моему, это было здорово! Он хотел, чтобы мы были вместе, если он действительно собирался продолжать начатое, выступать как солист со своей группой и бэк-вокалис тами. И мы решили, что все у нас получится, хотя в тот вечер не могли представить такой потрясающей реакции слушателей по всему миру, а тем более — что мы будем работать вместе семь лет. И я никак уж не могла представить, что это будет началом длинной карьеры для «I-Three», группы, которая состояла из Марсии, Джуди и меня.

Тогда мы с Бобом думали только о текущем моменте и радовались позитивным вибрациям. Кто не рискует, тот не выигрывает, так ведь? Мы знали: слишком рано останавливаться,

даже без Питера и Банни все еще было куда двигаться. Как гласит пословица, собака лает, а караван идет. И новые времена, которые были в чем-то так похожи на старые, были желанны для всех.

Первый тур начался в 1974-м, когда Стефани была еще маленькой. Как всегда, нас выручила тетушка, потому что мне снова пришлось оставить детей на нее. Чтобы подстроиться под нас, она переехала в Булл-Бэй, арендовала участок земли у одного старичка и построила для себя дом. Несмотря на свои шестьдесят с чем-то лет она оставалась очень активной. Потрясающая женщина. В этот раз у нее было двое подручных, но она все равно сама строила свой дом. До Виндзор-Лодж оттуда можно было дойти пешком, поэтому она отправлялась утром в «семейный» дом и всем заправляла. Одна из помощниц ночевала с детьми, обычно мисс Коллинз, пожилая приятельница тетушки. Дети полюбили мисс Коллинз, и она продолжала с нами жить не один год как семейная няня.

Тот первый тур запомнился как приключение — не только для меня, но и для всех остальных, — потому что он был спонсирован «Island Records» и задуман очень масштабно. Нашу группу сопровождал целый рой журналистов и фотографов. Это был большой прорыв для Боба, момент, которого он долго ждал. Название группы осталось прежним, «Bob Marley and the Wailers», но персональный состав отличался — думаю, в тот раз участницы «I-Three» тоже считались за членов «The Wailers», что было почетно и волнительно. Боб иногда говорил, что все, кто с ним работает, — «The Wailers».

И в то же время первый тур стал трудным испытанием — может быть не для Боба, он был готов к этому, — но для остальных точно, потому что наши прежние небольшие концерты по маленьким клубам никогда не собирали столь внушительных толп. Народ валом валил посмотреть на Боба Марли и «The Wailers». Тур был хорошо организован — у нас был свой автобус и отдельные комнаты в гостиницах. Сначала я беспокоилась, что меня засунут в один номер с Бобом и по ночам мне не удастся выспаться, поэтому прямо сказала нашему менеджеру:

— Нет-нет! Здесь ко мне нужно относиться как к участнице «I-Three», а не как к миссис Марли!

Впрочем, мне приходилось исполнять и обязанности жены — собирать мокрые вещи с прошедшего концерта, следить за тем, чтобы была чистая одежда для следующего, спрашивать: «Ты поел? Ты не голодный?» И, разумеется, говорить Бобу: «Пора спать!» Все это висело на мне, но в остальное время я имела право побыть одна. У меня была своя комната, своя свобода, я

могла просто прошвырнуться по магазинам! Я могла делать то, что хотела, как обычная бэк-вокалистка! И я была самой собой, Ритой!

Так что у меня остались чудесные впечатления от тура. Естественно, были и свои печали — я не представляла, насколько мне будет трудно находиться так далеко от детей. Я была так привязана к ним, мы проводили столько времени вместе, болтали, играли, и теперь мне их очень недоставало. Но я знала, что тетушка заботится о них, как прежде обо мне. Ежедневные звонки домой удерживали наше с Бобом беспокойство на приемлемом уровне. Потому что Боб на саундчеке каждое утро спрашивал: «Рита, ты звонила детям? Как они там? Все у них в порядке? Как в школе?» Всегда переживал за детей. Было дело, я начинала в этом сомневаться, когда он исчезал, но он всегда помогал нам деньгами, и я убедилась, что Боб такой отец, с которым можно расслабиться и знать, что все будет в порядке. Он всегда беспокоился обо всех детях, никого не выделяя.

Телефонными звонками я побеждала тоску по детям, но я грустила и по моему саду, моим фруктам и соленой рыбе, овсяной каше по утрам. Чтобы успокаивать наши желудки, с нами ездил Джилли, хороший повар, который заведовал соками, жарил рыбу, делал нам хлебцы. А мы приучились возить с собой ямайские пряности, перец и лук.

Мы работали в основном в Европе, около трех месяцев, и когда вернулись, я была очень счастлива вновь оказаться дома. Тоска по детям терзает, пока ты далеко, но зато в конце тура можно привезти им полный чемодан подарков! Когда только-только заходишь домой, они первым делом спрашивают: «Мама, что ты нам привезла?» Я всегда охотно высматривала подарки, что-нибудь симпатичное для детей, для дома, для себя, для друзей и помощников.

По тем временам я зарабатывала очень прилично. После первого тура по Европе, когда мы поняли, что у нас достаточно долларов, я сказала Бобу:

— Почему бы тебе не послать немного денег матери?

Он удивился:

— А зачем?

Я сказала:

— Да просто так, пусть будет сюрприз.

Тетушка так нас воспитала: когда есть деньги, надо поделиться. Купить хлеба, например. И этот первый тур принес нам больше долларов, чем мы когда-либо видели. Боб послал денег матери, и она была просто счастлива — даже позвонила нам, чтобы сказать:

— Я знаю, Рита, это была твоя идея.

Я также настаивала на том, чтобы другие дети Боба получали от него поддержку, чтобы их матерям не приходилось искать его и просить. Ни одна из них не может сказать, что он забыл про своих детей. Впоследствии, правда, мне было проще брать этих детей к нам домой. Следить за их зубами, здоровьем, школой было непросто, мы порой едва справлялись, поэтому и решили просто взять их к себе. Теперь их матери приходили на Хоуп-роуд и играли со своими детьми, говорили: «Ой, да ты подрос!», а мне: «Добрый день, миссис Марли» или «Привет, сестра Рита». В наших взаимоотношениях я исполняла роль матери, хозяйки дома, хотя некоторые из них и болтали: «У нее кольцо, зато у меня мужик», — и тому подобную ерунду. Но постепенно их стало так много, что я уже не беспокоилась, я думала: «Мелите что хотите, муж все равно мой».

Я никогда не пересматривала свою позицию по этому вопросу. С одной стороны, я просто несла свой крест, но с другой — тут скорее уж была настоящая любовь. Поведения Боба я не одобряла, но изменить ничего не могла. Я пыталась быть хорошей матерью и поддерживать своих детей. По большей части матерями других детей были местные девушки или случайные знакомые на одну ночь — насколько мне известно, там не было ничего, похожего на романы. Иногда Боб даже говорил, что не знает, как это получилось, — с ума сойти! Но он всегда их уважал как женщин. «Мужчина должен иметь достаточно женщин», — говорил он. Опять-таки тетушка мне помогала заботиться об этих детях, хотя находила это странным и не понимала меня.

Потом, между турами, Боб начал регулярно встречаться с Синди Брейкспир. Синди была одной из кошечек Криса Блэкуэлла и уже жила на Хоуп-роуд со своим братом, когда Боб получил это здание. Крис держал этих милашек для удобства, так что Синди упала Бобу прямо в руки вместе с домом — как квартиросъемщица. Она действительно платила ему ренту какое-то время. Насколько я знаю, она происходила из такой ямайской семьи, где в порядке вещей подкладывать своих дочерей под мужчин с деньгами. Они сопровождали их в поездках, были всегда под рукой в выходные, вели определенный образ жизни. Боб на самом деле спас Синди, потому что она ему понравилась. Он помог ей повернуть жизнь в другое русло, иначе она бы стала… ну, да неважно. Боб дал ей импульс. Он был такой — и это еще одно его хорошее свойство, — всегда принимал женщин всерьез, говорил: «Ты способна на большее, чем тебе кажется». И мне тоже так говорил.

Синди была одной из женщин в его жизни, которую я не

могла понять, и до сих пор не могу. Во-первых, мне не нравилось ее имя: Син-ди[3]. Меня прикалывают имена. Когда я про нее узнала, я спросила:

— Боб, что ты нашел в этой греховоднице?

На той стадии мы были настоящими друзьями и могли запросто разговаривать о его девицах, потому что если бы мы были только мужем и женой, то давно бы развелись. Но мы переросли ревность, хотя по-прежнему поддерживали наши отношения как основные. И вот я спросила моего дружбана Боба:

— Что это еще за Син-ди? Может ей имя сменить?

А Боб мне ответил:

— Что ты вдруг выдумала? Вечно ты все преувеличиваешь!

Я заявила:

— А что-то не нравится мне это имя, Син-ди. Если собираешься с ней гулять, держись от меня подальше.

Я тогда была с ним очень прямолинейна. Боб это знал и иногда говорил: «Ну ты и горячая однако». Да, я порой бываю горячей, это мой единственный способ показать обиду. Тогда, как и сейчас, я знала: я черная и красивая — чем и горжусь. Среди всех этих светлокожих «девушек с обложки» мне только и оставалось гордиться собой.

Помню, пришла я как-то на Хоуп-роуд, где Синди снимала комнату у Боба. Он был там и кокетничал с ней. Я это заметила, но скандала не устроила — делить мне с ней все равно нечего. Если Боб хочет, пусть его. Если она ему нравится — это его дело, если он получает удовольствие — отлично. Но я обиделась — думаю, это естественно. Помню, как она посмотрела на меня и поняла, что я в курсе происходящего. Но она тоже была в курсе, что он приходит домой есть, видится с женой и детьми, иногда остается ночевать. И она знала, что он полагается на меня в том, чтобы хранить его семью.

В турне мы иногда ходили по магазинам, и он говорил мне:

— Рита, Синди попросила меня кое-что привезти.

И я отвечала:

— Очень мило.

Но иногда, если я злилась на него за что-нибудь или просто хотела проверить его чувства ко мне, я могла сказать:

— Я возьму и себе немного, ладно?

И он всегда соглашался:

— Конечно бери, хочешь — забирай все! — Всегда обходились миром.

Женщины вроде Синди были угрозой для наших отношений, они могли отобрать мужчину, и, разумеется, таково и было их

намерение. Это они говорили обо мне: «Но она такая заурядная. Почему она не делает то-то и то-то? Она — посредственность». Я быстро поняла, что это особый тип девиц: они не просто хотели моего мужа, они в принципе не представляли себе ситуации, когда две женщины встречаются с одним мужчиной и при этом все же сохраняют «дружеские» отношения. Но после той сцены с Эстер Андерсон я больше никогда не разрешала себе вступать с девицами в перебранки из-за Боба. Я боец, но в некоторых случаях предпочитаю уклониться, хотя могу сразить иронией и сарказмом. Синди мне впоследствии даже начала нравиться. Она бывала на наших концертах в разных частях света, а когда она забеременела, я была счастлива, потому что счастлив был Боб.

Могу сказать еще одно слово в защиту Боба — он никогда не позволял этим женщинам относиться ко мне неуважительно. Может быть, та сцена с Эстер Андерсон научила его — что Рита может сорваться с цепи, если захочет. Иногда он приводил меня в пример. Одну из своих девиц он призвал обратить внимание на мои ноги — какая я подтянутая благодаря тренировкам. И девушка передала мне его слова! Он сказал ей:

— Посмотри на ноги Риты, они у нее сильные, как у львицы!

Так что несмотря на других женщин, я знала, что уважение ко мне сохраняется. В определенной степени Боб сам был со мной обходителен. Я не считала, что должна прерывать его сторонние отношения, хотя иногда ситуации возникали мучительные, и я не могла понять, что происходит. Но я устала стоять у него на пути. Пока он уважает меня и помогает деньгами мне и детям, я смогу терпеть его поведение. Да если бы дело касалось только секса, пусть бы спал хоть со всем миром, если ему так хочется!

Я всегда оставалась на этой позиции. Я любила его не меньше, чем другие, а то и больше, и он знал, что может рассчитывать на меня. Он зависел от моей поддержки, от моего сестринского отношения. В то же время он знал, что я рядом с ним не из-за прихоти, не из-за его славы. Я возвращала его к реальности, потому что была рядом с самого начала, с единственных подштанников, которые стирали мои руки.

Глава десятая
«BABYLON BY BUS»
(По Вавилону на автобусе)

В одном из недавних документальных фильмов про Боба есть кадры, где появляюсь я. Сначала показывают его на заднем сиденье автобуса, окруженного людьми, которые разговаривают и смеются, а потом камера перескакивает на меня — солнце светит на маленькую черную женщину в платке. Я прислонилась к окну и сижу одна, о чем-то задумалась или, более вероятно, медитирую. Временами я могу быть очень задумчивой, особенно в пути — «по Вавилону на автобусе» (так называется альбом), — иногда нужно действительно помедитировать в поисках позитива, потому что работа, которой мы занимались с Бобом, я знаю, не нравилась дьяволу! Это была музыкальная война — добро против зла!

Семь лет мы так путешествовали. Я пела для него, потому что любила его, верила в его призвание и чувствовала, что его дело было великим, по-другому не скажешь. Это величие, как я его понимала, было подлинным, не просто занятие, скорее — судьба. Что же до меня, то, как и Марсия с Джуди, я была в некотором роде невидимкой. Обычно в то время имена бэк-вокалистов не помещали на афишах и ни в какой рекламе или публикациях не упоминали. Писали просто «Bob Marley and the Wailers», а мы работали там все вместе, наравне. Разве что иногда рекламщики могли упомянуть, что «голоса „I-Three“ — само совершенство», или что-нибудь столь же обрывочное. Хотя мы всегда выступали с Бобом, а позже и отдельно на разогреве, группу никогда не называли «Bob Marley and the I-Three».

Тем не менее, если бы нас не было, Боб тоже не смог бы работать, мы были лучиками света на его сцене, сливками в кофе ночных выступлений. И мы все равно выходили на сцену, даже если мы с Бобом разругаемся перед концертом. «I-Three» были важны для его музыки, потому что он добивался именно того звука, как ему нужно, и удаление одного из элементов изменило бы всю картину. Мы также танцевали и приносили вдохновение самому Бобу, он зависел от этой энергии, позволявшей ему усилить собственный творческий импульс. Все, что мы делали, было естественно и спонтанно. Мы не репетировали пошагово, распределяя, кто что должен делать. Могли отработать заранее какое-нибудь движение, но акцент делался не на танцевальных

ходах, а на пении, мы должны были находиться в гармонии, иначе все развалилось бы. Я отвечала за гармонию, и на меня смотрели как на лидера группы: если что-то шло не так, я должна была найти и исправить ошибку. Что касается «I-Three», это было шоу, Боб надеялся на меня в этом аспекте, и я всегда очень старалась.

Разумеется, если что-то не удавалось, он ругал именно меня, все шишки доставались мне. Он говорил:

— Ты плохо слышишь? Сегодня гармония была неправильная. В чем дело?

— Не знаю, я пела правильно; может быть, это ты меня не слышал?

— Вот что, Рита, дуй-ка в мою комнату и порепетируй после шоу, ладно?

Мы начинали спорить, и он на меня давил. Но я всегда старалась найти проблему, и тогда он радовался: «О, точно», или «Вот так и должно звучать, теперь это работает», или «Ну, девушки, молодцом!» Он всегда очень тщательно работал со звуком на сцене. Все его уважали и доверяли его музыкальному чутью.

Вне сцены я иногда чувствовала, что Боб начал раздражаться, как будто я говорю ему что-то такое, чего он не хочет слышать, или делаю какие-то вещи как бы ему назло. Он ничего не высказывал прямо, но я чувствовала, что это происходит, потому что он частенько оставался поболтать с другими женщинами, вместо того чтобы идти спать. Одно время с нами путешествовала Паскалин, принцесса из Габона. Она ехала за нашим автобусом в лимузине, и Боб иногда пересаживался к ней, а я оставалась в автобусе. Если он делал что-то подобное тайком, это было не так обидно, но когда все происходило на глазах у всех, было больнее. Иногда Паскалин и ее сопровождающие прилетали на Ямайку на частном самолете и оставались на несколько дней. И я думала: «Что Боб делает со своей жизнью? Что мне делать? Что я могу?» И я делала, что могла.

Что же до Марсии и Джуди, мы были как сестры. Всегда вели женские разговоры, и не только обо мне, потому что у каждой были свои трудности. К моей ситуации они всегда относились с сочувствием. Они были очень ко мне добры, говорили: «Ты не заслуживаешь такой мерзости» или «Как ты вообще все это выносишь?» Но я думаю, что судьба моя такая.

Между тем дети пытались понять, почему мамочка с папочкой уехали и оставили их старенькой тетушке. Мы перевели их в другую школу, где миссис Алет, директриса, отнеслась к нам с пониманием: ей было не важно, что Боб и его семья —

растаманы. Я получала такие письма от детей: «Мамочка, тетушка не дает нам даже смотреть телевизор, после восьми часов все выключает!»

«I-Three», со мной в середине, становились образцом для подражания. Иногда я пела, а у меня слезы наворачивались на глаза из-за некоторых ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться. Я думала, зачем продолжать? Надо сойти с дистанции и ехать домой к детям. Но потом я понимала: уехав, я сломаю хорошее дело, нужное множеству людей по всему миру. «Прибегни к Господу со своими печалями, а не к людям», — думала я и молилась. И вносила свою часть труда в общее дело, пела искренне и от всего сердца, и мне за это платили. Каждую неделю, как всем. Так что я могла поддерживать себя не только физически, но и духовно. И в хорошие дни, хоть я и не была абсолютно счастлива, я чувствовала себя свободной и независимой. Мне казалось, сейчас я могу делать что захочу, могу купить одежду или обувь, какие мне нравятся, могу быть кем хочу быть.

В одном из таких туров я впервые встретила моих сестер Диану и Жанет, рожденных в Стокгольме. Я, помнится, спрашивала тетушку:

— А Швеция — это где?

И она отвечала:

— Намного дальше Германии.

К тому времени как папа и Боб познакомились, у отца уже были эти две прекрасные дочери, и естественно, после знакомства они следили за карьерой Боба. Их мать, хотя она едва говорила по-английски, звонила мне и спрашивала, когда мы снова приедем в Стокгольм с концертами, потому что мы там регулярно выступали. У нас сложились хорошие отношения — когда бы мы ни приехали, все знали, что Диана и Жанет придут на концерт и потом к нам в гостиницу. Они приводили друзей, и те забавно удивлялись тому, что мы сестры — в них можно было при желании увидеть ямайскую примесь. Они тоже стали певицами — поют сейчас в одной из лучших стокгольмских поп-групп; мы по-прежнему переписываемся и видимся.

Семь лет странствий по Европе, Америке и Африке перемежались работой в студии над альбомами, отдыхом в Булл-Бэй и другими событиями, которых никто не мог предвидеть. Хотя мы с Бобом остались друзьями и я неплохо справлялась с его загулами, мне все еще приходилось терпеть его собственническое отношение ко мне, от которого он не отказывался, что бы я ни говорила и что бы ни делала. Это оказывало на меня больше

давления, чем мне хотелось бы. Хотя он со своей стороны блудил прямо у меня под носом (в основном с девицами на одну ночь), он очень подозрительно относился к моей возможности завести роман.

Когда мы ругались, я всегда говорила:

— Какая разница? Я твоя жена, но не твоя рабыня. Я не девушка по вызову, которую высвистывают, когда одно место зачесалось. Или у нас любовь, когда тебе того захочется? Нет, нет и еще раз нет! Оставь меня в покое, пока гуляешь со всеми этими женщинами — в каждом городе непременно нужно кого-то подцепить? Мисс Брюссель? Мисс Майами-бич? Нет уж!

Когда мы начали ездить в турне, Таки все еще помогал тетушке с детьми. Иногда он звонил мне, чтобы заверить, что все в порядке, и рассказать о происшествиях, или я звонила и просила его навестить детей и потом перезвонить мне. Как я уже говорила, он был моим очень хорошим другом. Но Боб завел манеру просматривать мои телефонные счета. Когда мы выписывались из гостиниц, он всегда говорил промоутеру: «Принеси-ка мне счет Риты». Да, он был такой — невозможно представить, до чего он доходил, ревнуя меня, — так ревновал, даже люди из группы с трудом верили своим глазам. Минни до сих пор качает головой, вспоминая его абсурдное поведение.

Я помню одну сцену с Невиллом Гарриком, осветителем из «Tuff Gong» (так называлась компания Боба). Это случилось во время тура по США, куда Боб взял с собой Иветту Андерсон. Когда мы регистрировались в отеле, он улыбнулся мне, я улыбнулась в ответ, и мы разошлись по своим комнатам. Позже мне захотелось покурить, и я позвонила Невиллу и попросила принести мне немного травы. Когда Боб, как обычно, пришел, Невилл был у меня, и с Бобом чуть припадок не случился, так он кричал:

— Что ты здесь делаешь?!

Невилл объяснил:

— Рита косячок попросила…

Без лишних слов Боб вытащил меня из кровати, рыча, подержал в воздухе и швырнул обратно! Невилл жутко испугался! Когда Боб вышел, Невилл чуть не плакал:

— Теперь он отправит меня домой…

Я сказала:

— Нет-нет, до этого не дойдет.

Бедный Невилл, он был такой скромный, принес мне покурить из сочувствия, зная, что Иветта крутит с Бобом прямо у меня на глазах. Но Бобу непременно понадобилось устроить сцену, хотя Невилл, как и прочие члены группы, всегда проявлял

ко мне только доброжелательность и уважение. Но Боб был тем не менее невероятно ревнив, постоянно следил за мной и подкарауливал меня. Я никогда не понимала, как в нем могут сочетаться такие противоречия.

Дома, правда, он был обычно занят делами на Хоуп-роуд. А я имела возможность отдохнуть и побыть с семьей. Турне и концерты могут истощить даже сильного, молодого человека, любящего выступать и с энтузиазмом делающего свое дело. Даже если знаешь, что ты создан для этого, все равно тяжело. Но дома меня тоже многое привлекало. Ферма в Кларендоне по-прежнему работала, и Минни была рядом и помогала. Боб поддерживал нас и, бывало, приезжал на ферму просто собрать урожай. Иногда мы ехали туда и оставались ночевать. Боб любил сельское хозяйство и многому меня научил. На нашей ферме было очень спокойно, никто не тревожил, и у нас там была постройка, где можно было отдохнуть — дом на три спальни, который достался нам вместе с фермой. Во дворе находилась большая кухня, где мы готовили. Дни, проведенные там, когда я пользовалась безраздельным вниманием, до сих пор занимают особое место в моей памяти.

Ничего этого могло бы не быть, если бы не тетушка, заправлявшая делами вместе с мисс Коллинз. Без тетушки я бы никогда так хорошо не устроилась. Все ее строгости с детьми я одобряла, потому что она старалась не допустить всякой ерунды. Я могла видеть на себе результаты ее усилий и желала того же и для детей. Времена на Ямайке постепенно — очень медленно — менялись, в том числе для женщин. Хотя дети и жаловались на мое отсутствие, они восхищались тем, что я делаю. Моя работа расширяла их жизнь. Они во всем равнялись на меня: «Мамочка говорит то-то и то-то, она делает так-то и так-то». Мои сорванцы уже подросли — все, кроме Стефани, которая была еще малышкой, ходили в школу. Я считала, что для них важно знать, чем мамочка занимается. Иногда они напоминали мне: «Мамочка, уже пятница, ты разве не едешь на ферму? Папочка тоже поедет? А можно и мы с тобой?» И мы их брали, чтобы провести время вместе. Боб любил эти выходные, потому что любил детей. Они были его настоящими друзьями, так он всегда говорил.

Когда я отсутствовала, были люди, которые за меня следили за рестораном «Царица Савская». Особенно Минни. Когда же мы были дома на Ямайке и работали в студии, она приходила на репетиции, чтобы составить нам компанию, приносила соки или еду, всегда делилась мнениями о музыке: «Из этой песни вряд ли получится хит, а вот из этой — наверняка». Оттого, что мы с ней были очень близки и обе по характеру воительницы, о нас ходило много слухов. Мы обе — «жаворонки», и тогда мы любили вместе

бегать по утрам. Проснемся, бывало, в четыре утра, и давай друг другу звонить. Дети на нас злились, потому что они знали: если телефон трещит в такую рань — это либо Минни мне звонит, либо наоборот. Боб слухам не верил (они касались нашей сексуальной ориентации), но не верил и в то, что я действительно бегала с Минни в пять утра вокруг местного пруда (пруд был мили четыре в поперечнике, и мы, бывало, делали два или три круга). Однажды утром Боб приехал неожиданно и, конечно, застал нас возле пруда. Но он хотя бы продемонстрировал свою добрую волю и подготовку — пробежался с нами, правда, только один круг. Ему не верилось, что мы легко можем сделать три!

Люди часто принимали Минни за сестру Боба, потому что у них был похожий цвет кожи и, по словам Боба, лоб и щеки тоже были похожи. Где бы мы ни оказывались вместе, ее сразу замечали и спрашивали, не сестра ли она ему, и Боб этого не отрицал. Он признавался мне, что «некоторые братья рассказывают мне разное о вас с Минни», но ей он говорил: «Я знаю, что ты не такая, ты моя сестра, и ты — раста».

Многие люди боялись Боба, когда он выходил из себя, потому что, как Минни говорит, он мог быть очень грубым и жестким. Я помню, как-то Минни спросили:

— Это твой брат?

Она постеснялась ответить, что да, брат, потому что чувствовала, что он суперзвезда, а она так — на подхвате в группе поддержки. Вместо этого она ответила:

— Он мой брат в растафари.

Боб огляделся по сторонам и сказал громко и внятно:

— Что еще, к такой-то матери, за «брат в растафари»? Человек спросил, сестра ли ты мне, отвечай «да» или «нет»!

Минни защищала и утешала меня, всегда была мне другом, которому можно обо всем рассказать и который в любую минуту утешит: «Не бери в голову…» Через нее я познакомилась с Анджелой Мельхадо, еще одной бегуньей. Втроем мы бегаем по Ямайке уже лет тридцать. Анджи и Минни выросли по разные стороны одной дороги в Кингстоне — Минни говорит, что богатые родители Анджи были для нее как Санта-Клаус. Многие годы спустя они столкнулись случайно на дорожке вокруг пруда, и с тех пор мы бегаем втроем. Еще мы плаваем. До сегодняшнего дня мы любим речки, и где бы ни пряталась вода на острове Ямайка — в буше, в горах, — мы ее находим и там купаемся. Мы изъездили эту страну вдоль и поперек, потому что знаем — она красивая и особенная. И мы любим одно и то же — любим молиться, любим помогать людям. Анджи и Минни занимаются рисованием в центрах, где лечат от наркомании, и других

подобных местах.

Тогда Анджи жила за городом на своем участке земли в горах. Как и я, она любила выращивать фрукты-овощи. В тот день, когда Минни привела ее на Хоуп-роуд познакомиться с Бобом, Анджи принесла с собой красивую соломенную корзину, наполненную плодами из ее сада. Она поставила корзину на землю, когда Боб вышел из дома, и в процессе знакомства сказала:

— Вот, я тут кое-что принесла.

Боб посмотрел на корзинку и поинтересовался:

— А что там?

И Анджи сказала:

— Да вот, я вырастила эти овощи и хотела вас угостить.

Боб чуть не сел прямо там, где стоял. Он был очень тронут, потому что он всю жизнь что-то отдавал людям, а ему самому люди редко что-нибудь давали. Так что он, я думаю, очень удивился и просто стоял, склонив голову слегка набок, глядел на Анджи и повторял:

— Здорово, здорово, большое спасибо.

Когда Минни ездила с нами в турне, она помогала мне с одеждой и прочими вещами, но особенно с едой. Набравшись опыта, она открыла ресторан здоровой пищи, тоже на Хоуп-роуд, с кухней, развивающей идеи, которые мы опробовали в «Царице Савской». Все там собирались на ланч, обмениваясь слухами над тарелками с самой замечательной пищей из лучших свежих продуктов, какие только можно себе представить, потому что Минни всегда вставала рано и была первой на рынке. Ни одна из нас не занималась ресторанным делом только ради денег, мы пытались показать бедным людям стиль жизни, одновременно простой и здоровый. Это было не так сложно, но очень эффективно. На Ямайке есть поговорка, что человек должен превратить горечь в сладость. А мы превращали ее в лимонад!

В 1975-м Минни помогла мне устроить первый день рождения Боба. Мы приготовили множество угощений в «Царице Савской». За всю его предыдущую жизнь — тридцать лет! — Боб ни разу не праздновал дня рождения! Он даже немножко всплакнул на празднике, хотя и без него там было кому плакать — дети Минни и мои, другие малыши: Джуди Моватт привела своих детей, другие члены группы тоже. Боб всем рассказал, что это его самый-самый первый день рождения. Он прошел отлично, и на Ямайке с 1981 года 6 февраля отмечается как День Боба Марли.

Многие тексты песен Боба отражают нашу частную жизнь, от

«Nice Time» и «Chances Are» до «Stir It Up», которую он сочинил, когда я вернулась из Делавэра. И, конечно же, «No Woman No Cry». Иногда в турне, если мы ссорились перед концертом и он хотел извиниться, во время исполнения этой песни он пользовался случаем и подходил ко мне на сцене, приобнимал за плечи, целовал либо шептал «я тебя люблю» мне на ухо.

Я могла бы много говорить о значении этой песни, потому что обычно Боб писал не в одиночестве — иногда с Банни, или Питером, или Дримом, с кем-нибудь из друзей. Рядом обязательно кто-нибудь постукивал по барабанам или что-нибудь мурлыкал. Под конец дня Боб спрашивал у меня совета, мог позвать и спросить: «Ты читала то, что я написал прошлой ночью? Вон там, на столе», или «Ну, как это звучит?», или «Я правильно здесь написал?», или «Так это говорится?» Большинство текстов, особенно ранних, произрастали из нашей общей жизни. Не подумайте, что я на что-то претендую, но мы многое делали вместе. Иногда мы брали тексты из Библии или псалмов. Наша маленькая подвальная студия в Булл-Бэй — вот где Боб достигал глубин своей души. Он стремился, чтобы его тексты несли позитивные вибрации — мира, любви и единства. На следующий день он появлялся со словами «Ух, мы могли бы еще вот это попробовать» — и развивал уже начатое, делал следующий шаг.

В какой-то период в те кочевые годы, хотя проблемы оставались, мы снова стали лучше ладить и жить как муж и жена. Примерно в то же время мы взяли к себе Карен, которая родилась в Лондоне, и ее мать отвезла девочку на Ямайку своей бабушке (прабабушке ребенка). Мать уехала, а потом сообщила Бобу, что ребенок на Ямайке. Думаю, она хотела подбросить дочку поближе, чтобы Боб о ней заботился. Типичная ямайская история (и я сама не исключение, чего греха таить).

Когда Боб сказал мне:

— У меня есть дочь в Харбор-Вью, — я слегка удивилась, и больше месту, чем факту. Он предложил:

— Тебе надо поехать на нее посмотреть.

Я поняла, что он беспокоится за ребенка, и согласилась. Когда я приехала, прабабушка сказала девочке:

— Вот твоя мама.

Девчушка, которой было четыре или пять лет, застенчивая и очевидно несчастная, назвала меня «мамочкой», а когда я стала уходить, поговорив с прабабушкой, расплакалась. Вернувшись домой, я сказала Бобу, что, наверное, мы должны ее взять к себе, потому что прабабушка явно не справляется.

— И пусть они со Стефани растут вместе, — предложила я, — потому что Карен на год старше, а Стефани слишком маленькая

для старших, вот девочки и составят друг другу компанию.

Боб уже привык к такому моему образу мысли, но все же спросил:

— Ты действительно на это настроилась?

Я не сомневалась ни минуты:

— Конечно.

И мы взяли Карен к себе жить. Она, Стефани и Стивен, поскольку он был близок к девочкам по возрасту, росли как тройняшки. Из них получилась отличная команда. Карен была лидером, а Стефани всюду за ней следовала. Иногда, если у меня выпадало несколько свободных дней во время турне, я летела их повидать. Однажды я приехала неожиданно, в девять вечера, и обнаружила, что Карен и Стефани нет дома. Я вызвала полицию, подняла на ноги всех, кого знала, даже их приятелей, и мы отправились на поиски. Я так беспокоилась, чуть с ума не сошла! Мы нашли их у друзей на следующий день: они побоялись возвращаться домой, потому что было поздно, и не ожидали, что я вернусь и подниму всех на уши!

В некотором смысле, хотя я и объездила пол-мира в те годы, душой я оставалась на одном и том же месте, там, где я находилась, когда приехал водитель Боба и срочно забрал меня в студию. Время от времени, когда мы были дома, я говорила Марсии и Джуди:

— Вы уж извините, подруги, вы можете продолжать, но я думаю завязать со всем этим и оставить его одного.

Потому что между турами у Марсии была ее карьера, и у Джуди была своя, а моя жизнь была привязана к Бобу, и я чувствовала себя неудовлетворенной, а то и попросту использованной. Когда я сказала ему, что мне необходимо сделать что-то для себя, он сразу меня поддержал — я знаю, ему было меня жалко, и он понимал, что я чувствую и о чем думаю, — Боб был со мной честен. Он даже написал для меня песню, «Play Play Play». Он понимал меня еще и потому, что всегда имел свои представления о том, кем хотел меня видеть. Если я жаловалась на то, что он заводит детей на стороне, он говорил:

— Но ты же не можешь родить всех детей, которых мне хочется иметь. Я не желаю, чтобы ты беременела каждый год, это слишком большая нагрузка на твое тело. — Это был один из его постоянных доводов, что он снимает «нагрузку» с моего тела.

— Ты ведь хочешь работать, я знаю, — говорил он. — Ты хочешь петь.

Но когда у меня появилась возможность работать соло, его понимание куда-то испарилось: он хотел все держать в своих руках. Возможность записываться возникла только в конце 70-х

благодаря предложению французской компании «Hansa Music». Если «I-Three» разогревали публику перед «The Wailers», каждая из нас по очереди солировала. Боб делал заявления и привлекал внимание заморской прессы, поэтому однажды люди из «Hansa» пришли на наш концерт во Франции и сказали:

— Рита, ты могла бы сделать сольную карьеру, у тебя прекрасный голос и твои альбомы будут хорошо расходиться, давай прощупаем почву.

Они думали, что во мне нашли что-то значительное. Франк Липсик, глава компании, и Катрин Петровски, их PR-менеджер, приехали на Ямайку познакомиться со мной. Франк Липсик был в восторге — он начал звонить мне каждый день и говорил:

— Мы за тобой приедем, мы хотим привезти тебя в Париж!

Они собирались делать что-то грандиозное, и, естественно, мне тоже было интересно. К тому же я понимала, что для меня важно попробовать сделать что-то самостоятельно.

Однако Боб заявил:

— Нет, это все не нужно.

— Но это мое! — возразила я.

— Если хочешь что-то сделать, пусть это будет семейным делом, — настаивал он. — Зачем нам надо, чтобы белые украли наш бизнес? Оставь все в семье! Почему ты так поступаешь? Бросаешь меня одного, когда мы пытаемся создать собственное направление? Может, подождешь немного? Дай мне разделаться с моими заботами, и я займусь тобой.

Но я сказала:

— Твои заботы — это твои заботы, а я чувствую, что зарываю свой талант в землю.

И несмотря на его неодобрение, я согласилась сделать альбом для этой компании и начала посылать им кассеты по мере того, как мы продвигались с записью альбома. Что до Боба, я знала, что он выйдет из себя, но в то же время — хей-хей-хей — я могу петь!

Когда Боб узнал о контракте, то был рад за меня, но все еще противился:

— Мне это не нравится.

А я говорю:

— Смотри, вот мой чек! Это плата за альбом! Так что у меня теперь есть обязанности.

Мне дали пять тысяч долларов аванса, в то время большие деньги. Я отправилась в Париж для интервью, потом они прислали фотографов в Кларендон для фотосессии. Они хорошо знали свое дело и взялись за меня как следует. В какой-то момент меня послали в Швецию, на радио и ТВ, потому что альбом

должны были скоро издать в этой стране. И в аэропорту меня встречал мой отец! Папа прослышал, что я приезжаю, и ждал меня. Так много лет прошло, и вот он передо мной — я не могла поверить! Мы обнялись, и он сводил меня во всякие разные места, мы фотографировались, а на следующий день наша история была в газете: «Потерянный отец найден в Швеции». Со времени моих побегов в Бруклин к нему и мисс Альме мы с папой увиделись в первый раз. Я провела с ним четыре или пять дней, и мы были счастливы видеть друг друга. Я любила папу, и было тяжело после долгой разлуки и встречи снова покидать его. В следующий раз я увидела его только на похоронах Боба.

Альбом, который я делала для «Hansa Music», должен был называться «Who Knows It Feels It», и их люди приехали для завершающих сессий. Мы сделали одну фотосъемку и на следующий день должны были поехать за город для еще одной фотосессии, когда появился Боб и погнался за журналисткой. Думаю, он слегка сошел с ума от ревности в тот момент. Он начал кричать на нее:

— Проваливайте отсюда и оставьте ее в покое! Я сам заключу с ней контракт! Я сам буду ее продвигать! Вы ее просто используете, хотите ее украсть…

Катрин Петровски, приятная молодая женщина, плакала как ребенок. Она говорила:

— Нет, Боб, дело не в этом, Рита тоже личность, у нее есть талант, и она может быть тем, кем она хочет быть.

Мне было ужасно жалко эту белую девушку. Но Боб выгнал ее, повторяя:

— Оставьте мою жену в покое. Оставьте ее в покое!

Ощущения были ужасные, ярость и стыд смешались в моем сердце. Но мы собирались вот-вот уехать в турне, и в тот момент я не могла ничего исправить.

Боб знал, конечно, что я этого так не оставлю. И к счастью, Катрин Петровски меня не бросила. В Европе она появлялась на каждом концерте, вежливая, но решительная, чтобы записывать мои интервью для альбома. Вместо того чтобы сражаться с Бобом, мы терпеливо объясняли, что у меня все получается и что все договоренности остаются в силе. Наконец однажды ночью в Брюсселе мы его домучили. Он посмотрел на Катрин, глаза в глаза, и признал:

— «Hansa» — это шанс для Риты!

Так что все-таки я стала с ними работать. К сожалению, когда Боб заболел, я была на очередной PR-акции для альбома и прямо оттуда поехала в госпиталь. И его мать сказала:

— Что это ты взялась за свою карьеру ни с того ни с сего,

когда ему это меньше всего нужно?

Я пыталась ей объяснить, что от меня уже ничего не зависит, что все было запущено в движение много раньше, когда он был еще здоров. Но в конце концов, хотя я не хотела снова бросать начатое, я чувствовала, что должна это сделать. Здоровье Боба всегда имело для меня главное значение. Думаю, можно воспринять это как иронию судьбы, но мне просто грустно, что эти моменты совпали, что Боб оставил меня как раз тогда, когда я должна была стать самостоятельной исполнительницей, а не просто бэк-вока листкой. Но прежде, чем этот момент настал, произошло еще очень многое…

Глава одиннадцатая
WAR
(Война)

Осенью 1976 года, ввиду намеченных выборов, уровень преступности на Ямайке был высоким, напряженность росла, и правительство не могло поддерживать стабильность в некоторых районах Кингстона. Мы были независимой страной с 1962 года, и черные наконец получили право голосовать, но многие бедняки на Ямайке по-прежнему терпели лишения, не только в гетто вроде Тренчтауна, но и в сельских районах наподобие Сент-Энн. Обе ведущие политические партии, Ямайская трудовая партия (ЯТП) и Народная национальная партия (ННП), продолжали давать обещания, которые не могли выполнить, и не переставали использовать бандитов в своих целях. Когда наступило время политики, партийные боссы раздали оружие и велели: «Идите убейте оппозицию». Но после выборов они не смогли забрать это оружие назад, потому что бандиты уже вошли во вкус. Так что повсюду были уличные громилы, опьяненные властью, которую давало им оружие, и война продолжалась уже сама по себе.

К этому времени мы достаточно долго ездили в турне, чтобы быть известными по всему миру, и это только поднимало и без того высокую репутацию Боба на Ямайке. Дома на него смотрели как на «глас народа», и молодежь в гетто к нему очень прислушивалась. Несмотря на его переезд в престижный район города, к нему по-прежнему относились с большим уважением. Самые отъявленные убийцы и головорезы приходили к нему за помощью. Дом на Хоуп-роуд превратился в благотворительный центр — ночь там не наступала, двадцать четыре часа в сутки приходили люди и требовали Боба. Он стал в каком-то смысле важнее премьер-министра. Получалось, будто он должен жить для других. В дополнение к этому обе партии пытались перетянуть его на свою сторону, и Бобу меж двух огней приходилось несладко. Он жил теперь очень опасной жизнью — просто потому, что своей музыкой привлек внимание всего мира к Ямайке. Может показаться, что находиться на вершине приятно, но не тогда, когда тяжелый груз ложится на твои плечи. Можно забраться высоко, но тогда ты открыт всем ветрам. У Боба не было больше времени на себя, и никакой возможности уединиться.

Дошло до того, что эти люди пасли его — люди, которые

считали, что он должен держать их рядом для «защиты», потому что его «кто-нибудь может убить». С другой стороны, он мог помочь им деньгами, что он и делал. Так что у них были причины виться вокруг него, не спуская глаз с добычи. У Боба началась легкая паранойя, он просыпался по утрам с чувством, что сейчас ввалятся какие-нибудь головорезы и разделаются с ним. Столкнувшись с подобной ситуацией, я попросила:

— Не втягивай только в это детей и «семейный» дом.

Были случаи, когда нам приходилось спать на полу, потому что мы уступали свои кровати бандитам, которым нужно было укрыться от других бандитов.

Впоследствии — неизбежно — его попросили помочь стабилизации в стране, утихомирить разбушевавшуюся молодежь в гетто. Власти сказали ему: «Боб, только ты можешь сказать некоторые вещи через музыку. Выступи для народа». Они хотели организовать умиротворяющий концерт под названием «Улыбайся, Ямайка!», чтобы всех успокоить перед выборами, которые должны были произойти в декабре. Боб пригласил Питера и Банни, как членов оригинального состава «The Wailers», но те отказались. Питер сказал, что мир ему не нужен, нужны равные права и справедливость. Банни же вообще в политику предпочитал не вмешиваться. Предполагалось, что концерт, спонсируемый Министерством культуры Ямайки, будет бесплатным. Сначала собирались провести его в Джамэйка-хауз, но мне приснился сон, что надо поменять место, — я рассказала об этом Бобу, и он устроил так, что концерт перенесли в мемориальный парк в Кингстоне.

Мы были все еще молоды — Бобу был тридцать один год, мне тридцать, — в таком возрасте и в таком заметном положении в бизнесе, где полно продюсеров, менеджеров и прочих умников, не всегда можно сказать «нет» самостоятельно. Тебе все время что-нибудь советуют, и часто решения других людей определяют пресловутое «как раз то, что тебе нужно». И даже с полным штатом советчиков Боб все равно оставался беспомощным в некоторых ситуациях, которые были в большей степени связаны с его общественным и политическим положением, чем с карьерой.

Итак, он решил провести этот концерт, хотя и понимал, насколько опасной стала ситуация. Дату проведения назначили на воскресенье, 5 декабря 1976 года, но вместо того, чтобы стать народным делом, концерт превратился в дело для политиков. А Боба просто использовали. Пошли слухи, что он выступает для правящей партии, ННП, хотя это не соответствовало действительности. Однако слухи повлекли за собой действия со стороны оппозиции, и Боба предупредили, что лучше не

выступать, иначе его убьют. За неделю до концерта завсегдатаи Хоуп-роуд стали замечать посторонних на территории дома. Боб серьезно влип, и это было ужасно — все эти противостояния и противоречия. Но он был твердо намерен сделать шоу для простых людей, которые как раз и страдали больше всего.

В пятницу, за два дня до концерта, во время репетиции мы услышали звуки, похожие на взрывы петард. Я еще подумала: «Какие могут быть петарды, Рождество еще не скоро — хотя бывает же китайский Новый год, может, в этом дело…» Позже, ближе к вечеру, я попрощалась с Бобом, потому что собиралась ехать на еще одну репетицию, в театральный кружок. Туда я продолжала ходить, когда не была в отъезде, — мы готовили мюзикл под названием «Брашана О». Я сказала:

— До скорого.

Боб ответил:

— О'кей, пока.

Шанти и Синьор, два молодых человека, приехавших со мной в город из Булл-Бэй, уже ждали меня в машине, чтобы ехать обратно. Когда я села на переднее сиденье и обернулась поприветствовать их, я увидела незнакомых парней, поднимающихся по лестнице на второй этаж. Туда, откуда я только что вышла. В руках у них было оружие. Я подумала: «О нет, только не это!» и быстро завела машину — мощный шумный «фольксваген» — как раз в тот момент, когда они начали беспорядочно стрелять. Звук мотора отвлек одного из них, и он наполовину обернулся после очередного выстрела в ту сторону, где, как я знала, Боб разговаривал с Доном Тейлором, своим менеджером. Потом стрелок развернулся к нам. Я резко нажала на педаль газа — рррр, — но этот бандит и некоторые другие побежали за машиной, когда она начала двигаться, — думаю, им не было видно, кто сидит внутри. Я вдавила педаль в пол до отказа, пытаясь оторваться от преследователей, но тут сквозь машину полетели пули.

Мои пассажиры сзади бросились на пол, крича:

— Пригнись, пригнись!

Я согнулась, насколько могла, над рулем и продолжала вести машину, пока не почувствовала что-то теплое, стекающее по шее. Тут я подумала: «Черт, меня убили! Мне конец, потому что пуля попала в голову!»

Я остановилась недалеко от ворот, уронила голову на руль и сказала себе: «Да, я мертва. Так вот как это выглядит». И подумала о тетушке и о детях и о том, действительно ли Боба убили. Один из убийц подошел к окну машины, заглянул внутрь и приставил ствол к моей голове, но потом сказал:

— Тут все покойники, — и не стал стрелять.

В этот момент в соседних домах стал зажигаться свет, и я услышала, как открывают окно. Стрелок все еще был рядом, думаю, он хотел убедиться, что в живых никого не осталось, но, видимо, соседи вызвали полицию, потому что вдалеке завыла сирена. Из-за шума бандит и шестеро других, о которых мне рассказали позже, очевидно, сообразили, что надо уносить ноги. Я продолжала притворяться мертвой, стараясь не дышать, пока не услышала, как они побежали. Тогда я немного приподняла голову и увидела, что бандиты бегут за ворота к своей машине, припаркованной так, чтобы заблокировать выезд — значит, я все равно не смогла бы вырваться за пределы двора.

Кровь сочилась у меня из-под волос и стекала по лицу, вдруг я поняла, что на самом деле все еще жива, и подумала: «Боже мой, а где же Боб?» Я выбралась из машины и посмотрела назад на моих пассажиров. Они лежали под сиденьем, и я сказала:

— Они уехали, всё, можете вылезать.

Но бедняги боялись шевельнуться. Все заднее стекло разлетелось вдребезги — если бы мы не пригнулись, то не выжили бы. То, что молодые люди остались целы, было чудом.

Боб мог легко погибнуть в ту ночь. Слишком легко. Когда я с ним попрощалась, он пошел на кухню и стоял там, чистил грейпфрут. Стрелявший в него целился в сердце, но пуля только поцарапала бок и попала в локоть. Там она и осталась навсегда, Боба и похоронили с этой пулей.

Тетушка была с детьми в Булл-Бэй, когда по радио передали, что «Боб Марли и Рита Марли застрелены», и она, как можно догадаться, чуть с ума не сошла. Бедная тетушка, одна с детьми… Полиция сразу поехала к ним, чтобы забрать всех оттуда, потому что мы не знали, каких еще акций ждать.

Мы были буквально на волосок от смерти, но Джа был к нам так добр, что никто в ту ночь не погиб. В Дона Тейлора попало пять пуль, одна близко к позвоночнику, и его потом отправили самолетом в Майами. Сначала все думали, что он мертв, и не трогали его, но Боб поднял его и положил в машину рядом со мной, и Диана Джобсон быстро отвезла нас в госпиталь. Когда мы приехали, доктора не стали меня сразу оперировать, они сказали, что пока нельзя трогать пулю — слишком близко к мозгу. Им пришлось сначала дать тканям вокруг нее немного зарубцеваться, это заняло несколько дней, и меня положили в госпиталь под охраной полицейского. Когда тетушка с детьми приехали меня навестить, все плакали.

В воскресенье, однако, я была на сцене и пела, потому что Боб решил закончить начатое. Будь что будет, сказал он, его

могут убить, но он все равно проведет концерт для простых людей. Некоторые музыканты отказались играть, однако нашлись другие на их место. Джуди тоже пела со мной на бэк-вокале, а вот Марсия улетела в Нью-Йорк — ее как следует припугнули еще раньше, поэтому она улетела, чтобы не искушать судьбу. Боб стоял на сцене, открытый и беззащитный перед лицом опасности, рука на перевязи, на гитаре он играть не мог. Я была все еще в больничной одежде, голова забинтована. И мы пели.

Я знаю, что меня эти выстрелы изменили, и Боба они тоже изменили. С тех пор он постоянно боялся за свою жизнь, хотя на концерте храбро закатал рукав, и показал свои раны публике, и даже изобразил стрельбу в танце. Но в душе его поселился страх, которого раньше не было, потому что, пока не случилась эта атака, он не верил в реальность угроз, не верил, что на него действительно нападут. Теперь мы все знали, что убийцы очень легко могли добиться своего и способны повторить попытку в любой момент.

После этого все пошло прахом, потому что никто не предвидел ситуацию, в которой мы оказались. После больницы я вернулась в Булл-Бэй только затем, чтобы собрать вещи и увезти всех с Ямайки. Когда обнаруживаешь, что кто-то хочет убить тебя, неизбежно начинаешь мыслить по-другому. Все планы пришлось менять. Мы с Бобом и детьми, вместе с Невиллом Гарриком, остановились на некоторое время в Нассау, в одном из домов Криса Блэкуэлла. Я позвонила матери Боба, та приехала из Делавэра помочь нам и прожила с нами несколько дней.

Примерно в то же время Синди Брейкспир победила на конкурсе красоты «Мисс мира 1976». Я даже не знала, что Крис Блэкуэлл был ее спонсором на этом конкурсе, но Боб знал и был лучше подготовлен к известию о ее победе. После выигрыша они планировали снять фильм под названием «Красавица и чудовище». Так что она вскоре тоже приехала в Нассау, но, я полагаю, съемки были отложены, потому что больше я об этом фильме ничего не слышала. Синди не осмелилась, конечно, остановиться прямо там, где мы жили, но она приехала из Лондона и жила в гостинице, а к нам приходила в гости. Синди — и ее мать, как позже выяснилось, — питала надежды, которым не суждено было осуществиться. Думаю, как всякая молодая женщина, она хотела выйти замуж и исходила из того, что это непременно произойдет. Ее мать спросила Седеллу Букер:

— Почему Боб не разводится? Он обещал Синди, что они поженятся, а сам все еще живет с Ритой!

На что матушка просто сказала:

— Ну-ну, дальше можно не продолжать. — Потому что, хоть ей и были интересны отношения Боба и разных девушек, которых он приводил к ней знакомиться, меня она всегда любила и уважала.

Однако, женатый или нет, Боб уехал жить в Англию, к Синди. И я поняла, что рано или поздно это должно было случиться. Что касается меня, я не могла оставаться в Нассау бесконечно, надо было растить детей, они должны были ходить в школу, поэтому мы вернулись на Ямайку, в Булл-Бэй, хотя я уже не ощущала себя там в безопасности.

Трудно описать, что я чувствовала в то время, зная, что мне придется покинуть мой дом и сад, и пытаясь поправиться после ранения (доктора сказали, что мои плотные дреды спасли мне жизнь). И еще одной невидимой раной было мое горе и замешательство по поводу происходящего. В этот раз Боб по-настоящему жил в Англии и там же работал в студии. Это было похоже на изгнание, но он жил там. Я чувствовала, будто меня отбросили за ненадобностью, будто все безвозвратно смешалось. Я просыпалась по утрам, думая, что все неправильно, задаваясь вопросом, как долго это будет продолжаться, и будет ли продолжаться бесконечно или все-таки закончится ко гда-то. Я говорила себе, что нужно самой твердо стоять на ногах, что я готовилась к независимости, и вот пришла пора стать самостоятельной. Быть сильной и бороться.

Я сказала Бобу, что нам придется переехать: мне было необходимо более безопасное место, где мы чувствовали бы себя защищенными. Боб согласился, а Джилли, наш повар в различных турне, проявил к нам сочувствие и помог найти дом в Кингстоне на Вашингтон-Драйв, близко к дому тогдашнего премьер-министра Майкла Мэнли. Сначала я снимала этот дом, а потом Боб его нам купил.

Здание на Вашингтон-Драйв было рассчитано на три семьи — такие на Ямайке называют «три сестры», — поэтому часть дома мы сдавали, и у нас появились жильцы. Один был священник Эфиопской православной церкви по имени Абба Мендефро, другой — учитель Заги, тоже из Эфиопии. Церковь не могла гарантировать ренту, и жизнь у Аббы была непростой, поэтому он согласился помогать тетушке с детьми. Он стал для них почти дедушкой, и я почувствовала себя намного лучше. Я была уверена: когда рядом Абба, дьявол не посмеет подойти к моим детям! Они были в безопасности — Зигги даже стал алтарным служкой, — и я чувствовала, что моя вера тоже восстанавливается. Я снова могла черпать силы в этой энергии, как ее ни назови — Джа, Бог, Аллах, — снова могла опереться на

нее.

Мы с Бобом по-прежнему разговаривали каждый день. Он звонил и спрашивал:

— Что поделываешь? Как поживают дети?

Он работал в студии в Лондоне и однажды сказал:

— Знаешь, мне нужны «I-Three», мы бы хотели, чтобы вы приехали записать кое-какие бэк-вокалы для того, над чем я сейчас работаю.

Я согласилась, потому что дети были под присмотром тетушки и Аббы, и я чувствовала, что могу вернуться к работе. Я позвонила Марсии и Джуди, и мы полетели в Лондон. А когда я вернулась домой, то обнаружила новое письмо от компании Франка Липсика, «Hansa Music», насчет соло-альбома, который они предлагали мне записать. Похоже, наступали благоприятные времена.

Когда Эрик Клэптон записал песню Боба «I Shot the Sheriff» и сделал ее всемирно известной, Боб получил широкое признание как борец за свободу. Это принесло ему немалое удовлетворение; он был рад известности в качестве «музыкального революционера», сражающегося с помощью музыки. Его песни проникали через национальные границы без потери смысла и находили отклик в жизни самых разных людей. Большинство заметных американских певцов того времени слушали Боба Марли. И очень внимательно.

Стиви Уандер, в частности, любил музыку Боба и проникся симпатией к нему самому как к человеку. Он говорил:

— Боб, я хочу устроить совместный тур с тобой. Выступи у меня на разогреве.

Этот тур уже планировался, когда Боб заболел. Стиви сочинил «Master Blaster» с расчетом на Боба. Когда Стиви приехал на Ямайку и мы провели совместный концерт, Стиви и Боб настолько хорошо спелись, будто знали друг друга годами. Стиви слепой, но можно сказать, что он видел Боба таким, каким тот был и каким стремился быть. Роберта Флэк тоже приезжала на Ямайку, привлеченная талантом Боба. Я находилась рядом с ней некоторое время и помню, какая она сильная женщина. Стиви, Роберта, Барбра Стрейзанд — многие люди интересовались музыкой Боба.

Но содержание этой музыки не всем приходилось по нраву. В Штатах в то время каждый, кто проповедовал «революцию» или «мир», хотя бы и музыкальными средствами, автоматически становился объектом пристального наблюдения. Теперь, когда Боб стал широко известен за пределами Ямайки, его влияние на политическую ситуацию в других странах тщательно

отслеживалось. Было нелегко находиться в таком положении. У меня есть доказательства, что передвижения Боба контролировались американскими разведывательными агентствами. И поскольку он понимал, что находится под их наблюдением, он стал очень осторожен. Хотя в то время было трудно доказать, что подобные вещи действительно происходят, позже удалось получить документы о слежке с помощью закона о свободе информации.

Через шесть месяцев после покушения Боб решил вернуться домой. Думаю, ему стало скучно в Лондоне, или просто приближалась зима (там он написал песню «Misty Morning, I See No Sun» — «Туманное утро, солнца не видно»). Но на него повлияли и ямайские друзья, потому что в стране по-прежнему были беспорядки и война банд. Люди — особенно в гетто — все еще нуждались в нем, говорили, что, если Боб Марли не вернется, мир не наступит. Политические тяжеловесы тоже были заинтересованы в его возвращении: «Едва люди тебя увидят…» К тому времени нашли одного из участников покушения. Так что Боб вернулся с триумфом.

И приехал жить с нами на Вашингтон-Драйв. Но жизнь поменялась слишком радикально: иногда Боб проводил время в компании весьма опасных людей («для безопасности», как он утверждал). А я думала: ничего себе, бандиты спят на моей кровати! Боб приходил домой и говорил:

— Рита, надо пустить этого человека переночевать сегодня у нас, — и нам самим приходилось спать в гостиной.

Вот такая петрушка: только постелю себе постель, и тут же убираю ее, стелю и убираю. Выглядело так, что наша жизнь зависит от них, а не от моего мужа, что Боб отдал себя им. Я ему говорила:

— Ты как Иисус Христос, отдаешь жизнь за людей.

Иногда я по-прежнему так думаю — да, он махнул на себя рукой и отдал свою жизнь другим. Но заметно было, что он чувствует себя на Ямайке неуютно. Он не мог больше этого выносить, стал раздражительным и подозрительным. Мы думали уехать в Эфиопию, но Боб сказал, что «Двенадцать колен» не отпускают его, потому что еще не настала его очередь — они посылали своих членов за границу строго по очереди, я до сих пор не понимаю, почему существовал такой порядок.

Обычно перед турне каждому участнику позволялось взять аванс — чтобы оставить денег семье или еще для чего-то. Перед тем как мы отправились в турне, оказавшееся в итоге последними нашими гастролями, я попросила аванс, потому что даже в

Кингстоне, где мы теперь жили, становилось небезопасно. Опять приближалось время выборов, многие зажиточные ямайцы из верхних слоев общества бежали от системы, которая не хотела меняться; очередная волна бандитских столкновений грозила захлестнуть остров. Дома продавались за двадцать-тридцать тысяч долларов. Сейчас это кажется пустяком, но в 1980-м для меня это были большие деньги. Мы все еще обсуждали, как решить проблему безопасности: я не хотела оставлять детей в районе Вашингтон-Драйв, потому что наш сосед был одним из политических лидеров, со всеми вытекающими из этого неприятностями. Я хотела купить дом, который присмотрела на одном из холмов над Кингстоном. Это было красивое здание в испанском стиле, дом на вершине, вроде того, который произвел на меня такое впечатление, когда мы начали работать с Джонни Нэшем. Детям там очень понравилось. Я знала, что наличными таких денег мне не найти, но верила, что найдется какой-нибудь другой способ.

Я сказала Бобу, что присмотрела дом и хотела бы переселить туда детей до отъезда. Чего я не знала, так это того, что Боб нанял отца Дианы Джобсон спланировать операцию с недвижимостью, чтобы построить для него усадьбу в Найн-Майлз. Когда я об этом все-таки услышала, то поняла, что речь идет не обо мне, что это не для меня, потому что тогда же Боб начал говорить про большую подземную студию. Он хотел перестать гастролировать и осесть на одном месте со своими детьми.

Так что я сказала ему:

— Отлично, делай что хочешь.

Боб уверял, что ему нужен дом побольше. Но я не собиралась сдаваться так просто. Я сказала:

— Ладно, но тот дом, который я нашла, стоит на приличном участке земли, и мой юрист говорит, что если я его собираюсь купить, то нужно подать бумаги до отъезда, потому что есть другие претенденты, и хорошо бы внести залог.

Сначала я не очень на Боба нажимала, потому что не хотела выглядеть слишком настырной. Но потом я решилась — нет уж, думаю, никуда он от меня не денется. Я попросила его поехать и посмотреть дом. Когда мы втроем с Дианой Джобсон прибыли на место, Боб все оглядел и сказал, что дом хороший, но маловат для его детей.

Я возразила:

— Ну, всегда можно сделать больше. Ведь участок большой, и можно пристроить еще комнат, когда мы вернемся из турне.

Но Боб уперся:

— Нет, меня это не устраивает.

Позже, когда мы остались одни, он объяснил мне более подробно ситуацию в Найн-Майлз, там, где сейчас находится его мавзолей. Он готовил это место для спокойной оседлой жизни, потому что ближайший тур должен был стать последним, контракт с «Island Records» завершался, и Боб не хотел возобновлять его, хотел остаться сам по себе со своей музыкой. Так что он принимал решение, что делать дальше, после этого финального альбома для Криса Блэкуэлла. Он хотел стать хорошим отцом, проводить больше времени с детьми, стать хорошим мужем, хорошим другом… Мы смеялись и разговаривали всю ночь.

— Хорошо, Боб, — наконец сказала я, — но я все равно хочу купить этот дом.

До сих пор мне удавалось окружать его заботой, и он был рад этому. Я была его глазами, его болью. Когда что-то не ладилось, я была дружеским плечом, на которое можно опереться. Я создавала для него чувство дома, где бы мы ни находились. Ему это было необходимо. Необходимо знать, что ему есть куда спрятаться, особенно после того, как он стал общественной собственностью и ему не давали покоя. Я замечала, что он худеет, начинает дергаться — было видно, что он несчастлив. Даже обилие женщин стало для него проблемой. Можно радоваться сексу, но при этом не радоваться жизни. Секс это одно дело, но что происходит потом? Что ты можешь дать? Каков твой вклад? И этого как раз не хватало в большинстве его романов. Женщины на одну ночь приносили лишь физическую и духовную скуку — и это многое у него отняло.

На другой день после того, как я решила купить дом, я поехала туда (в «БМВ», который Боб купил мне — думаю, в утешение, — когда сошелся с Синди). Я еще раз все прикинула и сказала себе: «Это, конечно, риск — но это определенно здравый риск, если учесть, что я просто обязана получить этот дом. Купи дом, который тебе нравится. Если ты этого не сделаешь, никто за тебя не сделает. Решись. Здесь Боб, похоже, тебе не помощник». У меня было странное ощущение, я чувствовала не те вибрации. Но я это все уже проходила. Существовали враги, и их легко было найти. И существовали друзья. Совсем немного. Настоящих друзей было немного.

Я взяла аванс и попросила менеджера мой гонорар за турне отсылать прямо моему юристу на Ямайку. Потому что, в конце концов, я — это я. «Я не собираюсь жить в темноте, — сказала я себе, — я должна быть там, где светит солнце. Я буду жить в своем доме на холме».

Глава двенадцатая
«Woman Feel the Pain, Man Suffer, Lord»
(Мужчина страдает — женщине больно)

В сентябре 1975 года, во время игры в футбол, один из игроков в шиповках наступил Бобу на большой палец правой ноги. Травма была довольно тяжелая, но он не стал обращать на нее большого внимания, потому что Боб есть Боб — он никогда не уступал боли, да и травмированный большой палец казался пустяком по сравнению с другими проблемами в его жизни. Так что он отнесся к этому спокойно и продолжал играть, несмотря на то, что доктора рекомендовали ему отдохнуть и некоторое время поменьше тревожить ногу. Каждый вечер я осматривала его рану, когда он приходил домой и снимал кроссовки и носки. Болело до такой степени, что он жаловался, и я видела, что палец не заживает. Я говорила ему постоянно:

— Боб, рана плохая, перестань носить такую обувь, да и в футбол не стоит пока играть.

Он соглашался, выдерживал пару дней, но потом снова бежал на поле.

Впоследствии, когда он снова повредил этот палец в 1977 году, ноготь отвалился и развилась злокачественная меланома — по иронии судьбы этот вид опухоли очень редко встречается у цветных. Но Боб считал, что доктора, поставившие диагноз, обманывают его. Боб не поверил даже доктору Бэкону, черному хирургу из Майами, который очень хорошо относился к Бобу и сказал мне:

— Если Боб согласится удалить палец, можно будет остановить распространение болезни.

Я передала эти слова Бобу, но он решил, что я сошла с ума, поскольку считал, что отсутствие пальца помешает ему стоять во время концертов:

— Как я буду выходить на сцену? Никто не захочет смотреть на калеку! — Он рассердился на меня, как будто я нарочно нагнетала ситуацию.

И я решила, что сейчас неподходящее время — Боб меня попросту не воспринимает. Я должна поддержать его волю: мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я пытаюсь ослабить его,

когда ему так нужны силы.

В любом случае решение было за ним. Мое влияние становилось все более ограниченным — в истеричной атмосфере суперзвездной славы, где разлетались слухи о его болезни, самые разные люди давали ему советы всех сортов. Естественно, у меня было собственное мнение на этот счет, но я не пыталась настоять на своем.

Боб заявил, что доктор Бэкон врет, что палец просто опух и скоро заживет и что нужно поскорее выписаться из госпиталя, где поставили такой диагноз. Что Боб и сделал.

Во время последнего тура мы ездили из одной страны в другую, продолжая делать ту же работу, что и предыдущие почти семь лет. Вечер за вечером, город за городом, толпы поклонников — тысячи людей — приходили послушать Боба. Для них он был больше чем просто певец, они жаждали услышать его послание, то, что он хотел сказать через музыку. Вместе с тем все стороны его жизни подвергались пристальному вниманию — что он делает, что он думает, что другие думают о нем.

Бобу приходилось быть открытым, и все больше людей получали доступ к нему. Он стал настолько публичным, что я начала терять его — и физически, и морально. И с этой потерей пришли и другие: я чувствовала, что теряю его уважение, его внимание. Тем не менее, даже когда его общественные потребности стали перевешивать личные, я по-прежнему находилась рядом — как участница «I-Three», а не как жена, но так было нужно. Могу точно сказать: в те времена Боб не был счастлив. Палец его так и не вылечили, на это не было времени.

Как обычно в турне, у нас были отдельные комнаты, что поначалу мне нравилось. Но теперь, поскольку у Боба появились дополнительные обязанности вроде интервью, звукозаписывающая компания взяла его повседневную жизнь под контроль — когда он ложится спать, когда он встает или ест, куда ходит. Он жил по куда более напряженному и хаотичному графику, чем прежде. Когда все остальные могли немножко подольше поспать наутро после концерта, он должен был давать интервью в семь утра. Если ожидался важный звонок из другой части света, приходилось подстраиваться под их время и не спать, хотя бы и посреди ночи.

Ритм жизни изменился, но не иссякал поток девиц — Королев красоты или Мисс-чего-нибудь. В каждом городе, куда мы приезжали, Боб должен был участвовать в фотосъемке с Мисс-чего-нибудь, это была часть рекламы: «Привет, Боб, Королева-чего-то-там едет в гостиницу, чтобы сфотографироваться с

тобой». И потом оказывалось, что днем-то они фотографируются, но ночью девица все еще болтается в спальне, а то и застревает на следующую ночь. Такая жизнь не способствовала улучшению его здоровья, о котором я не переставала беспокоиться. Все это время болезнь распространялась, как доктора сказали позже. Палец выглядел все хуже, потому что Боб его постоянно травмировал обувью во время концертов. Иногда мы играли два шоу за вечер, а потом был еще и банкет. И на следующий день то же самое.

Я помню одну ночь — думаю, это было в Париже, — когда Боб вернулся в гостиницу с полностью разбитым пальцем, и на следующее утро нам пришлось вызвать доктора. Одновременно с приходом доктора принесли газету, на первой полосе была фотография Боба, отплясывающего с очередной Королевой красоты. Я только и могла, что повторять:

— Не надо было. Не надо было после концерта идти на танцы с больным пальцем, а если уж идешь, то надевай тапки.

Тогда я ясно поняла, что Боб забыл и думать о себе, иначе инстинкт самосохранения уже сработал бы. Что же до любовных приключений, то я говорила ему:

— Если ты делаешь что-то одно, не трать свои силы на другое, ты этим ослабляешь себя. А вместе со слабостью приходит потеря сопротивляемости. Чем больше ты отдыхаешь, тем для тебя же лучше.

А он злился:

— Да ты просто ревнуешь! Чего еще ждать от жены…

У нас случались такие перепалки. И некоторые люди даже пытались настроить его против меня. Но потом я сказала себе: «Если единственный результат подобных скандалов — то, что обо мне начинают плохо думать и так же со мной обращаться, значит, все впустую. Потому что если ты сам не заботишься о себе, Боб, то ты не любишь себя, а если не любишь себя, то не можешь любить и меня. Ты должен любить себя, не давай другим людям любить тебя больше, чем ты сам себя любишь, это неправильно. Пусть среди них есть настоящие поклонники твоей музыки, но есть и другие — вампиры, сосущие твою кровь, твою энергию, они только говорят, что любят тебя, потому что ты мелькаешь в газетах и по телевизору».

И я поняла, что так и происходит, когда теряешь контроль. Я теряла последний контроль над ним, и, как меня и предупреждали давным-давно, это пришло вместе с успехом, с превращением в звезду, с мыслями вроде «я слишком занят, чтобы уделять тебе время». Зло просачивалось под разными благовидными предлогами: «Вот то, что я должен сделать, обязан сделать, чтобы стать человеком, чтобы заработать денег и отдать

детей в школу; я должен работать в полную силу». Хотя я знала, что у Боба есть своя миссия в жизни, он во многом сбивался с пути из-за окружавших его прилипал — не важно, был ли он прав или нет, они всегда говорили ему «да». А я говорила: «Мы теряем духовный аспект нашей мечты».

Потом настало время, когда вибрации начали меняться. После того как Боб начал работать с «Island», я не участвовала ни в его финансовых решениях, ни в подборе персонала. В итоге Дон Тейлор был уволен с позиции менеджера Боба, и его место заняли Дэнни Симс и Алан Коул. Дэнни Симс — тот самый, что годами продавал наши демо-записи и присвоил права публикации на ранние песни Боба. Я подумала: «Ну и ну, что происходит?»

В конце сентября мы прибыли в Нью-Йорк для выступления с «The Commodores» в Мэдисон-Сквер-Гарден. Другие члены группы были поселены отдельно от Боба, в «Грамерси-парк-отеле», а Боб находился в «Эссекс-ха уз» на Централ-Парк-Саус. Прежде нас никогда не селили в разные гостиницы. Позже я слышала, что какие-то проходимцы, растаманы из Бруклина, присоединившиеся к туру, что-то ему предложили, хотя я не знаю, принял ли он их предложение.

После шоу Боб не спал всю ночь, так он мне сказал потом. Я позвонила ему на следующее утро, а это было в воскресенье, чтобы спросить, не хочет ли он сходить в церковь, потому что обычно, если мы оказывались в городе, где была эфиопская православная церковь, мы обязательно ее посещали. На мой звонок ответила Паскалин из Габона. Когда она подняла трубку, я подумала: странно, что она делает там в эдакую рань. Потом трубку взял Боб и сказал, что не хочет в церковь, что было само по себе необычно, но еще и голос его показался мне странным, поэтому я спросила:

— Что случилось? Ты не спал ночью?

Он признался:

— Вообще-то нет.

Дальше он сказал, что с ним все в порядке, но в церковь он не пойдет, а за мной пришлет лимузин. Тем не менее в его голосе звучала какая-то отрешенность.

Со мной была Минни, и поскольку я не могла избавиться от чувства тревоги, я попросила ее:

— Поезжай туда и посмотри, что происходит, потому что у меня дурное предчувствие… — Все действительно выглядело подозрительно.

Когда Минни приехала и вошла в комнату, где находился Боб, она посмотрела на него и — как она сказала мне много лет

спустя — увидела Смерть. Ей он показался привидением. Потом они рассказали нам, что случилось: Боб упал, когда бегал в Центральном парке. Они с Аланом Коулом решили пробежаться трусцой, чтобы взбодриться, и прямо на бегу Боб почувствовал, что его тело отказывает. Когда он хотел повернуться к Алану и сказать об этом, то не смог ни шевельнуть головой, ни раскрыть рот, а просто рухнул на землю. Теперь они ждали, пока появится доктор Дэнни Симса. Однако Боб настаивал, чтобы мы ехали к месту следующего концерта, в Питтсбург, с тем, чтобы они нагнали нас там.

Никто не рассказал мне о падении Боба, что, по-моему, было неуважительно и подозрительно. С другой стороны, образ жизни так изменился, так много людей было вовлечено в его жизнь, что Боб уже ничего не контролировал. Посторонние люди взяли в свои руки его жизнь, и я не знала — а может быть, он и сам не знал, — что он ест или курит. Я до сих пор не в курсе, хотя за многие годы наслушалась историй о том, что происходило в мое отсутствие.

Я поехала в Питтсбург, хотя и знала, что случилось недоброе. Ночью мне приснилось, что Боб находится в каком-то месте, может быть, в госпитале, но окна там были забраны решетками, и у Боба на голове не было волос. Он подошел к решетке и хотел мне что-то сказать, но между нами были стальные прутья, и я проснулась с ощущением, что он выглядит как-то странно. Наутро я позвонила Марсии и Джуди и рассказала им свой сон, а потом решила позвонить в Нью-Йорк и узнать, что происходит. На звонок ответил ямайский журналист по имени Фриц, который занимался информационной поддержкой нашего тура. Я спросила у него:

— Фриц, что там творится?

Он лишь пробормотал:

— Ничего хорошего… До добра это не доведет.

Я начала паниковать:

— Что ты имеешь в виду? Что, черт возьми, происходит?! Что случилось с моим мужем?!

Фриц снова сказал:

— Это до добра не доведет, лучше бы они тебе рассказали.

Тут я разозлилась.

— Вот что, слушай меня внимательно, — заявила я. — Если с Бобом что-нибудь случится, вам всем придется отвечать! Что-то плохое происходит с моим мужем, и от меня скрывают правду!

Я бросила трубку и не находила себе места. Меня охватила настоящая паника. Через пару часов приехал Боб, нам сказали, что пора на саундчек, и я пошла в автобус, а там уже сидел мой

муж, смертельно бледный.

— Боб, что случилось? — спросила я тихо. — Давай, расскажи мне. Что случилось? Ты не можешь спать? В чем дело, что вчера произошло?

Он отвел меня в сторонку и сказал:

— Дэнни Симс показал меня доктору, и тот сказал, что у меня рак.

У меня как будто сердце вырвали из груди. Я воскликнула:

— Не может быть! Что-то здесь не так, кто-то пытается причинить тебе вред. Давай уедем домой. — Я хотела увезти его немедленно; я настолько испугалась, что захотела спрятаться подальше ото всех, потому что было непонятно, кто друг, а кто враг.

Я выбежала из автобуса, нашла Марсию и Джуди и все им пересказала. Мы были в ярости:

— Представляете себе, Бобу поставили такой диагноз, и никто нас не вызвал!

Все подозревали неладное, но Боб сказал, что решено все равно провести вечерний концерт.

Но я заявила:

— Ни в коем случае!

Я выловила Дэнни Симса и закричала:

— Да как вы смеете? Это что, игрушки?! Как вы можете так поступать?

Потом я нашла Алана Коула и потребовала, чтобы он объяснил, что конкретно происходит. И тогда, наконец, он рассказал мне, что, по словам доктора, метастазы из ноги Боба проникли в мозг, и он все равно умрет. Поэтому можно продолжать тур, пока он еще жив.

Я вышла из себя и заявила:

— Нет!

Похоже, мне нужна была дополнительная поддержка, поэтому я побежала к телефону, позвонила матери Боба и попросила ее помочь мне и вмешаться. Я вызвонила Диану Джобсон, Криса Блэкуэлла и юриста Боба Дэвида Стайнберга и всех их попросила о том же. Я даже позвонила доктору Бэкону в Майами, и он сказал, что предвидел такой исход и мог его предотвратить, что рака можно было избежать. Я была опустошена. Я побежала назад к Дэнни и Алану и закричала на них:

— Вы должны отменить это шоу немедленно! Вы должны остановиться! Сейчас же!

Боб был помещен в раковый центр Слоун-Кеттеринг, там ему назначили лечение радиацией, из-за чего у него выпали волосы на лбу и на висках. Синди Брейкспир прилетела в Нью-Йорк, и мы

по очереди заботились о Бобе с тетушкой и детьми. Однако после того как журналисты прознали о местонахождении Боба, об этом написали в газетах и сообщили по радио, поэтому Боб уехал из Нью-Йорка в госпиталь Майами в поисках более интенсивных методов лечения. Но все врачи как один говорили, что жить ему осталось считанные месяцы, что рак распространился на печень, легкие и мозг и продолжает прогрессировать. Боб вернулся в Слоун-Кеттеринг, где ему прописали химиотерапию. Волосы стали выпадать буквально клочьями. Боб волновался:

— Ой, да это опасно! А волосы вырастут снова?

Его успокаивали:

— Да, конечно…

Боб начал быстро терять в весе, и казалось, что он постепенно превращается в другого человека. Утром 4 ноября 1980 года он решил принять крещение. Я ему советовала покреститься еще с тех пор, как Его Величество император Хайле Селассие послал Аббу на Ямайку, потому что я крестила всех наших детей (не только моих собственных) в Эфиопской православной церкви. Когда мы позвали Аббу в то утро, он плакал. Мы все плакали. Боба крестили, и он принял имя Берхане Селассие, что означает «свет Троицы».

Вскоре после этого доктор Карлтон Фрейзер, ямайский медик и член «Двенадцати колен», посоветовал Бобу обратиться к доктору Йозефу Иссельсу, немецкому врачу, практикующему лечение запущенных форм рака. Я уехала на Ямайку, чтобы проведать детей и тетушку и подготовить их к серьезности ситуации. Когда я смогла их оставить, Боба уже положили в госпиталь в Германии, его отвезли туда доктор Фрейзер и Алан Коул. Когда я позвонила и попросила его к телефону, мне сказали, что ему удаляют гланды. Я поинтересовалась, кто кроме меня, ближайшей родственницы, мог позволить это сделать, и мне ответили, что разрешение дал мистер Алан Коул. Моей первой реакцией было: «Как он мог это допустить?» Потому что я считала, что стоит затронуть гланды, и Боб потеряет голос и больше не сможет петь, а этого могут добиваться только враги.

Я приехала в Германию на следующий день после того, как ему удалили гланды без моего ведома и согласия, и узнала, что это было предусмотрено методом доктора Иссельса — хронически воспаленные гланды и гнилые зубы подлежали удалению, если они ослабляли действие естественного иммунитета. Тем не менее я чувствовала — и это было мое убеждение, — что операции на горле Боба дьявол желал бы в первую очередь, чтобы заставить его голос замолчать. Теперь я относилась к этому лечению с большим подозрением.

Потом я пришла навестить Боба вместе с его матерью, которая прилетела в тот же день, и он смог показать радость, увидев наши лица. Он также смог прошептать, что видел сон, в котором были мы обе, тут он засмеялся и сказал:

— И вот вы обе приехали.

Ему приснилось, что мы обе тонули, и он не знал, которую спасти.

— А теперь скажи мне, Рита, — обратился он ко мне, — если бы вы обе тонули, кого бы надо было спасать, мою мать или тебя?

Я заставила себя засмеяться, и матушка тоже, и я пошутила:

— Нет уж, придется тебе спасать обеих.

И тут мы все трое рассмеялись этой идее, и Боб уверился в том, что мы его никогда не покинем. Я никогда не забуду то утро, потому что тогда я поняла, что дальше будет только хуже.

В тот же вечер, когда я вернулась в госпиталь, я заметила, что Боб очень обеспокоен. Он взял меня за руку и спросил:

— Почему ты так задержалась на Ямайке?

Хотя вокруг него толклась куча людей, он все еще ждал от меня поддержки. Я осталась для него опорой. Когда меня не было рядом, он чувствовал, что люди могут вертеть им как хотят, но если Рита здесь, она не разрешит причинить ему вред, будет заботиться о нем. Я всегда была рядом, несмотря на всех его других женщин. Боб признался мне, что попросил Синди больше не приходить. Она столкнулась с Паскалин и знала, что Боб с ней встречался (это было в газетах). Тем более, к тому времени Синди собиралась замуж за другого человека и через три месяца должна была вступить в брак. Так что она исчезла из поля зрения. А скоро и Паскалин тоже была отправлена с глаз долой. Думаю, всем этим женщинам нечего было делать возле его больничной постели. Мне было неловко их видеть, а может быть, и им тоже.

С тех пор я курсировала между Германией и Ямайкой и привозила то, что Боб любил больше всего, то, что наиболее полезно, вроде бататов и маниоки. Лечение доктора Иссельса подразумевало пищу, которую раста тоже считают правильной. Другие аспекты этого лечения мне не нравились — например, каждое утро мы отвозили Боба в клинику Иссельса, чтобы выкачивать из него кровь литрами и потом вводить обратно, и я была не уверена, что Боб получает свою собственную кровь. Тем не менее, доктор Иссельс поддерживал жизнь Боба на полгода дольше, чем предсказывали другие доктора, хотя и не обещал ничего. Но весной 1981 года доктор сказал, что сделал все возможное. Тогда Боб попросил, чтобы его отправили домой. Я была на Ямайке, когда это случилось, и Боб по телефону сказал, что хочет быть ближе к детям, и к своей матери, и ко мне.

Поэтому мне не нужно лететь в Германию, а вместо этого надо привезти всех детей в Майами, куда Боб собирался отправиться. Он был на краю, но решительность помогла ему собрать силы и дотянуть до Майами — что позволило увидеть детей и пообещать им, что он будет с ними всегда. В один момент он позвал Зигги и Стива в комнату, куда пускали только семью. Стиву он сказал:

— За деньги жизнь не купишь.

А Зигги он сказал:

— Когда будешь подниматься, возвышай и меня, а если будешь опускаться, не принижай меня.

И оба сына сказали:

— Хорошо, папа.

Ранним утром 11 мая он вызвал Диану Джобсон в госпиталь в Майами и спросил ее:

— Диана, что произойдет, если… ну, если со мной кое-что случится? — И когда она ответила, что не стоит беспокоиться, он сказал: — Нет, дай мне правила. — Он имел в виду «правовые гарантии».

Клянусь, он ей это сказал, хотя в тот момент был едва способен на шепот. Недавно я переспросила, не помнит ли она, что Боб ей сказал. Потому что «дай мне правила» означало, что ему нужна была поддержка — ведь прежде он отказывался писать завещание.

В то утро Диана сказала:

— Твои жена и дети будут основными наследниками, и я уверена, что Рита позаботится о твоей матери.

Но если бы она, будучи его юристом и советником в то время, просто сказала: «Давай я напишу текст, и ты подпишешь», — это спасло бы миллионы долларов. Нам не пришлось бы отдавать то, чего у нас не было. Потому что к моменту смерти Боб не был миллионером, хотя многие так думают. Зато он знал, что он свое дело сделал, и теперь пришла наша очередь.

В тот последний день, незадолго до полудня, я ушла за морковным соком для него, а когда вернулась, глаза его были закрыты, и доктор сказал:

— Все кончено.

Я начала кричать:

— Не сдавайся дьяволу, Боб, отдай свою душу Джа, не давай сатане власти забрать твой дух! Не сдавайся, Боб, не останавливайся, иди прямо к Отцу нашему в землю обетованную!

Я сняла красную, черную и зеленую ленты с пояса, повязала вокруг его головы и выкрикивала библейские предостережения, пока не услышала, как доктора говорят:

— Надо ее успокоить.

Не успела я оглянуться, как они сделали мне инъекцию, и я заснула. Когда я пришла в себя, Боба не было в палате, и я осознала, что случилось.

К концу дня я была все еще не в себе, пока Стив не сказал мне:

— Мамочка, ты же помнишь, что папа говорит: «no woman no cry» — «не плачь, женщина, не плачь». Поехали, вернемся на Ямайку.

И мы со Стивом сели на самолет, последний самолет из Майами, в шесть вечера. И из аэропорта мы поехали прямо в дом на холме, который я рискнула выбрать перед отъездом в тот злополучный тур.

Глава тринадцатая
«WHO CAN BE AGAINST US»
(Кто против нас пойдет)

Уход Боба стал катастрофой для меня. Он был моим мужчиной, моей силой, моим сердцем.

Я не сталкивалась со смертью в семье с детских лет. Теперь как будто отсекли часть меня, эмоциональную и духовную, даже физическую — потому что его отсутствие ощущалось и на этом уровне. Проснуться утром и не иметь возможности взглянуть на него было физически тяжело. Я не считаю смерть концом жизни, я верю, что дух продолжает жить, и верю в реинкарнацию в хорошем смысле. Но я впервые по-настоящему поняла это ощущение отсутствия, когда человек физически покидает этот мир.

Боб скончался примерно через месяц после получения ямайского Ордена за заслуги, одной из высших наград страны. Я перевезла его останки из Майами в Кингстон — мы могли бы доставить его в любое место, которое он выбрал бы, но мы вернули Боба на Ямайку — это было уместно, хотя еще уместнее было бы похоронить его в Африке, в земле, о которой он мечтал и которую потом увидел наяву. Мы надеемся когда-нибудь это сделать. Пусть хотя бы посмертно сбудется его мечта, и его косточки найдут покой в земле Африки.

Два дня тело Боба было доступно для прощания на Национальном стадионе в Кингстоне. Одна его рука покоилась поверх гитары, в другой была Библия. Десятки тысяч людей пришли отдать ему последний долг. На каждой улице Кингстона можно было слышать его музыку. Не только вся Ямайка, но и представители со всего мира прибыли на похороны. Выступили лидеры обеих политических партий. Играли «The Wailers» вместе с «I-Three», пела мать Боба, а также новая группа Марли — Шэрон, Седелла, Зигги и Стивен — они назвали себя «The Melody Makers». Затем гроб отвезли за семьдесят пять миль в Сент-Энн и поместили в мавзолей, сделанный из местного камня.

Мы, семья Марли, организовали похороны с помощью Элинор Уинт и Лорны Уэйнрайт, моих самых близких подруг — вместе, разумеется, с Минни, Марсией и Джуди. Я также должна упомянуть, что заметную поддержку мы получили от Бэбси Грэйндж, которая впоследствии стала сенатором от Ямайской трудовой партии. Она приложила все усилия, чтобы Бобу были

отданы официальные почести по высшему разряду. Мне повезло, что у меня были подруги — сестры, — которые, когда ко мне еще не вернулась ясность мысли, говорили: «Слушай, нам надо сделать то-то и то-то. Как именно ты хотела бы все организовать? Мы тебе поможем, скажи как…» Некоторые вещи надо было сделать обязательно, и они говорили: «Не вздумай останавливаться, пока не добьешься задуманного». Без этой помощи и поддержки я бы не смогла осуществить все церемониальные и общественные аспекты похорон. Тетушка тоже там была. Она прожила еще довольно долго после смерти Боба, ей удалось застать лучшие времена.

Я находилась в странном состоянии: была в самом центре организационных забот и конечно понимала, что происходит, но в то же время не верила, что все это правда. Внутренне я впала в отрицание. Нет-нет, этого не может быть. Еще не конец. Все это дурной сон. Я оставалась в таком состоянии еще долгое время. Боб — он устал, он очень устал. И я видела, как он исчез. Но до сих пор, если мне говорят: «Когда Боб умер», я поправляю: «Боб не умер», — и люди смотрят на меня, как на ненормальную. Но у меня все еще осталось это чувство, что он не умер. Пусть он не здесь, но я еще увижу его.

После похорон проблемы посыпались как из ведра. У меня не осталось времени для скорби, потому что я сразу оказалась на перепутье, где встретилось все хорошее, плохое и очень плохое. И то, что Боб не оставил ни завещания, ни даже письма, только осложняло положение.

Когда я не увидела Питера и Банни на похоронах, я обратила на это внимание. Они не предложили никакой помощи, не участвовали ни в каких церемониях. Это поразило меня, тогда я подумала: «Невероятно!», но у меня не было времени сосредоточиться на них. Но несколько месяцев спустя, когда на меня свалились все эти трудности с наследием Боба и я почувствовала, что одной мне не сдюжить, я решила обратиться к Питеру и Банни за содействием. Речь не шла о деньгах; имущество — в основном музыка — было ценнее денег и одновременно не имело ценности без правильного управления. Требовалось все хорошенько продумать, поскольку без завещания всякое могло случиться.

Я позвонила Банни и Питеру и пригласила их на встречу в оффисе «Tuff Gong» на Хоуп-роуд, 56. Я сказала им:

— По-моему, самое разумное для нас — объединить усилия.

Про себя я помолилась, чтобы они согласились, хотя и знала про различные конфликты и сложные ситуации, из-за которых

группа распалась. Но я закрыла на это глаза и сказала себе, что, если есть шанс все начать с чистого листа, надо его использовать.

Однако когда Питер и Банни прибыли на встречу, они были настроены агрессивно. Началось с того, что они обругали охранника на входе. Я отвела их наверх в офис. На Хоуп-роуд все говорило о Бобе — магазин пластинок, постеры, фотографии, разные реликвии. Неожиданно, к моему ужасу, Питер начал срывать фотографии Боба со стен со словами, что ему не хочется смотреть на мертвецов. С ума сойти! Не хочешь видеть мертвеца — сорви его со стены! И года не прошло, как Боб умер, все еще скорбели по нему!

Я не могла поверить своим глазам. Я не представляла себе глубину ненависти Питера, силу противоречий между ними, обиду, которой даже смерть была нипочем. И Банни был не лучше, совершенно непробиваем. Его позиция состояла в том, что смерть Боба наступила как результат «грехов и разложения». Я пообещала себе тогда, что я когда-нибудь расскажу обо всем этом, потому что люди должны знать правду. Смотреть на наших бывших друзей было тяжело.

Помня о своем намерении вовлечь их в общее дело, я сказала:

— Давайте держаться друг друга и работать вместе.

Но они возразили, что пришли все вернуть и сделать по-своему, изменить одно, исправить другое. Они не желали видеть портреты Боба, потому что он уже мертв. И теперь я будто бы должна закрыть компанию и сделать все по-новому.

Я сохраняла спокойствие и сказала, что очень удивлена их реакции, хотя в глубине души чувствовала, что все бесполезно. Потом Банни заявил — я ждала двадцать лет, прежде чем опубликовать его слова, — что если бы я пришла и стала работать на них, бросила начатое… Я смотрела на них и думала: они рехнулись! А потом вспомнила, как озадачена и шокирована была, когда после общения с тетушкой и подобными ей женщинами обнаружила, что для некоторых ямайских мужчин женщины существуют только для секса, готовки, стирки, деторождения, только для того, чтобы удовлетворять мужчин и помалкивать.

Когда они ушли, я подумала: «Нет-нет, пора надеть бронежилет и сражаться. Потому что явно назревает война». Боб умер в 1981-м, а в 1982-м началась битва. Нам пришлось создать фонд по управлению имуществом, чтобы юристы не давали посторонним лезть в наши дела. Все теперь должно было делаться по закону, с участием жены, детей и фонда. Потому что, если Банни и Питеру удалось бы все забрать, мы с детьми остались бы с дырой в кармане. Это было настоящее сражение.

Люди, о которых я думала, что они протянут мне руку помощи и поддержат в сохранении наследия Боба, эти люди были полны злобы и зависти, они хотели только одного — отомстить. Когда я поняла это, то обсудила все с семьей, и мы пришли к общему мнению, что нельзя позволить этим людям все разрушить. И я создала собственную компанию, «RMM», что одновременно значит «Роберт Марли Мьюзик» и «Рита Марли Мьюзик».

Иногда приходится очень непросто, когда на твою долю выпадает то, к чему ты не готов. Я не могла не стать менеджером наследия Боба, хотя мне этого совершенно не хотелось. Но выбора не оставалось, никто другой не мог взять на себя эту ношу, и мне пришлось изучать многое на ходу. Это тяжело, говорить себе каждый день: «Если бы я знала это раньше, если бы я была в курсе с самого начала…» Но потом знания накапливаются. Теперь я многое знаю.

У разных людей было много всяких идей по поводу наследия Боба, особенно после того, как я занялась управлением. Оказалось, что ситуация могла бы быть хуже, если бы Боб написал завещание и назвал меня и детей в качестве правообладателей, потому что тогда нас ненавидели бы как наследников. Теперь же меня обвиняли в том, что я не имею этих прав и сражаюсь за них, потому что Боб мне ничего не оставил. Хотя я была его женой, мне все равно приходилось сражаться — не только за себя, разумеется, но за всю семью, потому что закон говорит: если человек умер, не оставив завещания, его имущество переходит в государственную собственность, а ты должен доказать, имеешь ли ты право участвовать в разделе имущества.

По закону фонд должен был пригласить всех, кто претендовал на наследство. Каждый, кто рассчитывал на часть имущества или утверждал, что он ребенок Боба Марли, имел десять дней, чтобы заявить о себе. Некоторые из этих претензий были просто невероятными! Люди намного старше Боба утверждали, что он их отец, другие заявляли, что они мои приемные дети! Один парень говорил, что он появился в результате сделанного мной аборта, но не умер, хотя я об этом не знала! Были люди, которые доказывали, что Боб обещал о них заботиться до конца их дней, и теперь они якобы разочарованы, что он нарушил обещание! Маразм крепчал с каждым днем.

Возникли большие проблемы с налогами, с так называемыми друзьями и так называемыми менеджерами. Перед смертью Боб вызвал одного из своих юристов и пообещал вернуть все права на ранние работы с «JAD» и передать их его семье — это тоже создало большую проблему. Находились люди, которые

утверждали, что «создали» Боба. Их было так много, что впору было усомниться, делал ли сам Боб хоть что-то в жизни. Все они настаивали на том, что «мы» сделали то, и «мы» сделали это. Множество людей пытались воспользоваться моей неопытностью. Людей, которые считали: что бы я ни получила, все будет слишком много для меня. И каждый из них рассчитывал урвать кусок.

Я чувствовала, что попала в западню. Существовало три человека, знавших реальное состояние дел: менеджер Боба Дон Тейлор (уволенный во время последнего турне), его юрист Дэвид Стайнберг и бухгалтер Марвин Золт. С ними мне и приходилось общаться, чтобы по-настоящему понять, что к чему. Как я уже говорила, после работы с «JAD» я никогда не принимала участия в деловом аспекте карьеры Боба, большая часть которой проходила вне Ямайки. Совсем другие люди отвечали за бизнес, мне хватало забот в студии, на сцене и дома с детьми. Я вовсе не была такой деловой женщиной, какой стала позже.

Меня привлекли к судебному разбирательству в Штатах, которое продлилось целых полгода, — я будто бы потратила деньги на то, что фонд счел не относящимся к Бобу Марли. Жалоба управляющего заключалась в том, что я действовала незаконно, что Дон Тейлор сообщил им, будто я трачу миллионы долларов, живу как королева и заслуживаю тюрьмы. Он пытался выставить меня молодой черной дурочкой, чей муж умер и оставил ей состояние. Тейлор обманывал меня, но мне все равно приходилось слушать его, потому что он съел с Бобом не один пуд соли и много знал. Так что я просто слушала и мотала на ус, потому что мне не хватало информации. Некоторое время после смерти Боба я позволяла Дону Тейлору руководить моими действиями, хотя и не доверяла ему полностью — в прошлом я не раз спасала его шкуру от Боба, который ловил его на растратах, а иногда и на кокаиновых загулах, когда Дон присутствовал на работе, но ни на что не годился из-за своего состояния. И я — думаю, по глупости — всегда была очень милосердна и говорила Бобу: «Ой, бедный Дон, не выгоняй его». Теперь тот же самый Дон Тейлор говорил фонду, чтобы меня посадили за решетку, потому что я тратила миллионы на «посторонние нужды» — на заботу о наших детях, о матери Боба, на такие вещи, которые Боб сам бы делал, будь он жив.

Поразительно, с какой легкостью можно обирать овдовевшую женщину, а потом сделать разворот на сто восемьдесят градусов и обвинить ее в тех самых делах, в которые сам ее и втянул. Как-то Дон Тейлор убедил меня купить квартиру, которую он снимал в Нассау, — он говорил, что это неплохое вложение, а ему самому

не хватает денег. Он привел меня туда и познакомил с владельцами, отвез в банк оплатить покупку, а потом пришел в фонд жаловаться, что я купила дом за границей! Всю дорогу, зная до тонкостей дела Боба, он был в курсе, что не существовало никаких миллионов, о которых он болтал людям. Если бы Боб был так богат, ему было бы не нужно работать в таком напряженном режиме перед смертью. У нас на Ямайке есть поговорка, которая очень подходит к Дону Тейлору: пожалеешь хромую собаку, она же тебя и укусит.

Разбирательство было результатом иска против бухгалтера и юриста Боба, к которым фонд присоединил меня, в результате нам удалось повернуть дело вспять и засудить фонд. Получалось, что нас собирались наказать за изобретательность, за то, что мы поступали с имеющимися деньгами логично и правильно, и более того — так, как было необходимо. Мне было необходимо купить участок, где мы теперь живем, фабрику на Маркус-Гарви-драйв, студию на Ямайке, в которой мы сейчас работаем. Мне надо была готовить «The Melody Makers», «The Wailers» и «I-Three» к очередным турне, чтобы сохранить дух Боба — он сам попросил Зигги об этом: «Когда будешь подниматься, возвышай и меня». Кроме того, правильно было — и я знаю, что Боб это одобрил бы, — дать детям попробовать себя в деле (что, как каждый может видеть, привело к замечательным результатам). Я должна была снабжать деньгами «The Wailers» и «I-Three», чтобы они продолжали работать с «Tuff Gong». Мне пришлось выплатить множество долгов, которые, как мне сказали, оставил Боб. Я должна была дать деньги матери Боба, чтобы закончить выплаты за дом в Майами, где она живет с детьми, потому что Боб купил его в рассрочку. И все это хотели повернуть против меня — и посадить за благие дела в тюрьму.

Но все, что я делала, было законно. Я слушалась Дэвида Стайнберга и Марвина Золта, потому что Боб всегда им доверял. Я считала, что это верный ход — спрашивать совета у тех, к кому обращался Боб, особенно ради дел, которые он сам бы сделал и которые планировал вместе с ними. Я ничего не делала сама по себе, всегда слушалась их рекомендаций. Поэтому я могла прийти в суд и рассказать все как было, и показать судье, что сделала лично я. Что я изменила, использовав деньги Боба, какие инвестиции сделала, насколько больше пластинок за счет этого продано. И присяжные увидели, что я действовала с лучшими намерениями — разве можно красть у самой себя?

У меня есть стенограмма всего процесса. Он был сложным, но мы выиграли, и между прочим, никого из обвинителей, включая

Дона Тейлора, уже нет в живых.

Еще один процесс, через который мне пришлось пройти, был связан с тем, что Дэнни Симс пытался отсудить у нас права на записи, которыми владел Боб. В защиту позиции Дэнни Симса его адвокат пригласил людей, которые не постеснялись присягнуть, что песни Боба принадлежали Дэнни! Это испытание прекрасно иллюстрирует песню Боба о том, что «твой лучший друг может быть злейшим врагом, а твой злейший враг — лучшим другом». Я была в турне во время той части разбирательства, которая проходила в суде Манхэттена, и поскольку я думала, что мне не стоит там показываться, я попросила человека из сопровождающих — нашего повара по имени Обедайя — заглянуть в суд и посмотреть, что происходит. Так получилось, что он вошел в зал как раз в тот момент, когда Дон Тейлор рассказывал судье, что Боб Марли был одним из самых опасных людей на Ямайке. Тут Дон заметил Обе дайю и заявил судье, что я подослала его убить Дона, — и попросил его выдворить!

За все это время судов и прочих бедствий я не сделала ничего, заслуживающего порицания. Потому что я просто пыталась помочь тому, кто ушел слишком рано, тому, кто принес свет в мою жизнь и наставил меня на путь истинный, когда я была молода.

Мне хотелось бы, чтобы все это поняли. Я считаю, что Боб сделал очень важное дело и помог мне найти себя. Да! Кому еще могла я отдать себя? Если бы я досталась другому мужчине, я бы стала совсем другой. Но тогда я слушалась его, потому что он говорил очень важные вещи: «Ты — это ты, ты черная, и ты красивая». И я знаю, что многие, очень многие тоже нашли себя благодаря ему.

Мне по-прежнему нелегко, но сейчас стало немного проще, потому что дети теперь берут на себя часть моих трудов и ответственности. «Так делал мой папа, это ему не понравилось бы, такого он не делал, это он хотел сделать». Так что мы вместе решаем некоторые вещи. Мы упустили много денег, которые могли получить. Но таков уж был Боб. Он был заинтересован не столько в деньгах, сколько в том, чтобы донести свои слова и свою музыку до всего мира. Поехать в Италию и собрать бóльшую аудиторию, чем Папа Римский, — это для него было важнее миллиона баксов!

В последние двадцать лет мое внимание было сосредоточено на делах Боба и на его музыке, что я говорю не из тщеславия, а чтобы объяснить: если бы никто за этим не присматривал, его наследие могло бы погибнуть. В 1984 году я предложила Крису

Блэкуэллу продолжить дело Боба, поддержать «The Wailers» и «I-Three» и отправить их в турне.

Крис сказал:

— Это не имеет смысла, потому что Боб кончился, и через пару лет его музыка перестанет продаваться в таких количествах, так что не стоит тратить деньги на тур.

Я возразила:

— Ты жестоко ошибаешься, Крис! Этого не будет, пока мы живы. Потому что мы были частью того времени, Боб работал не один, мы поддерживали его и будем продолжать нести его музыку людям. Мы можем, и мы должны это делать.

И мы начали с тура в поддержку альбома «Legend».

Тогда я была сосредоточена на том, чтобы развивать импульс музыки Боба, сохранить то уважение, которое люди питают к нему, сохранить путь, по которому могли бы пойти его дети, — и в то же время быть скромной, не выставляться, не дать собственным амбициям взять верх. Потому что я работала не ради себя самой. Напротив, я старалась — и, думаю, мне это удалось — слегка отодвинуть на время свою карьеру. Мы знали: пусть Боб и сделал многое, еще оставались вершины, которых он мог бы достичь, почести, которых он не получил при жизни. И это была наша работа — и задача его поклонников — добиться, чтобы эти почести были отданы. Например, имя Боба Марли было занесено в список Зала славы рок-н-ролла посмертно — нам удалось это сделать только благодаря тому, что наследие Боба продолжало жить. И благодаря любви его старых фэнов, а также новых, кому не повезло увидеть его на сцене, но кто любит его музыку с той же силой.

Часто наша работа становилась в большей степени тяжелым трудом и ответственностью, нежели радостью. Публичная природа этой ответственности пугала тетушку — мою дорогую тетушку, продолжавшую поддерживать меня все это время. Она твердила мне: «Тебя убьют» или «Пожалуйста, не заводи бойфренда». Как будто ход моей жизни теперь определяли другие люди. Но я отвечала, что не допущу этого, не позволю посторонним влиять на мои действия. Я видела, как Боб растратил всего себя на случайных людей, и выучила этот урок. Я никому не доставлю подобного удовольствия. Я не должна забывать о Рите, потому что я знаю: есть опасность потерять Риту. Не из-за Боба, а из-за того, что существуют люди, которые пытаются использовать меня за счет имени Боба. И я видела это и понимала: если я соглашусь, то ничего от меня самой во мне не останется. Я должна хранить себя, чтобы растить моих детей — теперь это были только мои дети, и еще совсем юные — в 1985-м

самой старшей, Шэрон, было девятнадцать, а самой младшей, Стефани, всего одиннадцать, и психологические нагрузки на них были намного выше, чем на их ровесников, потому что они были детьми знаменитости. Так что я должна была оставаться сильной, напоминать себе, что я прошла хорошую школу и готова к сопротивлению. Боб не виноват в наших невзгодах, потому что его такому не учили, но я теперь знала достаточно, чтобы защитить свои права.

Я была не одинока в своей борьбе, у меня были хорошие юристы и бухгалтеры, надежная команда и верные сторонники. Друзья, стоявшие за меня стеной и помогавшие принимать трудные решения. И у меня была моя вера.

В 2000 году журнал «Time» назвал «песней века» композицию Боба «One Love», а «альбомом века» — наш альбом «Exodus». Эти почести, ради которых Боб приложил столько усилий, были отданы ему людьми, относившимися к его музыке так, как она того заслуживает. Боб Марли занял заслуженное место в истории музыки.

Когда я думала о сохранении памяти Боба и плодов его труда, первое, что приходило в голову, — организовать культурно-образовательный центр в доме на Хоуп-роуд. Это привело к некоторым разногласиям, потому что мать Боба хотела сохранить дом, чтобы там можно было жить, приезжать с друзьями и семьей. Но в результате переговоров мы приняли решение, которое устроило всех, — организовали там Музей Боба Марли. Я чувствовала, что должна учредить такой музей. Ведь я думала о миллионах людей, разделявших вдохновение Боба, — многим из них было бы интересно увидеть, где претворялась в жизнь музыкальная история.

Я уже упоминала, что, когда Боб начал пользоваться этим домом, пришлось учитывать специфику его расположения. Здание находилось не только в одном квартале от офиса премьер-министра, но и недалеко от Кингс-хауз, где по приезде на Ямайку останавливается английская королева. Жалобы, которые мы слышали еще тогда, — «нельзя строить абы что на этой улице, кто вам позволил?» — теперь были направлены в мой адрес: «Рита Марли сошла с ума, устраивает бардак в серьезном районе!» Но теперь мы можем с гордостью поднимать наш растаманский флаг, и флаг Ямайки реет рядом, вместе с флагами других стран. Боб до такого не додумался бы, ему бы не пришло в голову, что подобное возможно. Я так и слышу, как он говорит: «Рита, так нельзя, кто тебе позволит! Ты в своем уме?»

Но по сравнению с концом 70-х некоторые важные стороны

жизни изменились на Ямайке, как и во всем мире. Тогда невозможно было увидеть портрет Боба Марли во всю стену или людей с дредами в рекламе кока-колы. Если бы Боб не достиг успеха, если бы он не добился победы, будучи растафари, все сложилось бы иначе. Хотя, конечно, смысловое наполнение тоже поменялось — сейчас не нужно читать Библию, чтобы носить дреды. Мы должны были читать по главе в день, должны были знать, почему встали на этот путь. А сегодня достаточно пойти к парикмахеру и посидеть часок в кресле: был такой — стал другой. Подумать только! Мы прошли долгий путь с тех пор, когда меня обвиняли, оскорбляли, презирали, даже плевали в меня: «Ты только глянь на нее — тетка учит-учит ее, и посмотри, что делается!»

Хоуп-роуд, 56, остается почти таким же, как в те времена, когда Крис Блэкуэлл купил дом и отдал его Бобу. Это старое деревянное здание, которое сохраняется за счет непрерывных усилий спасти его от разрушения. Частично древесина осталась со времен первоначальной постройки, частично была восстановлена, чтобы сохранить колорит. Музей управляется Фондом Боба Марли, благотворительной организацией; сотни тысяч людей со всего мира посетили его. Постепенно мы добавляли новые элементы в экспозицию — благодаря, главным образом, Невиллу Гаррику, который вложил много вдохновения, времени и сил в поддержание этого проекта. Помимо исторических артефактов, автографов и снимков, теперь там есть выставочный зал и театр на восемьдесят мест. Проводятся экскурсионные туры, продаются видеозаписи концертов Боба. Различные съемки из жизни Боба и другие специальные фильмы показывают в конце каждой экскурсии.

Члены семьи Марли — тоже часть этого места. Посетители всегда удивляются, когда видят кого-нибудь из родственников Боба на территории музея. Они тут же спешат взять автографы, которые мы с удовольствием даем. У нас есть магазин сувениров и бутик с африканским прикладным искусством — им заведует Стефани. Недавно мы добавили маленький магазинчик под названием «Bob's Cream», там мы продаем мороженое и натуральные закуски. Ресторан «Царица Савская», который по-прежнему работает и является частью музея, предлагает фруктовые напитки и натуральную пищу. Мы привозим приправы прямо из Эфиопии и подаем эфиопские блюда — «доро ват» и другие похлебки, вино, сделанное из меда (оно называется «тег»), овощи, все, что можно найти только в эфиопском ресторане. Мы воскуриваем эфиопские благовония, чтобы посетители сразу чувствовали себя на эфиопской земле, и вообще стараемся

сделать все как можно аутен тичнее — столы в ресторане сделаны из эфиопской соломки, стулья тоже эфиопские, и мы пытаемся говорить по-амхарски — «теналистилин» значит «здравствуйте»!

В «Universla Studios» в Орландо во Флориде теперь существует отдел под названием «Боб Марли. Посвящение свободе». Там также можно увидеть различные реликвии, связанные с Бобом, которые мы им передали. Это была наша инициатива с целью распространения музыки Боба, на которую Крис Блэкуэлл, по-прежнему помогающий нам принимать некоторые решения, согласился не сразу. Поначалу он сказал: «Бобу это не нужно, Боб уже на небе». Но моя позиция такова: если можно поднять его выше, то нужно попробовать. Пришлось потрудиться, но я чувствовала, что это поможет сделать Боба более известным — так и получилось. Мы устраиваем там концерты каждый год 6 февраля, в его день рождения, с участием наших детей, Зигги Марли и «The Melody Makers», Каймани, Дамиана и Джулиена Марли, меня самой и «I-Three». Боб поддерживает огонь в нашей музыке. Я счастлива быть ее частью и считаю, что мы хорошо делаем нашу работу. Я горжусь тем, что я не просто вдова Боба Марли, а человек, поддерживающий его наследие, которое так много значит для всего мира. Не только люди моего возраста интересуются этой музыкой, но и молодые поколения по-прежнему воспринимают идеи Боба, поют его песни на концертах и носят футболки с его портретом.

Глава четырнадцатая
«THE BEAUTY OF GOD'S PLAN»
(Красота промысла Божьего)

Когда я перелистываю страницы моей жизни, то замечаю, что практически любой значительный момент был незапланированным или неожиданным. Иногда я спрашиваю себя, почему я оказалась в той или иной ситуации, и почему именно я. Когда я анализирую, то вижу, что события происходят не сами по себе, и не только в тот день, когда они случаются, — события происходят чередой, подталкивают друг друга и приводят в действие новое время, добавляя все больше смысла. А что делаю именно я — так это просто выбираю, каким образом жить. Одна из тех вещей, которые я уважаю в жизни, — то, что прошлое не исчезает, оно отражается и перетекает в настоящее, и это кажется мне важным. Я часто говорю молодым людям: я не знала Риту Марли, когда была такой, как вы, и иногда жалею об этом. Но может быть, так было задумано, что я должна была дойти до чего-то сама.

Сейчас я вижу, что стремление к независимости становится более распространенным. Практически в любой семье — белой, черной, не важно — есть ребенок, который расположен к осознанию себя и выбирает путь изменений: мои родители такие, а вот я… я решил стать другим, или попробовать жить по-другому, или сделать что-то свое. Думаю, это похоже на идею, которой я держалась: что Рита что-то значит, что Рита имеет цель в жизни, у Риты впереди своя жизнь. Сейчас у Риты много детей, и она живет ради них. И ради внуков — их уже тридцать восемь! Конечно, я не растила их одна, есть еще матери. Но поднимать их на ноги…

В семье к моим малышам всегда относились как к обычным детям, их учили ожидать от жизни не больше и не меньше, чем ожидают их друзья и соученики. Но в школе или в других местах они непременно сталкивались с неравенством — ими восхищались как детьми суперзвезды или критиковали как растафари. Как бы ни были ограниченны эти определения, дети с ними сталкивались и справлялись. Когда нужно, они боролись за то, чтобы к ним относились по достоинству. Худшим испытанием для них, я знаю, было расти без отца, потому что Боб был веселым и любящим папой, всегда заботился о них и жил для них — и продолжал бы, если бы смерть не помешала.

«The Melody Makers» взяли свое название у британского рок-журнала «Melody Maker», после того как увидели постер для номера с историей Боба Марли и «The Wailers». Их первый сингл, изданный в 1979-м, назывался «Children Playing in the Streets», это была единственная песня, которую Боб успел написать для наших детей. Одно время Стефани и Карен, их младшая сестренка, «управляли» группой, когда они еще не были профессионалами и ходили в школу. Хоть они и были младше всех и не являлись вокалистками, они всегда бывали на репетициях, во все вмешивались и советовали старшим, что делать.

Когда участники «The Melody Makers» окончили школу и начали музыкальную карьеру, включавшую в себя турне, я решила, что должна ездить с ними. Им была нужна моя поддержка. Даже если они и были достаточно взрослыми, чтобы профессионально выступать, я ощущала, что должна быть их наставницей, иметь возможность, пока они только начинают, дать им понять, что мамочка здесь и присматривает за ними. Они заключили контракт с «EMI», потом перешли с «EMI» на «Virgin», а затем на «Electra». То, что я делала для них, не было мне в тягость, хоть я и превратилась из бэк-вокалистки в закулисную маму. Но жалеть мне не о чем. Я даже не думаю о том, что могла упустить, — на самом деле, вероятно, я ничего и не упустила. Поскольку могла вести своих детей, и им не приходилось делать некоторые ошибки, а потом жаловаться на отрицательный опыт. Я хорошо умею отделить хорошее от плохого и показать им различия: «Вот так мы это делаем, вот так делал папочка, а вот так делали мы при нем». Со мной им было легче понять тонкости. И они стали победителями! Они четырехкратные призеры «Грэмми» и входят в десятку лучших регги-коллективов. Что бы я там ни принесла в жертву, это пошло на пользу! И я до сих пор так считаю.

Конечно, когда я позволила себе расслабиться и задуматься о собственной карьере, я только и слышала: «Мамочка, а ты что, не едешь с нами в турне? А как же мы без тебя?» В свою защиту могу сказать, что я отправляла с ними в дорогу подготовленных людей — Аддиса Гессессе и его братьев из Эфиопии; они все еще работают с нами. И в конце концов я сказала:

— Знаете, я собираюсь вас оставить, и весь следующий год будете работать самостоятельно.

Естественно, их ответ был:

— Мы не справимся, нас никто не будет слушаться!

Но они справились, и очень хорошо. Лучшая черта этих детей — как бы это сказать… Они не просто послушные — у них нет ветра в голове. Они не наглые, открытые и дружелюбные, очень

естественные и реалистичные. Они такие не потому, что папочка был крупной фигурой и они должны соответствовать его славе, нет. Их научили быть собой. И тому, что скромность — лучшая стратегия. И хорошие манеры. У нас нет денег, но есть хорошие манеры. Одно это уже производит хорошее впечатление. Когда они были подростками, то никогда не попадали в ситуации, в которые большинство детей попадает по неопытности. У меня и раньше не было с ними больших проблем, а теперь, когда они подросли и у них свои дети, они не забыли, чему их учили.

Во время всех слез и испытаний после смерти Боба, я приходила домой после работы и не могла выбросить неприятности из головы. Я чувствовала, что становится все труднее стряхнуть с себя оскорбления. Постоянные обвинения и критика летели в мой адрес как дротики в мишень. Я теряла свою естественную жизнерадостность, свою улыбку. Я, помнится, даже пела песню со словами «моя улыбка пропала навсегда». Должно было пройти немалое время, прежде чем я поняла, что жива и невредима. Хотя мы с детьми и справлялись без отца, были времена, когда нужен был мужчина в доме — хотя бы для того, чтобы взять на себя ответственность, как бывает в семье. Или просто помочь мне — потому что часто мне казалось, что обо мне никто не думает, все думают только о Бобе. Я нуждалась в такие моменты, чтобы кто-нибудь думал обо мне, любил меня!

Когда я открыла глаза, мне не пришлось далеко глядеть, потому что Оуэн Стюарт, мой добрый друг Таки, все еще беспокоился и заботился обо мне. Между нами всегда существовало много больше, чем секс, — любовь и забота. Поэтому я смогла открыть свое сердце, и мы возобновили отношения. Поскольку дети знали его и помнили, что он «мамин друг», у них не было ощущения, что я привела чужого человека в семью. Таки, как всегда, оставался хорошим другом, поддерживал меня и давал силы не обращать внимания на клеветников. «Поменьше переживай и поменьше работай, — всегда говорил он. — Побольше отдыхай».

Серита, моя последняя дочь, — это ребенок Таки. Она родилась тогда, когда я думала, что больше не смогу иметь детей. Это был финал — и какой! Мы с Серитой очень близки, потому что она росла со мной, когда другие дети уже были большими. После того как я завела пятерых собственных детей, мне казалось, что этого достаточно (хотя если бы Боб был жив, наверняка прибавилось бы еще несколько). Но Серита появилась в нужный момент — мне надо было как-то замедлиться, потому что тогда моя жизнь превратилась в суету с девяти утра до десяти вечера. За эти девять месяцев я по-настоящему отдохнула — все заботы

отошли в сторону, остались только мы, я и ребенок у меня в животе. Это было очень хорошо для перемены обстановки, хотя я и продолжала работать. Другие дети были в восторге от перспективы появления нового ребенка в семье и дорожили неожиданной привилегией увидеть мою беременность. Некоторые люди все же спрашивали: «Зачем?» Как, например, тетушка. Когда я сообщила ей новость, она только и вымолвила:

— О нет, что скажут люди? — Хотя и прошло пять лет с тех пор, как Боба не стало, она считала, что я не должна заводить ребенка, потому что пойдут кривотолки.

Я сказала:

— Тетушка, хватит, забудь наконец о других людях — это моя жизнь! Кроме того, я не одна зачала ребенка, еще один человек участвовал. И если Бог того захотел, я только рада.

По сей день Серита все еще моя «кошелочка» — это имя она получила, потому что мне пришлось взять ее в турне. Уже через три месяца после родов нам пришлось ехать на гастроли. На помощь я позвала мать Минни по имени Рита Мазза — мы ее звали «мисс Рита». Серита у нас прозвалась Серита Мазза, а я просто Рита, так что у нас получилось «трио-Рита». Серита причиняла немало беспокойства мисс Рите. Бедная мисс Рита — хотя Серита была большая забавница, но все же в дороге с ней было много хлопот!

После того как мой отец приехал на Ямайку на похороны Боба, он решил остаться. Он постарел и понял важность того, чтобы просто находиться рядом с нами. К тому времени Уэсли переехал в Канаду со своей семьей, как и Донован, мой другой брат, которого вырастила моя мать. Другие дети папы, в том числе дети мисс Альмы Маргарет и Джордж, а также наши шведские сестрички — все они немного разветвили наше родовое дерево.

Папа приехал домой и был повышен в звании до «папаши». Когда папаша изучил список обязанностей, которые он мог бы принять на себя в нашем семейном бизнесе, он решил участвовать как музыкант в тех или иных записях, а также стал завхозом в «Tuff Gong» — его плотницкие умения при этом оказались неоценимым подспорьем. Он ремонтировал стулья и столы, окна и двери, устранял протечки, и вообще следил за всем, что требовало внимания. Все любили папашу, и он охотно всем помогал. Он говорил: «Рита, я прикрою, ты ж знаешь». И иногда он звонил мне по вечерам и высказывался по проблеме персонала: «Такой-то парень шутки шутит, а не работает на все сто, отлынивает!» Вот такой был папаша, прикрывал мой тыл.

Помогал во всем.

Тетушка тоже была рядом со своим братцем — и как старшая (даром что миниатюрная) любила покомандовать, поэтому поначалу имело место легкое соперничество. Папаша возмущался, что она до сих пор всем заправляет. Он был поражен тем, что, вернувшись, нашел ее на том же месте, у руля. Даже после многих лет воспитания внуков, ответственности и всего прочего папаша беспокоился, что тетушка по-прежнему не дает мне принимать самостоятельные решения. Но я была ей крайне благодарна, хотя при этом четко знала, что ей можно позволить, а что нет. К тому же тетушкина забота позволяла мне уделять больше времени себе самой.

Соревнование между папашей и тетушкой разрешилось, когда каждый получил по квартире — они стали соседями на Вашингтон-Драйв, в доме на три семьи, где мы прежде жили. Однако, как всегда, тетушка приезжала каждый день в дом на холме, чтобы убедиться, что все в порядке. У нее была машина с водителем, тем самым, что отвозил детей в школу. Она обязательно провожала их, чтобы убедиться, что дети попали в школу и вовремя оказались в классе. Когда занятия заканчивались, водитель должен был сначала забрать ее, а потом уже их — она никому не давала спуску!

Милая тетушка. Впоследствии я всегда заботилась, чтобы у нее было все, что она пожелает, пока в один прекрасный день она не захотела научиться водить. Я говорила ей:

— Нет-нет, у тебя есть машина и водитель, зачем тебе самой водить?

Но тетушка настаивала, что ей не нужен в машине этот человек, мистер Энди, что это он о себе воображает, она будет сама водить! И однажды я увидела, как она, едва выглядывая из-за руля, гонит вверх по холму! Я не могла поверить своим глазам — так разозлилась, что чуть не уволила водителя.

Я кричала:

— Как ты посмел пустить ее за руль?!

И бедняга ответил:

— Я не смог остановить ее, миссис Марли! Если она чего-то захотела, то непременно добьется!

И она добилась — доехала сама к себе домой по нашей вьющейся горной дороге и после этого объявила мне:

— Теперь я могу возить детей в школу!

Тетушка была совершенно непобедима — вот верное слово. Даже когда возраст взял свое и она не могла больше шить, она давала мне советы по поводу моих костюмов: надевать это или нет, как сделать такое платье или этакое, как бы она сама это

сделала в те дни, когда могла шить. И всегда побеждала.

Тетушка была следующей в нашей семье, кто покинул этот мир, унеся большую часть меня с собой. Но когда она отправилась на вечный покой, то сделала это мирно и деликатно. Однажды утром позвонил доктор и сказал, что тетушка уснула и не проснулась. Она не была абсолютно здорова, но ничем особенно не болела. Я была на пятом месяце беременности, ожидая Сериту, и кричала от горя так, что чуть сердце не выпрыгнуло, пока не испугалась, что рожу ребенка прямо сейчас. Мы поспешили в госпиталь, где тетушка лежала на кровати, как будто спала — Седелла даже пыталась сделать ей искусственное дыхание. Но это не помогло. Мы расчесали тетушке волосы и попрощались с ней. Было очень тяжело расставаться с моей Вай-Вай. Но она наверняка снискала покой, потому что столько людей ее любили.

Стив был ее любимчиком, и за день до смерти она рассказала ему о своих чувствах.

— Тетушка призналась, что в последнее время сама призывала смерть, — сообщил он нам. — Потому что она терпеть не могла политику, агрессию, когда все на тебя давят, требуют ту или иную вещь, которую папа оставил, требуют денег… Она думала, — сказал Стив, — что, если бы она умерла, она смогла бы лучше нас защитить, а иначе она уже за нами не поспевала.

Бедная тетушка, носить имя Марли не самое легкое дело. Хотя в этом всегда была и хорошая сторона, не только плохая, и впоследствии ситуация улучшилась. Когда в конце девяностых меня наградили ямайским Орденом Отличия, я, помню, думала: вот было бы здорово, если б тетушка это видела. Узнай она, что правительство награждает меня, это привело бы ее в восторг. Но я знаю, что ее дух был там и простирал над нами свои крылья.

Она не дожила до рождения Сериты, но Серита очень на нее похожа. Остальные дети росли буквально у тетушки на руках. Они помнят, как тетушка и ее приятельница мисс Коллинз сидели вечерами и складывали их носки. С пятью детьми (иногда собиралось до десяти), да у каждого по нескольку пар — можно вообразить себе работку. Но такова уж была Виола Андерсон Бриттон. Таких больше не делают. Она была, как говорится, штучным товаром. Мне повезло, что она прожила рядом с нами так долго.

Думаю, оттого, что мне посчастливилось иметь тетушку и что я понимала важность семейного воспитания, я чувствовала потребность заботиться о Бобе. Я понимала, что ему в детские годы не хватило теплоты, которую он пытался наверстать, — вот это время рядом с матерью, которое так важно. Воздействие,

которое мать имеет на сына. К тому же, когда слышишь, что сын должен быть похож на отца, а отца при этом нет, ты стараешься сильнее держаться за то, что могут предложить мама с бабушкой. Но в конце концов мамочка уезжает — и не потому, что ей хочется. Никто не может обвинять мать, застрявшую с детьми в Тренчтауне. Мать Боба не хотела стать пустым местом, поэтому, будучи молоденькой девушкой, она должна была вырваться. Могу представить, как она принимала решение. У нее был сын постарше и младенец. В этой ситуации Боб стал жертвой, лишившись того периода, когда ему все еще была нужна материнская защита, но вместо этого он остался один, зарабатывая выпасом коз и работой на того или иного хозяина. Но его мать тоже стала жертвой, она должна была сражаться, чтобы найти приемлемую жизнь. Если посмотреть на ее жизнь, моя собственная кажется следующим шагом в том же направлении.

Вскоре после смерти тетушки скончался и мой отец. Я была так опустошена, что не знала, куда себя деть. Я думала, что не смогу жить без тетушки и папы. Как я выдержу эту жизнь без их любви и поддержки? Но я пережила все потери и научилась опираться на друзей и ценить их советы. Даима, американка, оказалась одной из лучших сестер, которых я знала. Боб познакомился с ней в Калифорнии в одном из туров — она работала на Маргарет Нэш в Лос-Анджелесе. Думаю, они начинали как «друзья». Она переехала на Ямайку с детьми, когда Боб пригласил ее работать на него. Но когда нас с ней представили друг другу, она сочла своим долгом показать, что ожидала увидеть совсем другое. Она не знала, что Боб женат, и познакомилась со мной и нашей семьей только на Ямайке. Тем не менее, она осталась на Ямайке и растила там детей какое-то время. В итоге мы стали хорошими подругами. Это Даима научила меня красить губы. Однажды она сказала:

— Рита, у тебя сексапильные губы, пользуйся этим!

Я сказала:

— Ты с ума сошла! Боб меня убьет!

Она возразила:

— Нет, ты должна просто взять немного витамина Е, я привезу тебе из Америки, и ты попробуешь. Он подчеркнет твою замечательную улыбку!

Я перешла с витамина Е на бесцветную помаду, а потом на цветную, и мне понравилось. После смерти Боба Даима поняла, как мне трудно приходится, и стала поддерживать меня и помогать двигаться вперед. Она хорошо разбиралась в

издательской части музыкального бизнеса и особенно ценила мои деловые качества и умела подбодрить. Она говорила:

— Слушай, подруга, у тебя все получится, давай создадим компанию.

Думаю, она тоже превратила свои минусы в плюсы. Для женщины внутренняя сила и уверенность в себе всегда важны. Приходится быть лучшей за рулем, особенно если одновременно рулишь и переключаешь передачи. Иначе попадешь в аварию!

На Ямайке насилие может вспыхнуть в любой момент, поэтому я научилась быть особенно осторожной. Случаются самые дикие вещи. Недавно ко мне в офис пришел человек, который сказал, что он — реинкарнация Боба и хочет увидеться со мной. Потом он следил за моей машиной. Меня вообще часто преследовали люди, которые считали, что я им принадлежу. Мне пришлось поставить дополнительные ворота, потому что они подкарауливали меня на дороге, чтобы проследить, как я еду из музея домой. Ямайка такое место, где тебя сегодня любят, а завтра ненавидят. Одно дело быть Ритой Марли, и совсем другое — растаманкой. Люди любят меня за то, что я Рита, а потом вдруг начинают ненавидеть, узнав, что я — раста.

Сегодня каждый пытается скопировать то, что мы пропагандировали как стиль жизни для растафари — вегетарианство, органическую пищу, упражнения. Иногда сюда же включают курение травы. Как мы себе представляем, трава эта создана Богом, как и другие травы в саду. Есть известные области ее медицинского применения, для обезболивания и против глаукомы. Я сама использую ее как священную траву: когда я хочу правильно сделать хорошее дело или сказать правильную вещь в нужное время, я выпиваю чашку настоя или делаю пару затяжек. Трава мне помогает в медитации, от нее есть своя польза, но если злоупотреблять, то от всего может быть вред. Я предпочитаю пользоваться ею, как и другими травами из сада, умеренно и для конкретных целей.

Когда я присмотрелась к себе, чтобы отделить потребности от желаний, примириться со следующим этапом моей жизни, я поняла довольно скоро, что у меня достаточно материальных благ в жизни и теперь пришло время делать что-то другое помимо накопления. Если в какой-то момент жизни у тебя есть все, что нужно, пора определиться, что важнее. И что еще можно сделать. Если ты способен дать что-то другим, то надо поделиться. Как я говорила, щедрость всегда была нашей чертой. Идея щедрости привела меня в другую фазу жизни, в Африку, где я провожу часть времени в горном селении, помогая местным жителям по

мере сил и возможностей. Африка пришла ко мне, как новая жизнь с древней основой: она такая черная, что там я чувствую себя дома — войны с черными, которая происходит в других местах, здесь попросту нет. Я хочу быть свободна в своих поступках и оставаться самой собой без необходимости сражаться с кем-нибудь.

Я чувствую себя в силах погрузиться в эту жизнь, потому что дети выросли и твердо встали на ноги. Они знают, откуда пришли и куда идут. Возвращение в Африку было частью философии Боба — это его мечта, а не только моя. Хотя он не присутствует здесь физически, но все равно с нами и помогает другим в нужде — потому что наши нужды уже удовлетворены.

Глава пятнадцатая
«SUNSHINE AFTER RAIN»
(Солнце после дождя)

Впервые в Африку я попала с Бобом — на празднование независимости Зимбабве. Потом мы съездили в Габон, и там он познакомился с Паскалин. После смерти Боба я отправилась в Эфиопию, это была для меня особенная поездка, исполнение мечты — как ступить на райскую землю. Я даже смогла отвезти туда локон его волос. Но когда пришло время окончательно поселиться в Африке, выбрать место, где я могла бы построить дом и найти свое призвание, той страной, которая открыла мне сердце и объятья, стала Гана. Меня привлекало ее стабильное управление и стремление к развитию. Фонд Риты Марли был зарегистрирован там как неправительственная организация в 2000 году. Хотя регистрация облегчает некоторые вещи, свою благотворительную деятельность мы начали там несколькими годами раньше. Забота о новорожденных и уход за стариками — вот наши главные цели.

Я верю, что ничего случайного не бывает. Когда кто-то или что-то находится в нужное время в нужном месте, ответы на вопросы приходят сами. Моя забота о Гане началась в тот день, когда я поехала смотреть дом, который впоследствии купила, неподалеку от селения Конконуру, в горах Абури по соседству со столицей страны городом Аккра. Думаю, я могла бы запросто выбрать другое место для жизни, но мне понравились люди в тех краях, и пологие горы напоминали мне Ямайку. Дорожка, которая вела к дому, проходила мимо сельской школы, как в Тренчтау не. Проезжая мимо, я заметила детей, сидящих на земляном полу. У них не было ни парт, ни сидений; лишь у учителя имелись маленький столик и стул. Этот образ отложился в моей голове. Много лет назад, пытаясь подражать тетушке, я работала в воскресной школе рядом с нашим домом в Тренчтауне, и конечно старалась уделять время не только религиозным наставлениям по Библии, но и образованию вообще. В Гане, куда я ездила несколько раз туда и обратно по делам, связанным с домом, я каждый раз видела этих детей с ангельскими глазами. Хотя ничто не заставляло меня жить в этом конкретном месте, я знала, что должен появиться смысл моего пребывания там. И вот я нашла его. Внеся деньги за дом, я связалась с директором школы и

местным вождем и в следующий раз привезла несколько скамеек для школы. Немного позже, когда мы меняли двери и окна в здании на Ямайке, я вспомнила о школе в Конконуру, где ничего такого и в помине не было. Поэтому я позвонила моей секретарше и сказала:

— Найдите мне транспортный контейнер, я хочу отвезти все старые рамы и что еще в этом здании найдется полезного в Африку.

Она хотела было возразить:

— Но, миссис Марли…

Я заявила:

— Никаких «но», как я сказала, так и сделаем!

И это было правильное решение: каждый раз, как я проезжаю мимо школы, мне приятно видеть эти двери и окна, потому что я думаю: «Смотри-ка, на Ямайке бы все это просто спалили, а здесь старые рамы защищают детей от сквозняков и сырости». Вот чем мы — я говорю о моей семье и друзьях — занимаемся в Африке. Здесь нет никакого «пресыщения». Да, мы пользуемся комфортом, который можем себе позволить, ездим на машинах и все такое. Но мы ни на минуту не забываем о людях, которым это недоступно. И стараемся помочь — не только пожертвованиями, но и обучением.

Я все еще с удовольствием хожу по магазинам, хотя куда реже, чем прежде, — вещи и так уже не помещаются! Когда платьев у меня становится слишком много, я собираю посылки и отправляю их в Гану и Эфиопию. В селении мы раздаем часть одежды, а часть выставляем в лавке для бедных, чтобы люди учились быть самостоятельными. Мы показываем им, как работает торговая схема: получаешь пожертвование, продаешь вещи и вот тебе деньги на школьные завтраки для детей. Потому что наша цель — не только раздача подарков; мы стимулируем инициативу и самодостаточность. Недавно я получила благодарственное письмо от директора школы, где говорится, что на автобусе, подаренном нами, они возят людей в город — так школа зарабатывает деньги, чтобы окупить свои затраты. Очень приятно знать, что жители получают не только деньги, но и коммерческие навыки. Для меня это самое главное. Чтобы с нуля подняться до тридцатиместного автобуса, надо приложить какие-то усилия, а не просто дожидаться выигрыша в лотерею. Надо иметь цель и упорно работать над ее достижением. Это очень хороший пример.

Недавно после окончания очередного сезона Седелла собрала целый тюк одежды из своей коллекции «Поймай огонь». Она попросила меня:

— Мама, отдай это своим людям в Гане.

Я пришла в восторг, а дочь посмотрела на меня и добавила:

— Только, пожалуйста, не продавай — отдай так! — Наверное, она вспомнила, что у мамочки все идет в дело!

Думаю, многие люди не стали бы этим заниматься, а просто построили бы еще один дом для себя или купили еще один бриллиант. Я видела людей, которые так и делают. Бриллианты и жемчуга — это замечательно, но сама я ни за что не стала бы их покупать. Богатство и слава — это вещи, которые я понимаю как приправу, а не основное блюдо. Основное блюдо — это жизнь, остальное лишь добавка. Если выходит так, что мне добавили побольше, я и отдаю побольше. И чем больше отдаешь, тем больше получишь в ответ. Это большая радость — понять, что тебе позволено делать людей немного счастливее. Мне кажется, совершая добрые поступки, я доросла до понимания ценности добра.

Например, каждый год с тех пор, как Боба не стало, когда приходит его день рождения, мы делаем что-то полезное, организуем концерты в его память, не только на Ямайке и в Гане, но и в других местах, где возможно. Я радуюсь, и снова кажется, что он с нами повсюду. Я прекрасно знаю, зачем занимаюсь этим уже двадцать лет, потому что добро всегда вознаграждается — например, кто-нибудь звонит или приходит письмо, после которого я чувствую себя на седьмом небе.

Еще в горах Абури мы строим звукозаписывающую студию, которая будет совмещена с радиостанцией. Профессиональные инженеры будут там готовить талантливую и целеустремленную молодежь к работе в области музыки. В Гане музыка звучит повсюду, иногда Аккра кажется мне неоткрытой музыкальной столицей. Такая студия — еще одно исполнение мечты — будет создавать саундтреки к фильмам, видео, звуковые эффекты и многое другое, внося свою лепту в развитие, в котором так нуждается Африка. Мы будем также предлагать размещение и питание с нашей органической фермы, прямо там, в горах, где воздух свежий и чистый!

Все эти идеи о благотворительности в Африке происходят из того, что мы делаем на Ямайке. Боб подготовил почву, потому что щедрость была стилем его жизни. Но он бы скорее всего просто давал деньги, а мы поняли, что это не лучший выход. Если давать деньги, они кончаются, и тот же человек явится к тебе снова, будто ничего не получал. Поэтому Фонд Боба Марли на Ямайке подходит к делу с другой стороны. Мы помогали семьям организовывать собственные предприятия — что-нибудь

небольшое, например, магазинчик или закусочную вроде той, что была у тетушки в Тренчтауне. Мы находим сиротам новую семью, помогаем поддерживать детский дом в Максфилд-парке, передаем оборудование и медикаменты, пожертвованные другими благотворителями, в детские больницы. Мы привозили врачей на Ямайку для осмотров больных — нашлись доктора, которые делали это бесплатно в качестве благотворительности; Зигги приглашал их через организацию «URGE», связанную с «The Melody Makers».

У «The Melody Makers» есть свой фонд. Фирма «Adidas» иногда поддерживает их туры и присылает им целые коробки своих товаров, которые ребята распределяют через свой фонд. Если бы я даже присмотрела там что-нибудь для себя, мне не позволили бы взять и пару кроссовок: «Нет-нет, мама, ты нам скажи, и мы тебе потом купим. А это все для нуждающихся!» Раздают всё!

Однако на Ямайке излишняя щедрость может сделать тебя врагом системы, что я испытала на себе. Может быть, именно это мотивировало мой поворот к Африке — когда начинаешь заниматься благотворительностью, уже не хочется останавливаться, хотя это может обернуться против тебя. Так что приходится очень тщательно выбирать объект благотворительности.

Благотворительность — целая наука, и об этом необходимо помнить. Я убедилась в этом на собственном опыте. Я знаю, что должна постоянно быть начеку, духовно и физически. Быть готовой. Это важно, особенно если ты черная женщина. Как Боб сказал в одной из своих песен много лет назад: «отдаешь всего себя, чтоб получить самую малость». Помню, тогда я спросила его: «Почему ты так говоришь?» Но с течением времени жизнь расставила все по местам и подтвердила слова Боба Марли. Я вообще часто ловлю себя на мыслях: «так вот что он имел в виду» или «ведь он говорил именно об этом». Благодаря развитому политическому чутью Боба и его способности петь о том, о чем нельзя даже говорить, многие люди считают его пророком. Некоторые отметают эту идею — они представляют себе пророков ветхозаветными старцами с бородами и в длинных одеяниях. Но Боб просто был тонко настроен на реальность этой системы и чувствовал, насколько она нуждается в изменении, чтобы придать силы слабым. Он был настоящим пророком — и ему не нужны были экзотические одеяния. Ему хватало старой синей рабочей рубашки, джинсов и любимых ботинок.

Иногда тянет вернуться в прошлое и оказаться на улицах, где

бегал ребенком. Время от времени я проезжаю по Гринвич-парк-роуд и вспоминаю свою жизнь. Когда я была маленькой, местный сумасшедший писал разные лозунги на кладбищенской стене напротив нашего дома. Однажды он написал «зверства черной полиции», и эти слова видны до сих пор! Здания и заборы теперь совсем другие, но чтобы найти место, где стоял наш дом, я просто ищу эту надпись, и когда вижу ее, то знаю: это здесь. Нет больше сливы в том дворе, где мы пели и рассказывали всякие истории, и нет многих людей, с которыми я росла и работала в Тренчтауне. Как пел Боб, «добрые друзья, которых мы растеряли по пути». Кухню Таты на Второй улице, где Боб ночевал, сейчас перестраивают под выставочный центр. Ямайское туристическое агентство вложило деньги в это здание, чтобы сохранить в Тренчтауне частичку подлинной истории Боба Марли (мне нравится приходить на то место, где мы с Бобом впервые занимались любовью). Но недавно мне сказали, что туристам не советуют посещать Тренчтаун из-за преступности.

Но каждый раз, когда я хочу вспомнить былые дни — или снова убедиться, что никогда их не забуду, — я иду к стене с надписью «зверства черной полиции». В те времена молодым людям, сидевшим на обочине, приходилось сразу пускаться наутек, едва они видели полицейскую машину — независимо от того, честные они ребята или преступники. Ни разу такого не было, чтобы белых людей били дубинками и приговаривали: «Проваливай, прочь с дороги!» Но при этом вовсе не белая, а черная полиция издевалась над черными. Наверное, тот сумасшедший стал свидетелем подобных издевательств и написал об этом на стене. В первый раз я увидела эту надпись, когда мне было десять. Теперь мне шестьдесят шесть, и она все еще там. И то, о чем она говорит, по-прежнему имеет место. Пожалуй, зверств только прибавилось.

Может ли что-нибудь хорошее выйти из Тренчтауна — это всегда был большой вопрос. Конечно, я сама оттуда, да и многие другие. Но недавно я слышала по радио одного ямайского политика: он говорил, что власть имущие должны наконец понять, что Тренчтаун по-прежнему является рассадником неприятностей. Хотя стандарт жизни и повысился — люди живут лучше, чем в пятидесятых годах, их дома, машины и одежда стали лучше, — но в реальности определенные районы все еще опасны, все еще являются мишенью для полиции, и зверства там продолжаются. Как в те времена, когда Боб сочинил «Concrete Jungle» («Каменные джунгли») и «Them Belly Full (But We Hungry)» («Они набивают брюхо, а мы голодаем»). Ямайское общество не изменилось.

Всем известно, что образование — ключ к мирному продуктивному обществу, но семьям по-прежнему приходится платить за обучение детей после начальных классов, примерно с двенадцатилетнего возраста, если только ребенок не получает стипендию. Даже когда я получила половинную стипендию, мой брат вынужден был пойти работать, чтобы я могла продолжить обучение. В тринадцать уже нужно поступить в колледж, иначе на тебя будут косо смотреть, так что приходится заранее копить деньги на образование. Одежда должна быть чистой, обувь должна блестеть, да еще приходится покупать книжки, форму, завтраки. А представьте, что у вас недостаточно денег на все это, — куда обратиться? Люди приходят в Фонд Боба Марли с длинными списками книг, которые нужны их детям. У нас для этого существует библиотека: мы покупаем книги и выдаем их учащимся, потом они возвращают их нам, и мы можем передать их другим. Мы считаем своим долгом поддерживать семьи и учащихся. Однако остается множество людей, которые не получают не только нашу помощь, но и вообще какую бы то ни было.

По моему мнению, женщины-лидеры — это вещь, необходимая такой стране, как Ямайка. Это единственный шаг, который мог бы на что-то повлиять. На протяжении многих лет по мере приближения выборов политическая ситуация вызывает волну насилия, и бедные люди начинают убивать друг друга в гетто и деревнях. Ситуация не меняется. Ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь из них убил министра за невыполнение предвыборных обещаний, они скорее пойдут и убьют своего брата или сестру, чтобы тот не проголосовал «неправильно».

В нашем правительстве уже есть достойные женщины — это Бэбси Грейндж из Ямайской трудовой партии; Беверли Мэнли, отлично потрудившаяся в правительстве премьер-министра от Народной национальной партии Майкла Мэнли. Есть также Порша Симпсон, которая могла бы стать новым премьер-министром — сил у нее предостаточно. Встречаясь с ней, я прошу: «Сестра Порша, пожалуйста, вылечите наконец эту страну!» За спиной каждого сильного мужчины всегда стоит достойная женщина. Нам нужно выдвинуть эту женщину на передний план, особенно на Ямайке, где слабый пол так загнан. У женщин есть авторитет, но он пропадает впустую. Женщины тоже способны быть лидерами, управление страной не обязательно мужская работа. Очень важно выдвинуть хороших женщин в правительство!

Что же касается меня, я просто хочу быть собой. Люди

спрашивают, почему я до сих пор хожу на рынок каждую пятницу или субботу в шесть утра, когда могла бы послать кого-нибудь из подручных. Но я рада, что у меня остается время для любимых занятий. Мои друзья на рынке всегда рады меня видеть. Иногда я снимаю их на видео, и тогда все поют и пляшут.

Даже в этом возрасте жизнь и работа открывают мне что-то новое. Пробовать новое так же важно, как продолжать старое. Около восьми лет назад Американское лекционное бюро связалось со мной и предложило выступить с докладом о Бобе Марли во время Месячника черной истории. Несколько лет я ездила в различные американские университеты вместе с моими подругами Даимой и Элинор Уинт, а также с нашим ассистентом Эрролом Барретом. Мы рассказывали о Бобе, демонстрировали слайды, отвечали на вопросы — не только о Бобе, но и об Африке и растафарианстве. Я так привыкла и втянулась, что уже заранее с удовольствием ожидала следующего сезона лекций. Но потом я заметила, что говорю больше, чем пою, и задумалась: не сузится ли диапазон моего голоса, если не заниматься вокалом? Мне пришлось всерьез задуматься о своих планах. Однако лекции мне не хотелось бросать: студенты приходили целыми классами, да и звукозаписывающая компания была довольна — молодежи хотелось услышать побольше музыки Боба Марли, так что продажи пластинок возрастали. Мне было приятно знать, что Боба еще любят.

Самой популярной частью моей лекции остается рассказ о том, как Боб влез в окно тетушкиного дома, — он всегда вызывает смех, и во время ответов на вопросы студенты часто интересуются подробностями этой истории: что сделала тетушка, что чувствовал Боб, долго ли мы переживали. Это вопросы молодых людей, потому что студенты примерно в том же возрасте, как мы были тогда, и проблемы у них те же. Поэтому их забавляет, что Боб с Ритой тоже попались. Это превращает суперзвезду в живого человека, обычного парня — но с особой целью в жизни. Зная Боба, я думаю, что ему бы это понравилось. Симпатия — вот что было для него важным, вот что делало его самим собой, вот чего он искал в людях.

Сейчас мне приходится быть внимательной к самой себе, потому что за долгую жизнь неизбежно достигаешь точки, когда надо заботиться о здоровье, заботиться о себе не меньше, чем о других. Будучи Львом по гороскопу, я часто поворачиваюсь лицом к нуждам и заботам других людей, забывая при этом о себе. Иногда в конце дня я обнаруживаю, что у меня не нашлось ни одной свободной минуты для медитации. Сейчас я страдаю диабетом, и все из-за стрессов и неправильного питания. Часто

нет возможности соблюдать правильную диету, потому что в обеденное время нужно быть на встрече или телефонных переговорах, и так до тех пор, пока доктора не объявят: высокое давление, диабет, берегись…

А потом наступает менопауза — ну просто смех! Понятно, почему ее называют «мен-о-пауза», — такое состояние действительно может создать паузу в отношениях с мужским полом. Ты вдруг обнаруживаешь, что уже далеко не та юная девушка, и даже теряешь любовный пыл — хотя на самом деле это мужчины отступают, это у них пауза. Они делают паузу, когда ты уже не так привлекательна для секса, они делают паузу, когда у тебя случаются приливы, когда настроение такое, что никого не хочется видеть.

Но жизнь продолжается — иногда все еще хочется быть любимой. Хотя когда через все пройдешь и все узнаешь, рано или поздно тянет отдохнуть. Но сталкиваешься с новой жизнью, с новым прикосновением — «обними меня, детка», — и понимаешь, что у тебя все еще остались чувства. Если есть по-настоящему любящий партнер, случаются моменты, которыми дорожишь. Когда не надо ничего доказывать — не надо доказывать, что ты на это способна, потому что у тебя это было! Поэтому я и говорю, что мне надо теперь больше беречь себя. Ведь теперь у меня есть уже взрослые дети и внуки, которые хотят видеть меня активной: «Бабушка, ты должна отвести нас туда-то, мы должны сделать то-то!» И я не собираюсь сдаваться и опускать руки!

Сразу после смерти Боба я перестала петь на публике — я просто не могла, иначе сошла бы с ума. Я отдала всю себя работе фонда и не собираюсь от нее отказываться. Я должна защищать его права — наши права — и сохранять память о Бобе для потомков.

Тем не менее, хотя все силы уходили в основном на эту работу, совершенно отказаться от пения я тоже не могла, тогда я бы наверняка рехнулась. На студии мне говорили: «Миссис Марли, останьтесь и запишите хотя бы одну песню, а когда у вас будет время, придете еще и запишете другую». Так что я пробовала помаленьку, и наконец у меня незаметно накопилось десять песен. После чего я решила выпустить альбом. На нем были песни, которые я написала вместе с Бобом, а также песни, написанные для меня другими людьми или в соавторстве.

Часто мне говорили, что неплохо бы устроить концерт. Наконец я нашла на это время и была готова продолжать свою музыкальную деятельность. Я так или иначе ездила по всему миру, хотя бы и для того, чтобы встречаться с юристами или

подписывать соглашения, и меня просили устроить шоу.

Первый раз я выступила как солистка с «Fab Five Band». Когда я — после длительного перерыва — вышла на сцену, в луч света, то не могла не подумать: «Я вернулась!» Меня уговорил барабанщик «Fab Five», Граб Купер. Он работал с нашей семьей много лет как звукорежиссер наших альбомов. Благодаря ему наша музыка приобрела особое узнаваемое звучание. К тому же Граб сам сочиняет песни — он был автором моего первого большого хита, «One Draw». Эта запись одной из первых 12-дюймовых пластинок в стиле регги попала в чарты «Billboard» в Америке.

А тогда мое первое сольное выступление после столь длинной паузы стало для меня моментом истины, знаком того, что я по-прежнему могу и хочу быть на сцене. С тех пор — а это было давно — я по-настоящему распробовала вкус сцены. Когда свет падает на тебя, все тебе хлопают, ты понимаешь, что жив для музыки. Иногда я удивлялась, что у меня все еще есть силы. Когда мне было сорок, я думала, что в пятьдесят уже не смогу выступать, но потом мне стукнуло пятьдесят, а я все пела — и продолжаю до сих пор. Всегда готова выйти на сцену, чтобы отдавать, но и получать тоже — принимать овации и улыбки.

Мой четвертый альбом, «We Must Carry On», изданный в 1991 году, стал бестселлером и был номинирован на «Грэмми» (получить номинацию может только по-настоя щему популярный альбом — значит, люди действительно слушают мои пластинки). Это дало мне толчок к дальнейшей работе. Как поется в заглавной песне: «Мы должны продолжать, ты должна продолжать». Для меня это значило найти время для карьеры, потому что я еще многое могла сделать.

Я до сих пор концертирую, хотя и не подолгу, потому что мне хочется проводить больше времени со своими тридцатью восемью внуками. Хотя они, возможно, предпочли бы поехать со мной в турне — постоянно пристают ко мне: «Бабушка, можно поиграть у тебя на барабанах?» или «Давай я спою, бабушка, я могу быть участником „I-Three“!» Думаю, у них хватает музыкального чутья, так что я подстраиваю свое расписание под них. В туры я часто езжу со старой командой — из тех времен, когда мы пели вместе с Бобом. Приятно снова работать с некоторыми членами «The Wailers». Я думаю, это важно, — как говорится, старый друг лучше новых двух. И как поет Боб: «В этом светлом будущем тебе не забыть своего прошлого».

Мне нравится ездить в туры — ради того, чтобы выйти на сцену и зажигать. Хотя в последние годы я не так много отплясываю, как в прежние времена, — набрала лишний вес, —

но я ненавижу стоять смирно на сцене, да и не могу!

Мой самый свежий альбом называется «Sunshine After Rain». Думаю, авторы решили, что мне опять пора начать петь о любви, пора вернуть любовь в свой голос. Иногда мне кажется, что я слишком долго думала только о работе. Впрочем, это проблема многих жен и матерей в шоу-бизнесе, которые пытаются добиться, чтобы их мужья и дети поняли — не все то золото, что блестит.

Я всегда питала страсть к сочинительству и надеюсь написать, сама или в соавторстве, еще не одну песню, поделиться своими чувствами с миллионами женщин, миллионами сестер. Множество раз женщины говорили мне: «Рита, не знаю, что я делала бы без твоих песен», или «Рита, твои песни помогли мне пройти через невзгоды», или даже: «Твоя музыка уберегла меня от беды». Даже если я исполняю песню, сочиненную кем-то другим, я вкладываю в нее себя: нет-нет, да и поменяю одно слово на другое, чтобы почувствовать текст, сделать его своим. Я не выберу песню только ради живенькой мелодии или энергичного ритма. Я пою, потому что слова что-то значат для меня — для меня и многих других людей.

Самый первый альбом, который я записала после кончины Боба, был самым трудным. Как будто было нужно переступить через случившееся. Большинство песен были записаны лишь потому, что я позволила себе петь. Граб Купер сказал, что мы обязательно сделаем альбом, но не будем спешить, по одной песне за раз.

— Спой какие-нибудь свои старые песни, — предложил он. — И что-нибудь из песен Боба. Спой то, что ты действительно любишь.

Оттого, что я не могла выразить свою боль, свою скорбь, эти чувства перетекли в мою работу. Каждый день я запрещала себе горевать: сегодня нельзя, потому что завтра нужны силы для совещания. Завтра нельзя, потому что надо лететь на встречу с юристами. Послезавтра нельзя, потому что намечен разговор с управляющими в Нью-Йорке. Мое горе всегда было спрятано за этими «нельзя».

Тогда Граб сказал мне:

— Знаешь, лучшее средство выразить печаль и не сойти с ума — петь. Пой!

И я подумала: да ведь именно эти слова произнес Боб! Его последние слова, сказанные мне перед смертью. И раз уж он был пророком, то наверняка видел будущее, когда писал «No Woman No Cry». Наверняка знал, что ему придется спешить. Но знал и то,

что, когда его не будет, все будет хорошо. Я стала петь, как он велел мне, и его слова сбылись — все хорошо. Я пою до сих пор, и все по-преж нему хорошо. Хорошо! Растафари!

Об авторах

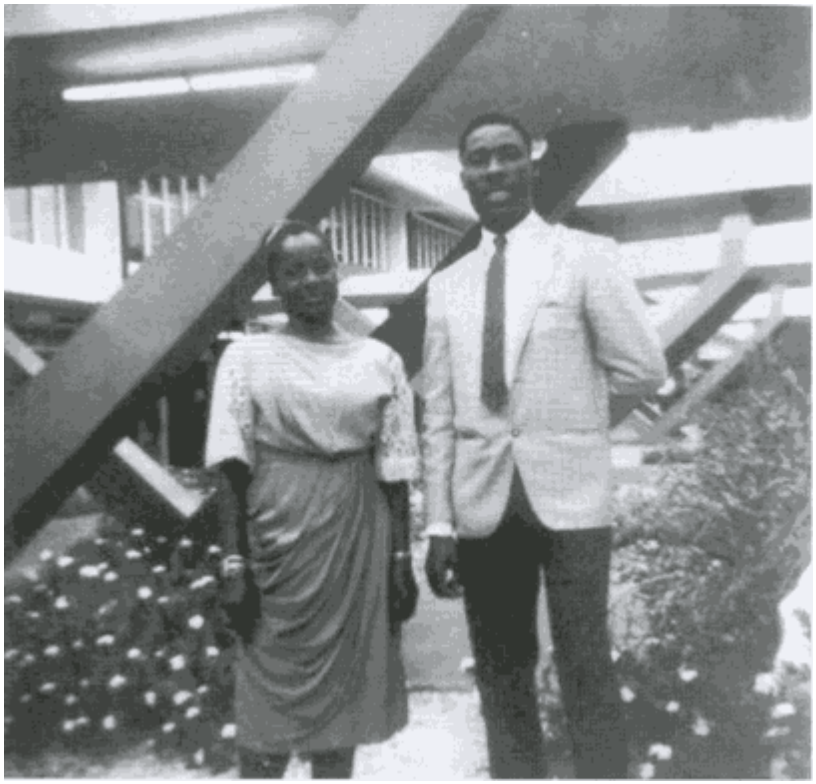
Рита Марли выступает с регги-группой «I-Three» и помогает управлять Фондом Боба Марли. Рита вышла замуж за Боба Марли в 1966-м, когда ей было девятнадцать, а ему — двадцать один, и оставалась его женой до самой смерти Боба в 1981-м. Мать детей Боба, она выступает по всему миру, но свою новую родину обрела в Гане, Западная Африка.

Хэтти Джонс — поэтесса и писательница, автор нескольких книг. Среди ее предыдущих работ — мемуары «Как я стала Хэтти Джонс», рассказывающие об эпохе битников и ее браке с Лероем Джонсом[4]. Она живет в Нью-Йорке, где преподает в университете Нью-скул и в Поэтическом центре на 92-й улице.

Иллюстрации

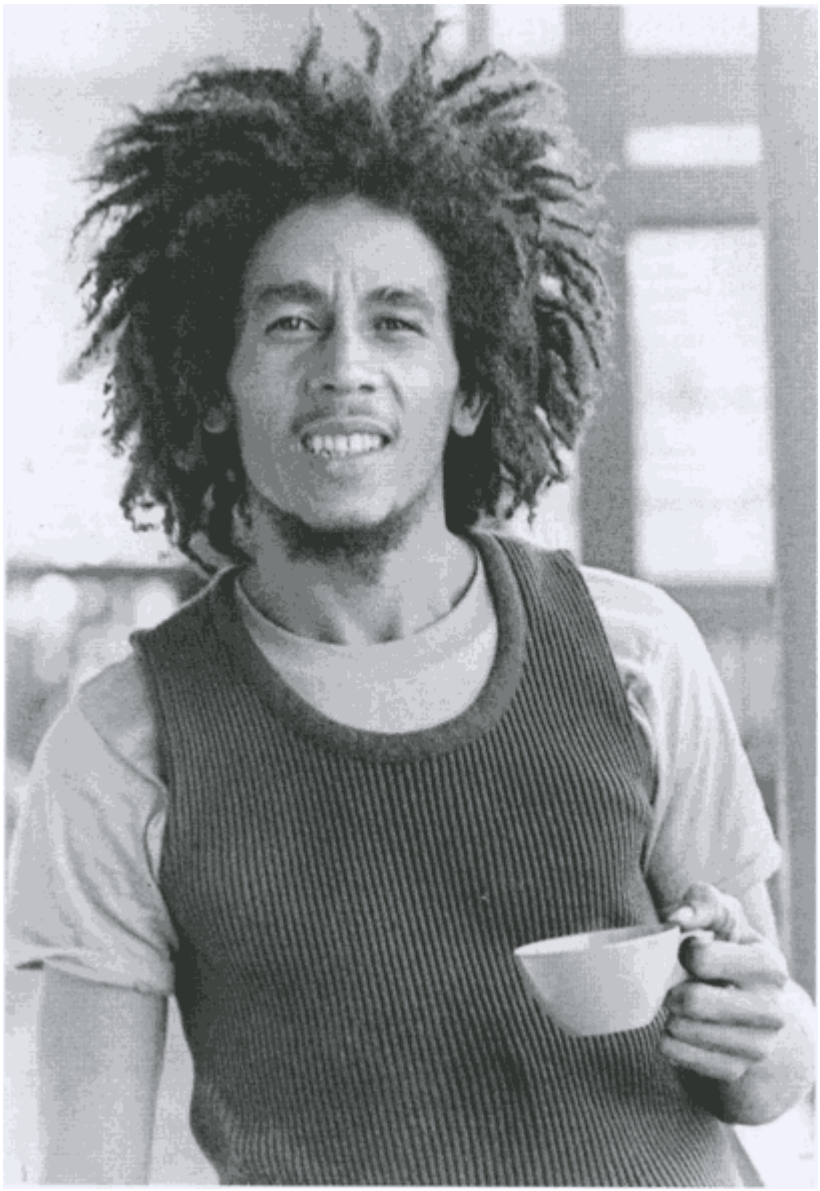
Знаменательный день в черной истории — 11 февраля 1966 года. У нас обоих рот до ушей!

(Rita Marley collection)



Тетушка Вай и мой брат Уэс — мои ангелы-хранители (Rita Marley collection)

«The Wailing Wailers» — Банни, Боб и Питер. 1966
(Michael Ochs Archives.com)



Первая запись Боба, «One Cur of Cofee». 1973
(Chuck Krall/Michael Ochs archives.com)

Боб на сцене с «I-Three». Театр «Старлайт», Калифорния, 1978
(Chuck Krall/Michael Ochs archives.com)

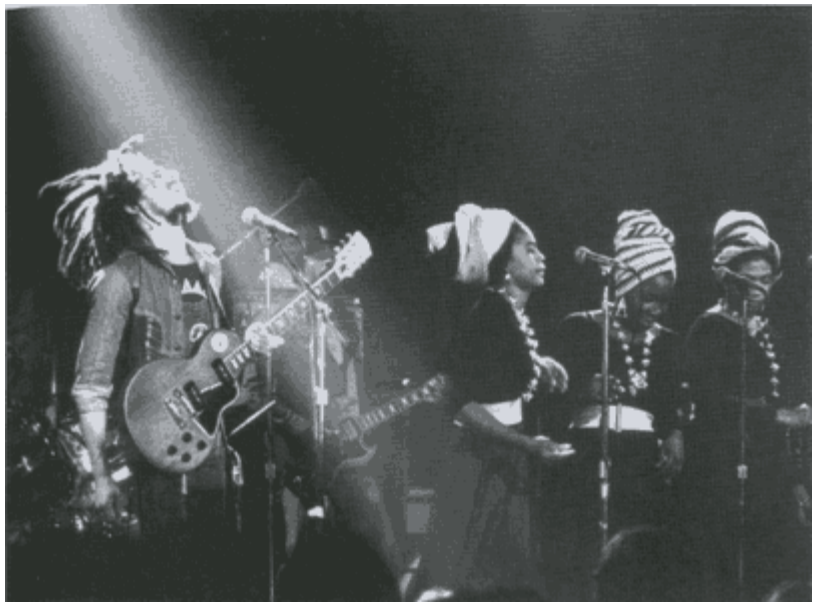
Одно из моих настроений
(Michel Delsol)

«The Wailers» — к бою готовы! Театр «Одеон», Бирмингем, 1974

(Ian Dickson/Rerferns/Retna.ltd.)

Растаманские вибрации — позитивны! «Хаммерсмит-Одеон», 1976

(Dennis Morris/Camera press/Retna.ltd)

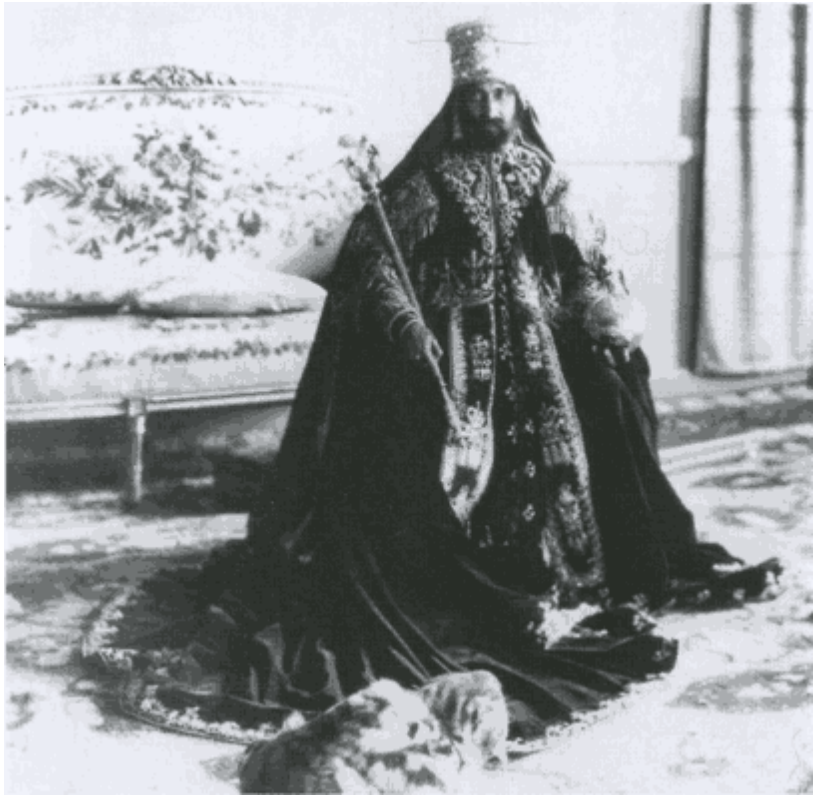


«Could You Be Loved». Театр «Рокси», Лос-Анджелес, Калифорния, 1976

(Kim Gottlieb-Walker/Michael Ochs archives.com)

«I-Three» делают свое дело. Театр «Старлайт», Калифорния, 1978

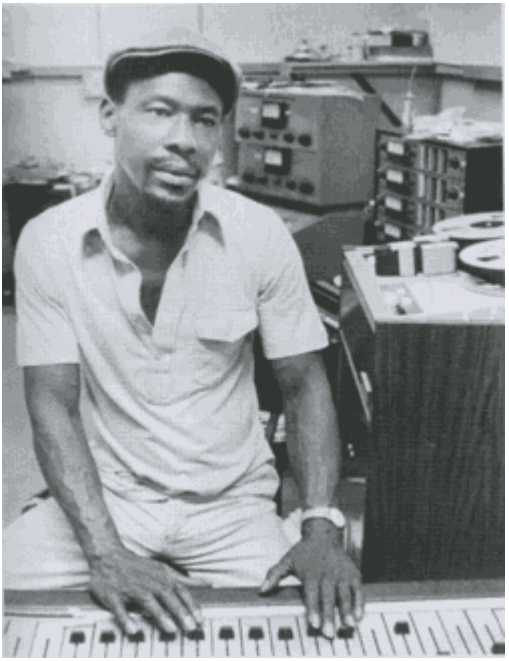
(Chuck Krall/Michael Ochs archives.com)



Император Эфиопии Хайле Селассие I — Лев Иудейский, Царь Царей, избранник Божий — на своей коронации 2 ноября 1930 года

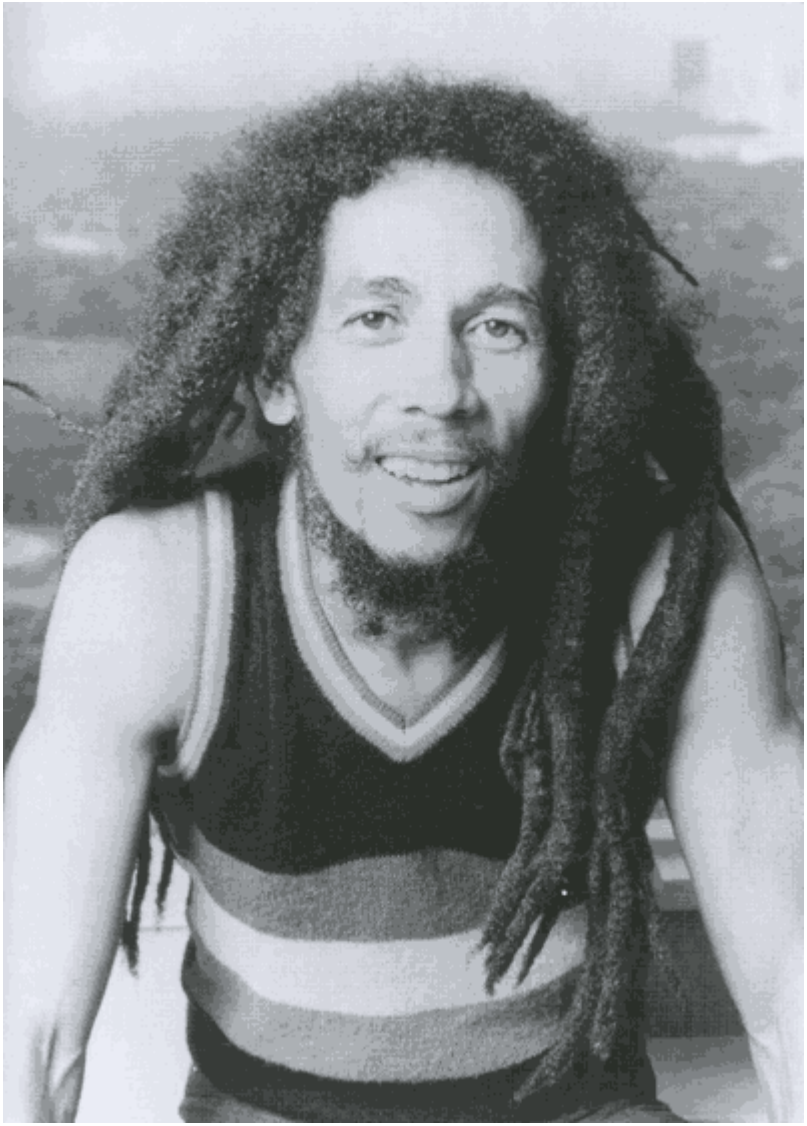
(Hulton archuve/Getty images)

В гетто даже горечь превращалась в сладость
(© Peter Simon)



Ямайский «Motown» — «Studio One», где мы начинали
(© Peter Simon)

Наши дети. 1982
(Peter Simon/Retna.ltd)



Боб после выступления в Мэдисон-Сквер-Гарден с «The Commodores». 2 сентября 1980 года

(1980 Ebet Roberts)

Время скорби. Со Стивеном и Зигги на церемонии похорон Боба в Кингстоне. 21 мая 1981 года

(Mattnew Naythons/Getty Images)

Я в Центральном парке во время одного из благотворительных выступлений

(Peter Simon/Retna.ltd)

Дело Марли живет! На церемонии открытия звезды Боба на голливудской Аллее славы с почетным мэром Голливуда Джонни Грантом. 2001

(AP/Wide World)

«The Melody Makers» получили «золото» за «Hey World»!
(1988 Ebet Roberts)

Серита. 1998
(Rita Marley collection)

Со Стефани на традиционном праздновании моего дня рождения в Гане

(Rita Marley collection)

С Эрикой Баду на гала-концерте, посвященном Бобу. Джеймс-Бонд-Бич, Ямайка, 1999

(David Corio/Retna.ltd)

notes

Примечания

1

Помню, мы сидели во дворе в Тренчтауне…

В этом светлом будущем тебе не забыть твоего прошлого…

О, моя милая, моя маленькая сестра…
Не роняй слез…
Не плачь, женщина, не плачь *(англ.). — Здесь и далее примеч. пер.*

2

«Ирландский мох» — вид красных водорослей; «айтел» (ital) — правила питания, которых придерживаются растафари; исключают химические добавки, консервированную, «искусственную» пищу.

3

Обыгрывается созвучие имени со словом «грех» (sin).

4

Видный афроамериканский драматург и политический деятель; впоследствии перешел в ислам и принял имя Амири Барака.